

ISSN 2587-6503

<http://kigiran.com>

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2023`1

Кермен Толга

Djagar
Barun

Saturn, Esri, DigitalGlobe,
GeoEye, Earthstar

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2023. № 1

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2587-6503 (Print)

2023. № 1

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социологии.

Журнал публикует статьи на русском, английском,
калмыцком и монгольском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Подписной индекс в каталоге Агентства «Книга-Сервис»:

33086

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2023. No. 1

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, sociology.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Kniga-Servis Agency) — 33086

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Баянова А. Т., канд. фил. наук; *Ванчикова Ц. П.*, д-р ист. наук;
Голенкова З. Т., д-р филос. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук; *Дулина Н. В.*, д-р соц. наук;
Жуковская Н. Л., д-р ист. наук; *Зайцев И. В.*, д-р ист. наук;
Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Казиева А. М.*, д-р фил. наук;
Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;
Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Лушников Д. А., д-р соц. наук; *Манджиева Б. Б.*, д-р фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Очир-Горяева М. А.*, д-р ист. наук;
Пюрбеев Г. Ц., д-р фил. наук; *Ринчинов О. С.*, канд. физ.-мат. наук, д-р
ист. наук; *Ситдиков А. Г.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: *С. В. Джагрунов*
Дизайн и верстка: *Д. В. Татнинов*

© КалмНЦ РАН, 2023

© Коллектив авторов, 2023

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bayanova A. T.*, Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Golenkova Z. T.* Dr. Sc. (Philosophy);
Dampilova L. S., Dr. Sc. (Philology); *Denisova G. C.*, Dr. Sc. (Sociology);
Dulina N. V., Dr. Sc. (Sociology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Zaytsev I. V., Dr. Sc. (History); *Ivanova I. N.*, Dr. Sc. (Philology);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Klyaus V. L.*, Dr. Sc. (Philology);
Koltsov P. M., Dr. Sc. (History); *Komandzhaev A. N.*, Dr. Sc. (History);
Krinko E. F., Dr. Sc. (History); *Lushnikov D. A.*, Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Rinchinov O. S.*, Cand. Sc. (Physics,
Mathematics), Dr. Sc. (History); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); *Khabunova E. E.*, Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Dr. Sc. (Philology); *Yarmarkina G. M.*, Cand. Sc.
(Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
8, Ilishkin St., Elista 358000,
Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Translator: S. V. Dzhagrunov

Design and page layout: D. V. Tatninov

© KalmSC RAS, 2023

© Composite authors, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ

- Митруев Б. Л.** Письмо Убаши-хана из монастыря Лабранг в свете данных тибетских источников о связях калмыков с духовными иерархами 8
- Самдан А. А.** Коллекция монгольских ксилографов и рукописей А. Ш. Баира в архивах Тувы 44
- Мучаева И. И.** «Калмыцкая» коллекция из фондов Новочеркасского музея истории Донского казачества 69

АРХЕОЛОГИЯ

- Кекеев Э. А.** Полевые отчеты как источники информации об археологических памятниках Республики Калмыкия, исследованных в 1929–1991 гг. 85
- Бембева Л. А.** История изучения антропологических материалов с территории Республики Калмыкия 134

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Ханинова Р. М.** Жанровое своеобразие калмыцкой поэзии конца XX – начала XXI в.: тема картофеля в сибирской ссылке 170
- Мхе Б. З.** Художественная антропология Расула Гамзатова (на примере книги «Мой Дагестан») 200

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Гымпилова С. Д.** Бурятские версии эпоса «Джангар» 212

CONTENT

SOURCE STUDIES

- Mitruiev B. L.** One Letter by Khan Ubashi from Labrang Monastery: A Perspective from Tibetan Sources on Relations between Kalmyk Elites and Clerical Executives 8
- Samdan A. A.** Mongolian Xylographs and Manuscripts Collected by Aleksey Sh. Bair of in Archives of Tuva 44
- Muchaeva I. I.** Novocherkassk Museum of Don Cossack History: Analyzing the ‘Kalmyk’ Collection 69

ARCHAEOLOGY

- Kekeev E. A.** Field Reports as Sources of Information on Kalmykia’s Archaeological Sites: 1929–1991 85
- Bembeeva L. A.** Anthropological Material from Kalmykia: A History of Research 134

LITERATURE STUDIES

- Khaninova R. M.** Genre Originality of Kalmyk Poetry in the Late Twentieth and Early Twenty First Centuries: The Theme of Potatoes in Siberian Exile 170
- Mkhtse B. Z.** Rasul Gamzatov’s Anthropology of Literature: A Case Study of *My Dagestan* 200

FOLKLOR STUDIES

- Gympilova S. D.** Buryat Versions of the Jangar 212

Письмо Убаши-хана из монастыря Лабранг в свете данных тибетских источников о связях калмыков с духовными иерархами

*Бембя Леонидович Митруев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник, аспирант
 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev[at]yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Митруев Б. Л., 2023

Аннотация. *Введение.* За последние годы вышло несколько работ, содержащих письма калмыцких ханов и знати на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг»), в том числе и письма наместника Калмыцкого ханства Убаши. Однако до настоящего времени отсутствовали публикации писем Убаши-хана после его ухода в пределы цинской империи в 1771 г. В данной статье рассматривается письмо на ойратском «ясном письме», сохранившееся в монастыре Лабранг в провинции Ганьсу. *Цель* исследования — ввести в научный оборот письмо из Лабранга, установить авторство, дату, возможного адресата письма, а также проанализировать его содержание в свете данных тибетских источников о связях калмыков с тибетскими духовными иерархами в период после 1771 г. *Материалом* для исследования послужило письмо XVIII в. на ойратском «ясном письме», хранящееся в Большом молебном зале монастыря Лабранг, а также источники на тибетском языке: биография Панчен-ламы Палден Еше и биография Далай-ламы VIII. *Результаты.* В ходе исследования установлены авторство письма и период его написания, а также выдвинута гипотеза об адресате письма. Автор статьи считает, что письмо было написано Убаши-ханом в 1772 г. Адресатом письма, предположительно, является Кончок Джигме Вангпо, второе воплощение Джамьянг Шебы. Анализ письма в свете данных других источников дает дополнительный аргумент в пользу предположения о том, что одной из главных причин, по которой калмыки Убаши-хана покинули свои прежние кочевья, являлась забота о поддержании традиционного вероисповедания среди народа.

Ключевые слова: Убаши-хан, Церен Намджал, письмо, Калмыкия, Лабранг

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 20-512-93002 «Памятники „ясного письма“ как культурное наследие России и Китая».

Для цитирования: Митруев Б. Л. Письмо Убаши-хана из монастыря Лабранг в свете данных тибетских источников о связях калмыков с духовными иерархами // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 8–43. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-8-43

One Letter by Khan Ubashi from Labrang Monastery: A Perspective from Tibetan Sources on Relations between Kalmyk Elites and Clerical Executives

*Bembya L. Mitruiev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev[at]yahoo.com

© KalmSC RAS, 2023

© Mitruiev B.L., 2023

Abstract. *Introduction.* Recent years have witnessed several publications of Oirat-language (Clear Script) letters by Kalmyk khans and nobility, including ones authored by Viceroy Ubashi. However, the former have included none of Khan Ubashi's messages written after the Kalmyk Exodus of 1771. So, the paper examines one such Oirat-language letter housed at Labrang Monastery (Gansu, PRC). *Goals.* The work introduces the mentioned document into scientific circulation, seeks to identify its author, addressee and period of creation, analyze its contents from the perspective of Tibet-based sources on relations between Kalmyk elites and Tibetan hierarchs after the year 1771. *Materials.* The study investigates an eighteenth-century Clear Script letter stored in the Grand Hall of Labrang Monastery and analyzes some Tibetan-

language sources, namely: official biographies of the Sixth Panchen Lama Palden Yeshe and the Eighth Dalai Lama Jamphel Gyatso. *Results*. Analysis has established authorship of the letter, the time interval when it could have been written, and hypothesizes as to the addressee. So, it is presumed that the letter was submitted by Khan Ubashi to Konchok Jigme Wangpo, the Second Jamyang Zhepa, in 1772. Additional insights into other sources may attest to that the key causes behind the Kalmyk Exodus headed by Khan Ubashi included the people's concern about retaining traditional faith.

Keywords: Khan Ubashi, Tseren Namjal, letter, Kalmykia, Labrang

Acknowledgments. The study was funded by RFBR and CASS as part of research project № 20-512-93002 “Literature of the Clear Script as a cultural heritage of Russia and China”.

For citation: Mitruiev B. L. One Letter by Khan Ubashi from Labrang Monastery: A Perspective from Tibetan Sources on Relations between Kalmyk Elites and Clerical Executives. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 1: 8–43. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-8-43

Введение

В последние годы опубликованы несколько работ, содержащих письма калмыцких правителей до XVIII в. [Письма 2004; Сусеева 2003; Сусеева 2009; Тепкеев, Нацагдорж 2016; Успенский, Яхонтова 2021]. Однако ничего не было известно о письмах наместника Калмыцкого ханства Убаши (1742/1744–1775), датируемых периодом после его откочевки вместе с большей частью калмыцкого народа в цинский Китай в 1771 г.

Исследователь из Урумчи Б. Батубаяр сообщает, что в китайских архивах сохранились письма на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг») с оттисками принадлежавшей Убаши-хану печати, адресованные императору Цяньлуну, синьцзянскому военному губернатору и советнику генерал-губернатора Тарбагатая в период между 1771 и 1775 гг. Известно о существовании девяти таких писем, которые хранятся в Первом историческом архиве Китая [Batubayaer 2017b: 154]. В работе Б. Батубаяра упоминается, что в Большом молебном зале монастыря Лабранг Таши Кьил (тиб. bla brang bkra shis 'khyil) в провинции Ганьсу имеется письмо на «тодо бичиг» с печатью Убаши-хана [Batubayaer 2017 b: 154].

Цель исследования — ввести в научный оборот письмо из Лабранга, установить авторство, дату, возможного адресата письма, а также проанализировать его содержание в свете данных тибетских источников о связях откочевавших калмыков с тибетскими духовными иерархами в период после 1771 г.

События после прибытия калмыков в цинский Китай в 1771 г.

Убаши-хан был четвертым сыном хана Калмыцкого ханства Дондук-Даши и единственным сыном, рожденным от его второй жены Деджит. В 1757 г. Дондук-Даши был назначен ханом, а его сын Убаши — наместником ханства. После смерти отца в 1761 г. Убаши унаследовал ханскую власть, сохранив титул наместника [Санчи́ров 2016: 46]. У Убаши было два сына, старший — хан Церен Намджал. Второй сын Убаши — тайджи первой степени Рабдан Дорджи [Санчи́ров 2016: 103]. В китайских источниках калмыки, прибывшие с Убаши-ханом, именуются торгутами, так как они за небольшим исключением (кроме прибывшей небольшой группы хошутов) являлись представителями этой субэтнической группы. Далее в нашей статье при изложении сведений из таких источников используется упоминаемый в них этноним, который указывает на этническую группу калмыков, пришедших на территорию цинского Китая в 1771 г.

Китайский двор ясно понимал важность отправления калмыцких посольств в Тибет к Далай-ламе для самих калмыков (называемых торгутами), о чем свидетельствует следующий факт: по прибытии Убаши-хана на территорию империи Цяньлун направил своих представителей Шухэд¹ и прочих, дабы они сказали Убаши следующее: «Если вы хотите отправиться в Тибет с миссией „вскипятить чай“² перед Далай-ламой, мы также дадим вам разре-

---

¹ Шухэдэ (кит. 舒赫德; пиньинь shū hè dé) в период 1772–1774 гг. занимал пост илийского цзянцзюня (генерал-губернатора).

² «Вскипятить чай», «аоча» (кит. 熬茶; пиньинь áo chá), буквально переводится как «кипячение, приготовление чая». В старину верующие буддисты жертвовали храмам чай с маслом и деньги, что называлось «кипячение чая».

шение. В настоящее время Тибет включен в состав нашей территории. В Желтой религии нет никого выше в иерархии, чем Далай-лама и Панчен Эртени-лама» [Fu Lo-shu 1966: 256].

Интересно, что после того, как император Цяньлун принял торговцев Убаши-хана, он известил об этом юного тринадцатилетнего Далай-ламу VIII Джампел Гьяцо (1758–1804):

lcags yos <...> zla ba dgu pa'i tshes bcu gcig la gong ma'i gral rtse'i thog thor god o rod kyi mi u ru sur sdod mi mgo yod lnga bcu skor/ sde dud khri tsho bcu brgal bas mgo btags zhus byung ba skyabs byas pa yin pas 'di bzhin chos kyi lugs srol yin gshis tA la'i bla mar zhus na thugs mnyes 'gro/ spyir yang dril sgrogs shig ces phebs par/ am ban gnyis la phyag dbang / sba yer gyi gsol ras gya nom pa stsal

«Когда Далай-ламе пришло следующее сообщение: «Одиннадцатого числа девятого тибетского месяца <...> года Железа-Зайца [1771 г. — Б. М.] во время доклада императору было доложено о том, что около пятидесяти предводителей живущих в России торгут-ойратов вместе с более чем десятью тысячами семействами¹ покорились. Тогда он принял их под свое покровительство. Так как это является религиозным вопросом, возможно, если обратиться к Далай-ламе, он обрадуется. Вообще, предайте это гласности!» — [Далай-лама] дал двум амбаням благословение дланью, а также пышные подарки^{2,3} [de mo ho thog thu 2010: 110–111].

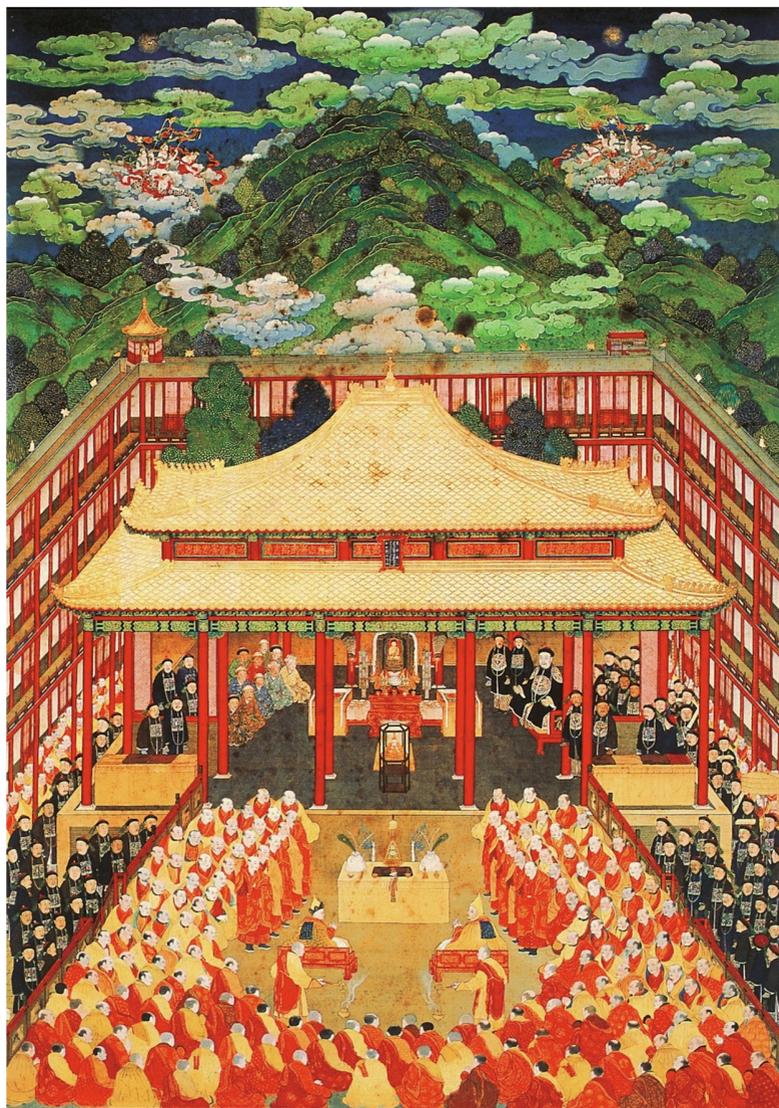
Цинский император Цяньлун (1711–1799) дал аудиенцию Убаши и другим представителям калмыцкой знати в императорской резиденции в Жэхэ. Сцена банкета, устроенного императором Цяньлуном для предводителя торговцев Убаши-хана, изображена

---

¹ Эта цифра отличается от количества, сообщенного Далай-ламе торгутскими посланниками, которая приводится ниже. Возможно, разница обусловлена различиями в методе подсчета или тем, что торгутская знать пыталась зависеть число своих подданных.

² Здесь слово *подарки* (тиб. sba yer gyi gsol ras) происходит от китайского *байе* (кит. 拜謁; пиньинь bàiyè), означающего «нанести визит, навестить (старшего)». Но в данном контексте *байе* обозначает «подарок, с почтением поднесенный императору или другим высокопоставленным лицам».

³ Здесь и далее перевод с тибетского языка Б. Л. Митруева.

Илл. 1. «Картина, изображающая Цяньлуна,
„Десять тысяч дхарм возвращаются как одна“»

[Fig. 1. Picture depicting Emperor Qianlong
'Ten Thousand Dharmas Return as the One']

на полотне «Картина, изображающая Цяньлуна, „Десять тысяч дхарм возвращаются как одна“» (кит. 乾隆萬法歸一圖; пиньинь Qiánlóngwànfǎ guī yī tú), написанном Игнацом Зихельбартом¹ (Ignaz Sichelbarth; 1708–1780). На картине изображен павильон «Десять тысяч дхарм возвращаются как одна» (см. илл. 1), справа от центра павильона находится император Цяньлун, слева — Убашихан. Перед павильоном слева изображен третий Джебцундамба Ишдамбийням (тиб. ye shes bstan pa'i nyi ma; 1758–1773), справа — учитель Цяньлуна Чанкья Ролпе Дордже (тиб. lcangs kya rol pa'i rdo rje; 1717–1786) [Wang 2014: 390].

Во время пребывания в Жэхэ Убаши и его подданные воспользовались возможностью получить религиозные наставления и, вероятно, установить связь с наставником императора Цяньлуна Чанкья Ролпе Дордже. В биографии Чанкья Ролпе Дордже «Краткое изложение биографии Владыки, имеющего сущность Ваджрасаттвы, великолепного святого учителя Еше Тенпе Донме Пелсангпо² „Прекрасное украшение учения традиции геден³“» (тиб. khyab bdag rdo rje sems dpa'i ngo bo dpal ldan bla ma dam pa ye shes bstan pa'i sgron me dpal bzang po'i rnam par thar ba mdo tsam brjod pa dge ldan bstan pa'i mdzes rgyan), сочиненной Тукван Лобсанг Чокья Ньимой (тиб. thu'u bkwan blo bzang chos ky'i nyi ma; 1737–1802), повествуется о том, как торгуты, покорившиеся императору Цяньлуну, обратились к Чанкья-хутугте с просьбой дать наставления в дхарме:

lcags yos lo <...> thor god kyi rgyal khag 'ga' gong ma chen por mgo 'dogs par 'ongs pa rnam kyis rje bla ma mchog la so sos 'bul nod dang bcas bka' chos zhus pa rnam 'dod pa bzhin stsal te de dag gi yid kyi re ba rdzogs par mdzad do.

‘В год Железа-Кролика [1771 г. — Б. М.] <...> каждое из нескольких торгутских племен, пришедших покориться великому

---

¹ Игнац Зихельбарт (Ignaz Sichelbarth; 1708–1780) — чешский иезуит, миссионер и художник, получил звание мандарина.

² Еше Тенпе Донме Пелсангпо (тиб. ye shes bstan pa'i sgron me dpal bzang po) — другое имя третьего воплощения Чанкья Ролпе Дордже.

³ Геден (тиб. dge ldan), «Добродетельное» — синоним тибетской традиции гелуг.

императору [Цяньлуну], совершило высшему учителю [Чанкья-хутухте] подношение и попросило у него наставления в дхарме. [Чанкья-хутухта] дал [наставления] согласно пожеланиям, так удовлетворив их чаяния' [thu'u bkwan 1989: 545].

В 17-й день 9-го лунного месяца 36-го года правления Цяньлуна (т. е. 25 октября 1771 г.) хану Убаши был дан титул «Зоригтухан старых торгутов Унэн Сузугту» [Dorji, Batubayar, Lijej 2009: 43]. Таким образом, Цяньлун подтвердил Убаши в ханском достоинстве с титулом Зоригту («Храбрый»). Цебек Дорджи получил титул Буянту («Добродетельный») циньван (кит. 秦王; пиньинь qínwáng), Шеаренг — титул Биликту («Мудрый») цзюньван (кит. 郡王; пиньинь jùnwáng), Бамбар — Биширелту («Верующий») цзюньван, Гунгэ — титул Тусату («Полезный») бэйлэ, Момонтуй — титул Джиргалан («Счастливый») бэйлэ, «а прочие пожалованы 4, 5, 6 и 7 степеней князьями без титулов. Сверх того все новопожалованные Князья названы Джасаками, то есть: имеющими право получить жалованье от императора по окладам, и более не зависящими один от другого» [Ци ши и 1820: 221–222 (264–265)].

По всей видимости, некоторые из тайджи, прибывшие с Убаши-ханом, были очень верующими людьми. Так, среди прибывших находился хошутский тайджи Еремпел¹, которому был пожалован титул «Гушань-амурлингуй-бэйсэ²» и который был назначен дзасаком. В 1771 г. Еремпел попросил Чанкья-хутугту дать ему монашеские обеты с приписанием к кочевью Чанкья-хутугты [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 147]. Вот что об этом сказано в биографии Чанкья-хутугты:

thor god kyi tha'i ji yar 'phel zer bas gong ma chen por snyan sgron
phul te kho rang gi bu dang chung ma nor rdzas mnga' 'bangs thams
cad blos lings kyis bskiyur nas/ tje bla ma mchog las rab byung dge tshul
bsnyen rdzogs kyi sdom pa'i bka' drin zhus shing rang yul du mi 'gro bar

¹ В литературе также встречаются варианты написания имени хошутского владельца: Ярампил и Эремпель [Митиров 1998: 266].

² Маньчжурский титул бэйсэ (кит. 贝子; пиньинь bèizi) употреблялся в титулах маньчжуров и монголов.

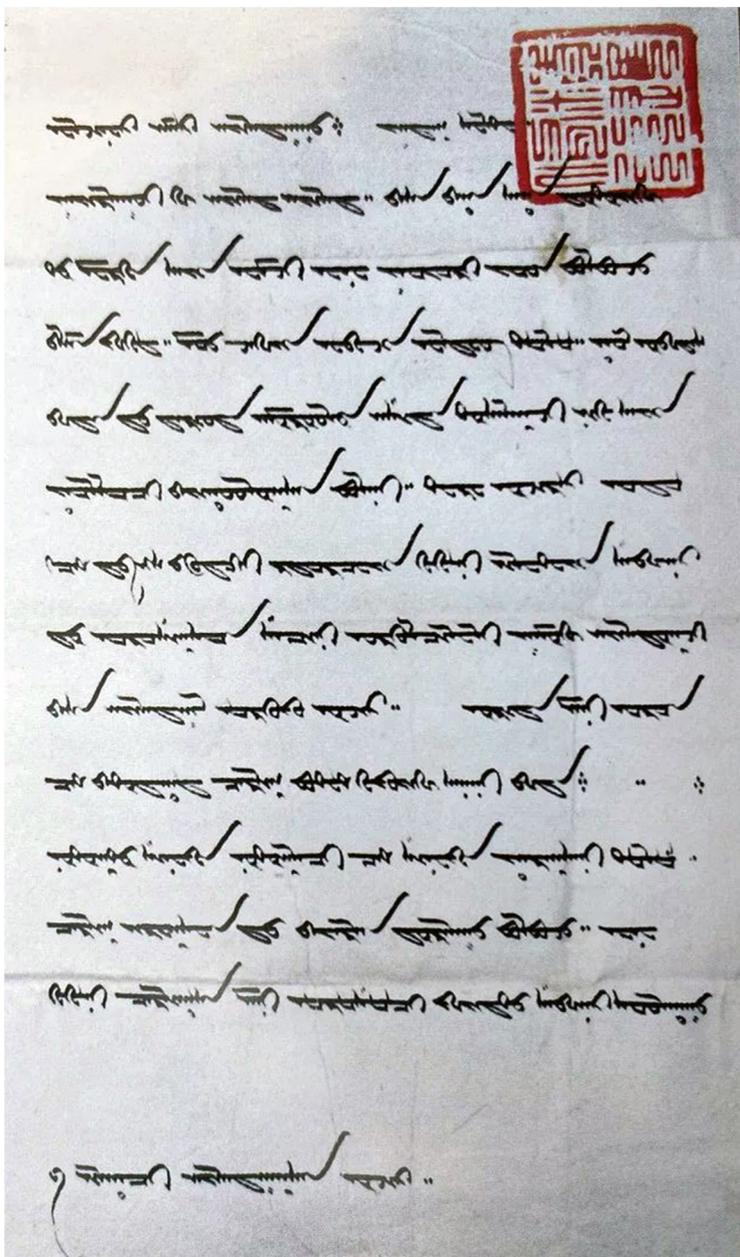
bla ma dam pa'i sku drung du bcar sdod bgyid pa la/ rje bla ma mchog nas/ yar 'phel gyis blos btang 'di 'dra deng sang gi bla ma tshos kyang yong dka' ba 'dug ces kho la thugs shin tu brtse ba mdzad/ kho bo cag lta bu'i deng sang gi bla chen gyi go sar bzhugs pa rnam ni/ 'brug pa kun legs kyi gsungs las/ slob ma rnam la chog shes dam chos gsungs/ /bla ma rang ni khab skud tshun chad bsog/ ces pa'i ngang tshul las ma 'das pa 'dug pas/ yar 'phel gyi 'dun ma de bdag cag la co 'dri ba lta bur snang ngo // de nas rje bla ma pe'i cing du phebs/

‘Когда торгутский тайджи по имени Еремпел, сделав доклад Великому императору, полностью оставил детей, супругу, богатства, власть и подданных и попросил Владыку Высшего учителя [Чанкья-хутухту] милостиво даровать ему обеты монаха перед послушничеством, обеты послушника и полные монашеские обеты, а также пожелал не возвращаться на родину, но оставаться подле превосходного учителя [Чанкья-хутухты], Высший Владыка учитель [Чанкья-хутухта] выказал [Еремпелу] великую милость, сказав: «Такое отречение, как у Еремпела, встречается редко даже среди великих лам нашего времени. О подобных нам, ныне занимающих положение великих лам, сказано в изречениях Друкпа Кунлека¹: Они проповедуют ученикам святое учение об умеренности. Сами же ламы заняты стяжательством [всего] вплоть до нитки с иголкой. Так, они ничем не отличаются от описанного здесь. Стремление Еремпела выглядит, как насмешка над нами». Затем учитель [Чанкья-хутухта] отправился в Пекин’ [thu'u bkwan 1989: 545–546].

Письмо Убаши-хана

Сразу же после прибытия предводители торгутов постарались наладить связи с близлежащими буддийскими монастырями и пребывающими там буддийскими иерархами. Одним из таких монастырских центров был монастырь Лабранг, находившийся в то время в провинции Амдо. Из рассматриваемого ниже анонимного письма (см. факсимиле 1) можно узнать, что торгутский правитель просил у некоего гегена разрешения разместить в этом монастыре монахов, которые, по всей видимости, были отправлены туда для обучения. Кроме того, он обещает исполнить некоторое повеление этого иерарха, о котором говорилось в предыдущей переписке.

¹ Друкпа Кунлек (тиб. brug pa kun legs; 1455–1529) — учитель традиции друкпа кагью.

[Fig. 2. Letter by Khan Ubashi. Facsimile]

Факсимиле 1. Письмо Убаши-хана

Транслитерация

Илҗәй айиладхақсан уңир :: gegēni җарлиҗāsa mani öröšōji kiyidtū šabınar soulayaxu җарлиқ ireqsen-dü bayarlan duralaxu bolboçu: ene nutuqtu šineken nutuqlaји җам šineken җарақсани төлō : җам батудҗад җарлиқ бүтēm geküyиги сананай бида :: : ::

basa ayiladxal örgükü uңир : urida mani oron-du orošiqson šajini ürgüljileli xamugi ayiladuқči җам dby[a]ngs bzh[a]dpai rdoҗeyin gegēni ileteyin šabınar җоллоји байиуулуқсан болнай:

tere uңirār odō bidan-du dariuda amuruulun ašida tusalaқči nige sayın blama kigēd : mou čagiyin ebecin eldeb төлō: җол ubidas-tu mergen sayın emci ene xoyori youn bolboçu xayirlaxui-gi ayilad ayilad: basa baҗa saҗa dutuyиги elciner amār ayiladxaxu::

xadaқ selte:

Перевод письма Убаши-хана из монастыря Лабранг

Причина отдельного нижайшего донесения: хотя мы довольны и рады тому, что среди [Ваших,] гегена [,] наставлений с милостью к нам прибыло дозволение о размещении шебинеров в монастыре, так как [мы] кочуем в этой местности впервые и впервые устанавливаются округа, мы думаем исполнить Ваш наказ после того, как закрепятся [подразделения на] округа.

Также причиной нижайшего донесения является следующее: прежде продолжение дхармы, пребывающей в нашей местности, в основном осуществлялось явными [т. е. прямыми. — Б. М.] учениками Всеведущего гегена Джамьянг Шебе Дордже¹. По этой причине сейчас нам [необходимы] один хороший лама, тотчас умиротворяющий и непрестанно помогающий, и ввиду разнообразия болезней дурного времени один хороший, сведущий в основных наставлениях (ойр. җол ubidas) лекарь. Любезно примите к сведению, примите к сведению!

Также некоторые [сведения], отсутствующие [в письме], устно доложат посланцы.

С хадаком.

---

¹ Полное имя Джамьянг Шебы — Джамьянг Шебе Дордже (тиб. 'jam dbyangs bzhad pa'i rdo rje).

Комментарии к письму Убаши-хана

В рассматриваемом здесь письме на ойратском «тодо бичиг» не назван ни адресант, ни адресат, однако исходя из содержания письма и печати, возможно установить автора, предположительную дату и адресата письма.

Использование ойратского «ясного письма» («тодо бичиг»), созданного в 1648 г., и упоминание Джамьянг Шебы (1648–1721) указывают на то, что данное письмо было написано в XVII–XVIII вв. Красная печать, расположенная в правом нижнем углу письма, несет в себе легенду «цзинцзинь сюсин» (кит. 精進修行; пиньинь *jīngjìn xiūxíng*) [[Batubayaer 2017b: 153](#)], что переводится как «усердно практиковать». Б. Батубаяр пишет, что данная легенда может быть переведена на монгольский язык как «хичээнгүйлэн бясалгах» или «хичээнгүйгээр бүтээгч» [[Батубаяр 2014: 81](#)]. Судя по имеющимся документам на «тодо бичиг», эта печать с легендой на китайском языке использовалась с 1710 г. по октябрь 1775 г., между 49-м годом правления Канси и 40-м годом правления Цяньлуна [[Batubayaer 2017b: 153](#)]. Данная печать последовательно принадлежала Чагдорджабу, его сыну хану Дондук-Даши, а затем сыну Дондук-Даши — наместнику Убаши. Получив титул «Зоригту-хан», Убаши-хан продолжал владеть этой печатью до самой смерти [[Batubayaer 2017a: 148](#)].

После того, как люди торгутского Убаши были временно переселены в Чжайр, продолжали случаться всевозможные трудности и беды (небольшой урожай, болезни и др.). Так, некоторые люди из-за этого ушли обратно на Волгу, другие стали воровать из-за нехватки продовольствия, третьи не могли привыкнуть к новой для них местности. Мать¹, жена и дочь Убаши умерли от неизвестной болезни. При таких обстоятельствах в 22-й день 7-го лунного месяца 37-го года правления Цяньлуна (20 августа 1772 г.) Убаши

---

¹ В источнике, на который далее идет ссылка [[Dorji, Batubayar, Lije 2009: 29](#)], видимо, имеется в виду мачеха Убаши, так как его мать Деджит умерла в 1755 г. В 1756 г. Дондук-Даши женился на младшей родной сестре умершей Деджит — Церен-Джал, известной также и под именем ханши Найджитун [[Батмаев 1993: 344](#)].

обратился к цинскому двору за разрешением сменить кочевье. Просьба Убаши была одобрена цинским двором, и после долгих обсуждений он собрался переехать в Юлдус [Dorji, Batubayar, Lijei 2009: 29]. Сама откочевка Убаши-хана в Юлдус состоялась в 1773 г. [Мэн-гу-ю-му-цзи 1895: 462].

После кончины Убаши-хана в 8-й день 12-го лунного месяца 39-го года правления Цяньлуна (т. е. 9 января 1775 г.) цинский двор ввел систему сеймов и знамен среди торгутов и хошутов в 40-й год правления Цяньлуна (1775 г.) [Dorji, Batubayar, Lijei 2009:33] и выдал дзасакам сеймов и знамен печати. В 9-й лунный месяц 40-го года правления Цяньлуна (в период с 25 сентября по 23 октября 1775 г.) старший сын Убаши, Церен Намджал, вступил в должность главы Южного сейма «Унэн Сузугту¹ старых торгутов»² и получил новую печать [Dorji, Batubayar, Lijei 2009: 43]. В сочинении китайского князя Цишия сказано, что на момент смерти Убаши-хана его сыну Церен Намджалу было восемь лет [Ци ши и 1820: 266].

«Старые торгуты» сейма «Унэн Сузугту» в соответствии с географическим положением пастбищ делились на четыре округа: южный, северный, восточный и западный, и каждый округ также представлял собой сейм. У каждого такого сейма есть глава сейма и заместитель главы, которые наделяются печатью [Dorji, Batubayar, Lijei 2009: 34].

Принимая во внимание вышеприведенные данные, можно уверенно утверждать, что автором письма является Убаши-хан, на что указывает его печать. Так как сын Убаши Церен Намджал был еще мал, он не мог быть автором письма. Письмо было написано в промежутке между 1771 г. и 1775 г., когда Убаши-хан уже находился

---

¹ Унэн Сузугту — «Истинно верующие».

² «Старыми» торгутами были названы те из откочевавших из Калмыцкого ханства в 1771 г. в пределы цинского Китая калмыков, чьи предки вошли в состав Российского государства еще в XVII в., а «новыми» торгутами — бежавшие из Джунгарии в Калмыцкое ханство в 1750-е гг., во время войны между ойратами Джунгарского ханства и цинскими властями.

на территории цинских владений, однако наиболее вероятно, что оно было написано в Чжаире в 1772 г., когда подданные Убаши-хан испытывали большие трудности и погибли его мачеха, жена и дочь. Возможно, просьба отправить лекаря, выраженная в письме, обусловлена болезнью кого-то из близких Убаши-хана. В письме упоминаются деление «Старых торгутов Унэн Сузугту» на округи¹ (ойр. *jam*; кит. 路, пиньинь *lù*), во время написания письма это деление на округи еще не было установлено.

Кому же было адресовано данное письмо? По всей видимости, после прибытия в Чжайр Убаши постарался возобновить старые и создать новые связи с буддийскими иерархами Тибета. Содержание письма указывает на то, что Убаши состоял в активной переписке с неким высокопоставленным лицом из монастыря Лабранг.

Так как письмо было сохранено в Большом молебном зале монастыря Лабранг и в нем употреблено обращение *gegēn* («один из высших санов буддийского духовенства; титул перерожденца» [БАМРС 2001: 477]), можно предположить, что адресатом данного послания являлся настоятель монастыря Лабранг или высокий лама этого монастыря. Среди учеников Чанкья-хутугты, с которым встретились Убаши-хан и его окружение, одним из главных был Кончок Джигме Вангпо (тиб. *dkon mchog 'jigs med dbang po*; 1728–1791), второе воплощение Джамьянг Шебы и 11-й держатель трона монастыря Лабранг. Кончок Джигме Вангпо уже был знаком с калмыками, посольство которых нанесло ему визит в Лхасе в 1757 г. [Митруев 2022: 54].

Кроме того, несколько позднее, в 1778 г., посланник торгутского хана Церен Намджала Рагба-лама и прочие посетили Кончок Джигме Вангпо в Лабранге:

sa kyī <...> thor god rgyal po tshe ring nnam rgyal han gyi el chi
grags pa bla ma sogs 'byor te khyad nor du ma'i dngos 'bul bteḡ par

---

¹ В книге «Исследование печатей торгутов и хошуттов периода династии Цин» слову *jam*, «дорога», дан китайский эквивалент 路 (пиньинь *lù*), имеющий, кроме значения «дорога», еще и значение «округ». В каждом округе был установлен сейм (ойр. *suulyan*) [Dorji, Batubayar, Lije 2009: 99].

dpā' bo gcig pa'i dbang dang chos rgyal phyi nang gsang gsum gyi rjes gnang stsal/

‘В год Земли-Собаки [1778 г. — Б. М.] прибыли посланник торгутского хана Церен Намджала Рагба-лама и прочие. Они совершили подношение множества вещей, и [Кончок Джигме Вангпо] даровал посвящение Одиночного Героя [Ваджрабхайравы] и разрешение внешней, внутренней и тайной формы Дхармараджи’ [gung thang 2019: 251].

Посланники хана снова нанесли визит Кончок Джигме Вангпо в 1791 г.:

re bzhi pa lcags phag <...> bcu bzhi'i nyin shar phyogs rgya mtsho'i 'gram nas thor god tshe ring rnam rgyal han gyi mi sna khA shu bo chi tsang gi dge 'dun sogs nyi shu skor dang / hal ha don grub pe'i li'i mi sna bcas gsar slebs rnam kyis 'byor phyag zhus par dgyes pa'i bka' mchid gnang / so so'i mos pa bzhin du dge bsnyen dge tshul dge slong sogs kyi sdom pa phog / khong rnam kyis zhus ngor don gnyer can phyed dang drug brgya skor la 'jigs mdzad rdo rje'i smin byed kyi dbang zab mo'i bka' drin rdzogs par bskyang/ thor god rgyal po'i zhu yig gi rten sogs su rin po che'i rigs 'gangs che ba mang pos mtshon khyad nor du ma dang / dngul srang nyis stong du nye ba sogs dngos 'bul gtos che bar byung ba kun la babs 'os kyi bka' lan sogs 'tshem med du stsal/

‘Четырнадцатого числа <...> шестого месяца <...> года Железа-Свиньи [1791 г. — Б. М.] <...> с побережья восточного моря прибыли посланники торгутского Церен Намджал-хана Кашубо-чицан вместе с около двадцатью монахами и прочими, а также посланники халхаского Дондуб-бэйлэ. [Кончок Джигме Вангпо] принял их доклад о прибытии и с радостью побеседовал с ними. В согласии с личными пожеланиями [Кончок Джигме Вангпо] дал им обеты мирянина-убаши, послушника, полные монашеские обеты и прочее. По их просьбе он милостиво дал около 550 желающим доводящее до созревания глубокое посвящение Ваджрабхайравы. Как подношение и прочее вместе с письменным прошением торгутского хана было поднесено множество особенных ценных вещей, таких как дорогие виды драгоценностей, около двух тысяч сангов серебра и прочие пышные подношения. [Кончок Джигме Вангпо] без перерыва дал всем подходящие ответы и прочее’ [gung thang 2019: 350–351].

Сведения тибетских источников о поклонении прибывших в Китай калмыков тибетским духовным иерархам

Среди причин исхода калмыков в 1771 г., называемых исследователями, религиозная причина рассматривается как одна из наиболее важных. Отказ в даче разрешения на посещение тибетских иерархов и постепенная христианизация калмыков названы одним из доводов для откочевки [Китинов 2021: 414; Ухтомский 1904: 57].

Эта же причина была названа калмыцкими посланниками во время посещения Панчен-ламы Палден Еше. В его биографии, сведения из которой впервые вводятся нами в научный оборот, сказано следующее:

nam rgyal zhes pa chu mo sbrul <...> zla bdun pa'i <...> tshes nyer gcig la thor god ju rigs thu han u pa sha'i mi sna dge slong sbyin pa dang blo gros shes rab/ gzhan ma wang / pa'i li/ pa'i se sogs kyi el chi bcas sum cu skor dang gong nas bkas mngags pa'i rngar [jar] bi gnyis/ sbo sho kha gnyis/ chan pa gnyis/ dmag mi bcu skor bcas 'byor par phyag dbang ja gral bka' 'dri gnang / tshes nyer gsum nas bzung thor god pa sogs lnga bcu nga drug bsnyen rdzogs dang / nyi shu rtsa lnga dge tshul bsgrubs/ tshes nyer bzhi la thor god mi sna rnams kyis tshogs dbur spyang drangs nas dngul dkar gyi maN+Dal/ na bza' sogs sku'i nyer spyad cha tshang / rgya dang nem shi'i yul gyi gos dar dang gser dngul/ mu tig / pags rigs sogs dngos 'bul spam mtho ba dang 'dus sder mang 'gyed bcas zhabs pad rdo rje'i rang bzhin du brtan pa'i gsol 'debs zhus par / tshogs pa dang mnyam du dga' ldan lha brgya ma'i lung stsal/ dge tshogs bla na med pa'i byang chub kyi rgyur bsngo bar mdzad/ thor god mi sna rnams dang bde chen rab rgyas tshogs yongs nas zhus ngor/ tshes nyer lnga nas bzung nyin gnyis kyi ring 'jigs byed lha bcu gsum ma'i dbang chen gnang / jar go chis zhus ngor grub rgyal lugs kyi tshe dbang dang / thor god el chi rnams dang jar bi/ sbo sho kha/ ser 'bras pa sogs kha shas la dam can chos kyi rgyal po'i rjes gnang thun mong ba dang / lo ma gyon ma'i rjes gnang bcas rim bzhin stsal/ tshes nyer drug la thor god mi sna/ jar go chi/ bi cha'i chi bcas la sku brnyan/ byin rten sogs dngos po'i gnang skyes gya nom pa dang / dpon khag mams dang sde dmangs kyi skyabs zhu sogs la 'byor lan rten sbrags bcas thon phyag gnang zhing / ja gral thog zhwa ser bstan pa'i zhabs 'degs la lhag bsam rnam par dag pa sngar bzhin byed dgos pa'i bka' phebs par/ mi sna rnams nas nged tsho pha mes kyi sdod gnas rnying pa thor god kyi

sa'i char sngar phan rje bla ma'i bstan pa dar rgyas dga' mo yod kyang / mtha' thams cad phyi pa sha stag gis bskor bar brten/ ma 'ongs pa na bu tsha brgyud nmams phyi pa'i chos lugs la zhugs na ci drag snyam nyin mtshan khor yug tu blo bde ba'i go skabs dang bral gshis/ jo rigs thu u pa shis dbus dud kha khri phrag lnga tsam zhig mya ngam gyi thang mang po dang dgra jag gi sde du ma brgal te 'ongs par lam bar du kha sag dang po rod sogs kyi dmag jag mang pos rjes 'ded byung nas 'thab 'dzing du dud kha khri tsho gnyis tsam shor/ nad yams kyis kyang mi mang po god pa sogs nyes skyon tshabs che ba byung yang 'phros lus pa nmams 'jam dbyangs gong ma chen por mgo btags zhus nas da lta gong ma'i bka' drin la brten tshang ma skyid po yod cing / khyad par du sangs rgyas kyi bstan pa spyi dang dbus gtsang dag pa'i zhing gi skyes chen dam pa nmams dang 'phags pa'i dge 'dun gyi sde rten gsum khyad par can nmams la bsnyen bkur mchod sprin spro rgyu yod pa dang / nged rang nmams kyang de dag mjal rgyu byung ba ni dkon mchog gi thugs rjer nges pa rnyed/ da dung dpon 'bangs tshang ma gnam skos gong ma chen po'i chab srid kyi 'og tu bka' drin gyis 'tsho nas zhwa ser gyi bstan pa'i zhabs 'degs su ches che bar gyur pa dang / dpon 'bangs nmams kyi tshe bsod mnga' thang rgyas shing tshe rabs kun tu 'bral med rjes 'dzin gyi skyabs 'jug dgos pa'i gsol ba btap par bka' bzhes bzang po dgyes bzhin stsal/ snga phyr ston mo zur gsos sogs chos dang zang zing gnyis kas tshim par mdzad do

‘Двадцать первого числа <...> седьмого тибетского месяца <...> года Воды-Птицы [1773 г. — Б. М.], называемого «Победоносный» (тиб. gnam rgyal; санскр. vijaya), [Панчен-лама] даровал благословение дланью, угощение чаем и задал вопросы прибывшим торгутским посланникам Зоригту-хана Убаши Джимба-гелюнгу и Лорой Ширабу, а также около тридцати посланникам ванов, бэйлэ, бэйсэ и прочим, и отправленным приказом императора джаргучи и бичачи¹, двум бошокам², цяньцуну и бацзуну³ вместе с около десятью солдатами.

¹ Джаргучи и бичачи (тиб. jar bi gnyis; jar bi — сокращение от jar go chi dang bi cha'i chi). Джаргучи (цзаргучи) — монгольский (или маньчжурский) чиновник среднего ранга, обладавший административными и судебными полномочиями. Бичачи — писарь, секретарь.

² Бошоку (тиб. sbo sho kha) — мелкий административный чиновник; помощник джаргучи.

³ Цяньцун и бацзун (тиб. chan pa gnyis; chan pa — сокращение от chan tsong dang pa tsong). Цяньцун (кит. 千總; пиньинь qiānzǒng) — в период правления династии Цин чин среднего командного состава, со-

Начиная с двадцать третьего числа [Панчен-лама] дал торгутам и прочим, всего пятидесяти шести человекам, полные монашеские обеты, а также двадцати пяти — обеты послушника.

Двадцать четвертого числа торгутские посланники, пригласив [Панчен-ламу] возглавить молитвенное собрание, поднесли ему серебряную мандалу, одеяния и прочее, входящее в полный комплект необходимых вещей, китайские и немецкие ткани и шелка, а также серебро, золото, жемчуг, различные виды кожи и прочие пышные подношения. Кроме того, [они] совершили подношение монашескому собранию и обратились к [Панчен-ламе] с просьбой, чтобы его лотосовые стопы [пребывали в этом мире] устойчиво, словно ваджра. В месте с монашеским собранием [Панчен-лама] даровал им устную передачу «Ста божеств Тушиты»¹ и совершил посвящение накопленного собрания заслуг, дабы оно стало причиной для достижения непревзойденного пробуждения.

По просьбе торгутских посланников и монашеской общины монастыря «Дечен Рабгье-[линг]»², начиная с двадцать пятого числа, в течение двух дней [Панчен-лама] даровал посвящение тринадцати божеств Ваджрабхайравы.

По просьбе джаргучи [Панчен-лама] даровал посвящение долгой жизни традиции Сиддхараджни³. Торгутским посланникам, джаргучи, бичачи, бошоку, монахам монастырей Сера и Дрепунг и некоторым прочим [Панчен-лама] последовательно даровал обычное разрешение⁴ Дамчена Джармараджи и разрешение богини Парнашавари.

ответствовал поручику. Бацзун (кит. 把總; пиньинь bǎzǒng) — младший офицер армии в период правления династии Цин.

¹ «Сто божеств Тушиты» (тиб. bla ma'i mal 'byor dga' ldan lha brgya ma) — гуру-йога, посвященная ламе Цонкапе, автором которой является Дульнагпа Пелден Сангпо ('dul nag pa dpal ldan bzang po; 1402–1473).

² Ганден Дечен Рабгье-линг или Шанг Ганден Дечен Рабгье-линг (тиб. dga' ldan bde chen rab rgyas gling/ shangs dga' ldan bde chen rab rgyas gling) — один из важных монастырей традиции гелуг в провинции Цанг, восстановленный Панчен-ламой Лобсанг Палден Еше (тиб. blo bzang dpal ldan ye shes; 1738–1780).

³ Сиддхараджни (тиб. mkha' 'gro ma grub pa'i rgyal mo; санскр. Ḍākīṅī Siddharājñī) — женщина-учитель традиции тантры XI в.

⁴ Разрешение (тиб. rjes gngang; санскр. anujñā) — в буддийской тантрической практике представляет собой особый вид посвящения, во время

Двадцать шестого числа [Панчен-лама] сделал пышные подарки торгутским посланникам вместе с джаргучи и бичачи в виде статуй, благословленных опор и прочего, а также прощальные дары вместе с ответными письмами с приложенными подарками на просьбы различных владельцев, членов монашеской общины и подданных.

Во время угощения чаем [Панчен-лама] дал наказ, как и прежде, поддерживать совершенно чистую решимость служить желтошапочному учению.

На это посланники ответили: «Хотя мы были счастливы распространять учение Владыки учителя [Цонкапы] на старой родине наших предков, в торгутских землях, но так как со всех сторон мы были окружены небуддистами, мы без конца, день и ночь, не находя покоя, думали, что будем делать, когда в будущем [наши] потомки обратятся в небуддийскую веру. Поэтому возглавляемые Зоригту Убаши около пятидесяти тысяч семейств преодолели много пустынь и множество банд врагов и разбойников. Из-за преследования по пути множеством грабительствующих войск казахов, бурутов¹ и прочих, [мы] потеряли около двадцати тысяч семейств². Много людей были потеряны вследствие эпидемии и прочего. Несмотря на

которого не выполняются все шаги полного посвящения божества, но делается достаточно, чтобы ученик мог выполнять практику определенного божества.

¹ Бурут (тиб. ро god) — калмыцкий термин для обозначения тьяншаньских киргизов.

² В различных документах и работах исследователей приводятся разные оценки количества откочевавших калмыков. Так, Г. О. Авляев оценивает количество ушедших калмыков в 60 000 кибиток торгутов и хошутов [Авляев 2002: 300]. В примечании к переводу «О переходе тургутов в Россию и обратном удалении из России в Зюнгарию» С. В. Липовцова названо число в 50,000 кибиток, также приведены данные из «Статистического обзора Сибири» и «Описание всех, обитающих в Российском государстве, народов», где сказано, что всех ушедших в Зюнгарию Калмыков было 60 000, а оставшихся в России до 20 000 кибиток. Там же, по данным из «Словаря географического Российского государства» ушедших было 26 162 кибиток [Ци ши и 1820: 173–174]. Н. Нефедьев, Н. Рычков и «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» приводят цифру в около 30 тыс. кибиток [Рычков 1772: 55; Нефедьев 1834: 70; История Калмыкии 2009: 431].

понесенные большие потери, оставшиеся, покорившись великому [маньчжурскому] императору Манджушри, ныне пребывают в счастье благодаря милости императора. Теперь [мы] можем выражать свое почтение и подносить подобные массам облаков дары учению Будды в целом, а в особенности великим святым чистых земель¹ провинций У и Цанг, равно как и собранию сангхи благородных святых², и трем особым опорам³. Мы обрели убежденность, что то, что мы смогли увидеть их, являлось проявлением сострадания [трех] драгоценностей».

Более того, все владельцы и подданные обратились к [Панчен-ламе] с просьбой принять их под свое духовное покровительство, дабы они, существуя милостью установленного небом императора под его правлением, могли все лучше служить желтошапочному учению, и дабы долголетие, заслуги и власть владельцев и подданных преумножались, а также чтобы они были неразлучны с [Панчен-ламой] во всех жизнях, находясь под его опекой. [Панчен-лама] с радостью милостиво принял их мольбы. Он последовательно насытил их дхармой и материальными вещами, устроив для них пир и дав отдельные подарки и т. д. [dkon mchog 'jigs med dbang po 2014a: 488–490].

Обрели ли торгуты возможность отправлять посольства в Тибет к Далай-ламе и Панчен-ламе после того, как были расселены в цинском Китае? Материалы по этому вопросу нами были обнаружены в источниках на тибетском языке «Биография Восьмого Далай-ламы „Украшение просторов Джамбудвипы“» (тиб. rgyal dbang sku phreng brgyad pa'i rnam thar 'dzam gling tha gru yangs pa'i rgyan), составленная Демо-хутугту Лобсанг Тубтен Джигме Гьяцо (тиб. de mo ho thog thu blo bzang thub bstan 'jigs med rgya mtsho;

---

¹ Чистые земли (тиб. dag pa'i zhing) — буддийское обозначение для райских земель, в которых пребывают Будды и бодхисаттвы. Здесь регионы Центрального Тибета приравняются в своей религиозной значимости чистым землям Будд и бодхисаттв.

² Сангха благородных святых (тиб. 'phags pa'i dge 'dun) — собрание святых, достигших пути непосредственного видения пустоты (тиб. mthong lam).

³ Три опоры (тиб. rten gsum) — образы тела, речи и ума Будды, представленные статуями, буддийскими текстами и ступами.

1778–1819), и «Биография Владыки-учителя, венца бытия и покоя, великого пандиты, всеведущего Лобсанг Палден Еше Пелсангпо, поведенная из его уст, под названием „Лучи солнца“» (тиб. *rje bla ma srid zhi'i gtsug rgyan paN chen thams cad mkhyen pa blo bzang dpal ldan ye shes dpal bzang po'i zhal snga nas rnam par thar pa nyi ma'i 'od zer*), написанная вторым воплощением Джамьянг Шебы Кончок Джигме Вангпо.

Указанные источники дают основание сделать вывод о том, что торгуты Убаши-хана имели возможность отправлять такие посольства. Отправление посольств осуществлялось потомками Убаши-хана и после его смерти.

Так, в 1773 г. Убаши отправил посланников к Далай-ламе VIII:

chu mo sbrul <...> gong ma'i sba yer ba sogs dang thor rgod am mdo sogs mi sna mang bar mjal phyag gnang / so sos rten 'byung dngos 'bul phul/ nyi gzhon 'char ka ma/ sgrol ma/ sa gsum ma sogs kyi lngags lung kha yar stsal

‘В год Воды-Змеи [1773 г. — Б. М.] <...> [Далай-лама] дал аудиенцию чиновникам, доставившим подарки императора, и множеству торгутских и амдоских посланников. Каждый из посланников сделал подношение, символизирующее взаимозависимость благополучия. [Далай-лама] индивидуально дал устную передачу на «Восход юного солнца»¹, «Восхваление [двадцать одной] Тары», «Три уровня бытия»² и прочие’ [*de mo ho thog thu 2010: 115*].

Эти же посланники обратились с просьбой к VI Панчен-ламе Палден Еше, чтобы он сочинил молитву о долголетию Далай-ламы:

zla ba bryad pa <...> tshes nyer bdun la <...> thor god el chi rnam kyis zhus ngor rgyal dbang mchog nas zhabs brtan bka' rtsom gyi thog ma gnang bar drung 'khor blo bzang nor bu rdzong sta mdzad de legs 'bul bstar

---

¹ «Восход юного солнца» (тиб. *nyi gzhon 'char ka ma*) — восхваление Амитаюса, сочиненное Ламой Цонкапой.

² «Три уровня бытия» (тиб. *sa gsum ma*) — восхваление Ламы Цонкапы, сочиненное Кедруб Гелег Пелсангпо.

‘Двадцать седьмого числа восьмого месяца [того же 1773 г. — *Б. М.*] по просьбе торгутских посланников высший Владыка Победоносных [т. е. VIII Далай-лама. — *Б. М.*], отправив подарки с Друнгкор Лобсанг Норбу, совершил подношение для того, чтобы [Панчен-лама] начал сочинять молитву о долголетьи’ [*dkon mchog ’jigs med dbang po 2014a: 491–492*].

Когда в 1780 г. Панчен-лама отправился с визитом Китай и находился в Жэхэ, старший сын Убаши-хана, хан Церен Намджал, вместе с другими представителями торгутской знати встретился с ним:

kun ldan zhes pa lcags byi lo <...> zla ba brgyad pa’i <...> tshes
bcu’i nyin thu med pa’i se tshe brtan don grub dang / thor god han tshe
ring rnam rgyal ring rnam rgyal/ tha’i ji rab brtan rdo rje/ ha thon bde
ldan sgrol ma/ sras mo nor rgyun dbang mo/ sde mang bcas nas dngos
‘bul gyi bdog pa spam mtho ba bteg / thor god cir gal ba’i li/ ha thon tshe
dpag /er te ni tha’i ji/ tha’i ji khu khos/ tha’i ji de le/ tha’i ji khug shun/
so mon bcas thun mong / ho shod pa’i li bde legs u pa shi/ wang tshe
ring bde legs/ pad ma u pa shi/ pa yan tA la’i dpon ‘bangs thun mong /
dge slong blo bzang chos grags sogs so so nas dngos ‘bul bteg ste zhabs
brtan bden tshig brjod/ tshe rabs kun tu ‘bral med rjes ‘dzin gyi skyabs
‘jug kyang nan tan du zhus/ de dag la phyag dbang ja gral bka’ mchid/
slog cha/ ‘dod chos bcas stsal te chos dang zang zing gnyis kas tshim par
mdzad/ dge tshul brgya dang so lnga bsgrubs <...> tshes bcu gcig gi nyin
thor god mkhas grub ching wang gis dngos ‘bul spam mtho ba dang bcas
zhabs brtan bden tshig brjod de rjes ‘dzin gyi skyabs ‘jug kyang zhus/
tha’i ji tshe ring u pa shi dang pad+ma/ rdo rje bde legs sogs tha’i ji bdun/
ha thon phu ne sogs dang jun gar dwa las han dang / bla ma ngag dbang
‘jam dbyangs/ mkhan po paN+Di ta/ tA bla ma ngag dbang phun tshogs/
byang ‘dren tA bla ma ngag dbang rig ‘dzin/ dem chi ngag dbang rgya
mtsho/ dem chi blo bzang dpal ‘bar/ gnyer pa bkra shis thogs med/ gnyer
pa ngag dbang rgyal mtshan bcas so so nas dngos ‘byor mchod sprin
spros/ gong gsal de dag la phyag dbang ja gral bka’ ‘dri gnang skyes bcas
stsal / sbyin bdag rnam nas zhus ngor dga’ ldan lha brgya ma dang rigs
gsum mgon po/ tshe sgrub bcas kyi ljags lung gnang

‘Десятого числа <...> восьмого тибетского месяца <...> года Железа-Мыши [1780 г. — *Б. М.*], именуемого «сарвари» (тиб. kun

Idan; санскр. sāvāri), тумет бэйсэ Цеден Дондуб, торгутский хан Церен Намджал¹, тайджи Рабдан Дорджи², ханша Деден Ролма, дочь Норджун Ванмо, с многими подразделениями [народа] совершили пышные подношения.

Торгутский джиргаланг-бэйлэ³ вместе с хатун Цебек, Эрдени-тайджи⁴, Куко-тайджи⁵, Далай-тайджи⁶, Когшин-тайджи⁷ и Сомоном⁸, а также хошоут-бэйлэ Делек-Убаши вместе с ваном Церен-Делеком⁹, Бадма-Убаши¹⁰, Баян-Далай¹¹ вместе с владельцами и подданными, а также Луузан-Цойрак-гелюн и прочие индивидуально совершили подношения и произнесли слова истины молебна о долгой жизни [Панчен-ламы]. Они обратились с настойчивой просьбой принять их под свое покровительство и не оставлять во всех жизнях. [Панчен-лама] дал им благословение дланью, угощение чаем, наставление, ответные подарки и желаемые наставления

---

¹ Церен Намджал — старший сын Убаши-хана, ставший ханом после него [Родословная 2016: 103].

² Рабдан Дорджи — второй сын Убаши, тайджи первой степени [Родословная 2016: 103].

³ Джиргаланг-бэйлэ Момото — внук Балбу и сын Дондуга [Родословная 2016: 113].

⁴ Эрдени-тайджи — старший из пяти сыновей Момото, бэйлэ Эрдени [Родословная 2016: 113].

⁵ Куко-тайджи или Коогэку — второй сын Момото бэйлэ Коогэку [Родословная 2016: 113].

⁶ Вероятно, это мирское имя третьего сына Момото, в последствии ставшего монахом и получившего имя тойн камбо Лубзан Кириб [Родословная 2016: 114].

⁷ Когшин-тайджи — четвертый сын Момото, тайджи второй степени Когшин [Родословная 2016: 114].

⁸ Вероятно, это пятый сын Момото, тайджи второй степени Норбо Церен. Имя, под которым он известен, Сабагар [Родословная 2016: 114].

⁹ Ван Церен-Делек — старший из трех сыновей Бамбара, цзюнь-ван Церен-Делек [Родословная 2016: 98].

¹⁰ Бадма-Убаши — второй сын Церен-Делека, цзюнь-ван Бадма-Убаши [Родословная 2016: 98].

¹¹ Баян-Далай — третий сын Бамбара, тайджи второй степени Баян-Далай [Родословная 2016: 98].

в учении Будды, таким образом удовлетворив их дхармой и материальными вещами. [Панчен-лама] даровал обеты послушника 135 людям.

<...> Одиннадцатого числа торгуют Кириб чин-ван¹ вместе с пышными подношениями произнес слова истины молебна о долгой жизни [Панчен-ламы], а также обратился к [Панчен-ламе] с просьбой принять под свое покровительство во всех жизнях. Тайджи Церен-Убаши², Бадма, Дорджи Делек и прочие, в общем итоге семь тайджи, хатун Пуне и прочие, джунгарский Далай-хан, лама Габан Замьян, камбо-бандида, да-лама³ Габан Пунцак, Джанг-ден да-лама Габан Ригзин, дэмчи⁴ Габан Джамцо, дэмчи Луузан Бамбар, нирба⁵ Раши Тугмед, Габан Джанцан по отдельности совершили облака подношений. [Панчен-лама] дал вышеупомянутым благословение дланью, угощение чаем, задал вопросы и сделал подарки. По просьбе благодетелей [Панчен-лама] дал им устную передачу на «Сто божеств Тушиты», «Защитников трех семейств и практику долгой жизни» [dkon mchog 'jigs med dbang po 2014b: 309–310].

После смерти Убаши-хана его потомки продолжили отправлять посольства в Тибет:

chu glang <...> zla ba bcu pa'i tshes bdun nyin thor rgod rgyal khag mi 'dra ba so sos/ skyabs mgon chen por zhabs brtan 'bul bar mi sna btang ba nmams 'byor ba/ tshang mar 'byor phyag gi thog dpon khag so so nas mtshams zhu kha btags re dang / lhag par rgyal po rang gi mi sna pak+Shi dge slong nas rgyal po'i mtshams zhu kha btags dang / chu tshod kyi 'khor lo zhig 'bul rgyu 'dug pa dgyes bzhes bka' drin che zhing skyabs mgon chen po nas kyang gdul bya'i mos ngo dang 'tsham pa'i

¹ Кириб-засаг — второй сын Галдан-Норбо, внук Дондук-Омбо, правнук Гунджаба [История Хо-Öрлöка 2016: 31], так как у Цебек Дорджи не было сыновей, Кириб был произведен в ваны [Родословная 2016: 107].

² Церен-Убаши — старший из трех сыновей Аг Сахала, чин-ван Церен-Убаши, внук Галдана Норбо. Поскольку у Кириба не было сыновей, то он усыновил Церен-Убаши, старшего сына своего младшего брата Аг Сахала [Родословная 2016: 107].

³ Да-лама — главный лама монастыря, лама-настоятель монастыря.

⁴ Дэмчи — чиновник в системе налогообложения, относился к числу высших сановников ханства.

⁵ Нирба (тиб. gnyer ba) — управляющий, казначей.

bka' 'dri sogs zhib rgyas dang / mi sna khag kyang gser zhal mjal ba'i dga' bas phyag 'tshal zhing / mig nas mchi ma khrug pa sogs gus 'dud bla na med pa zhus

zla ba bcu gcig pa'i tshes gsum <...> lha bla'i lung 'ga' zhig tu dgung skeg rkyen sel du srol ma myur ma dpa' mo'i ljags bzlas shig gnang dgos tshul phebs pa yang 'di nyin nas dbu tshugs pa'i gnad smin bskyangs/ dus 'di'i ljags thun dang po grub 'phral mgron gnyer brgyud thor rgod rgyal po kun dga' tshe ring gis skyabs 'jug zhu rten du byu ru'i phyag 'phreng rgyan ldan zhig phul bar/ bka' las da lam yi dam gyi lhas bzlas 'phreng du 'phreng ba 'di gnang ba yin zhes mnyes mnyes mdzad par/ gsol dpon dge legs rgyal mtshan nas 'di 'dra dbang gi las dang mthun pa'i rten 'brel yin 'dra zhus par/ zhi rgyas dbang drag gi las gang byed kyang / de dang rnam pa mthun pa'i dpyad pa gnas der byung na/ las mthun gyi dngos grub 'byung ba rgyud nas gsungs pa yin zhes mnyes mnyes ltar gyi bka' yang phebs/

‘Седьмого числа десятого тибетского месяца <...> года Воды-Быка [1793 г. — *Б. М.*] прибыли посланники от отдельных торгутских племен, отправленные, чтобы поднести молебен долгой жизни Великому Покровителю и Защитнику [т. е. Далай-ламе. — *Б. М.*]. [Далай-лама] дал им всем аудиенцию и принял от каждого [посланника] приветствие и хадак. В особенности он с радостью милостиво принял от личного посланника хана Бакши-гелюнга приветствие и хадак, а также карманные часы. В ответ Великий Покровитель и Защитник [т. е. Далай-лама. — *Б. М.*] подробно и пространно ответил на вопросы [посланников] и прочее, согласно пожеланиям [учеников], которых необходимо обуздать. Также отдельные посланники, исполненные радости от видения золотого лика [Далай-ламы], совершили простирания, роняя слезы и т. д., так выказывая наивысшее почтение.

Поскольку, согласно предсказаниям некоторых лам и божеств для устранения препятствий, связанных с неудачным годом, [Далай-ламе] необходимо было совершить повторение [мантры] Тура-Вира Тары¹, третьего числа одиннадцатого тибетского месяца [1793 г. — *Б. М.*] он начал эффективно это совершать. Как только он завершил первую сессию повторения [мантры], торгутский хан Гунга-Церен², вместе с обращением за духовным покровитель-

---

¹ Тура-Вира Тара (санскр. Tārā Tura-vīrā; тиб. srol ma myur ma dpa' mo) — «Тара Стремительная Героиня», одна из двадцати одной форм Тары.

² Вероятно, здесь имеется в виду правитель Северного отдела сейма Унэн Сузугту, сын Цэбэгдорджи, Гунга-Церен [*Санчилов 2016: 48*].

ством, поднес через секретаря украшенные коралловые четки. [Далай-лама] изрек: «Ныне божество-йидам даровало мне эти четки, как четки для повторения [мантры]» — и с радостью принял их. Дворецкий [Далай-ламы] Гелек Гьялцен сказал: «Похоже, что это благоприятная связь, подходящая подчиняющим деяниям¹». На это [Далай-лама] ответил: «В тантре сказано, что какие бы деяния не выполнялись, умиротворяющие, преумножающие, подчиняющие или гневные, если там появится соответствующее исследование, то появятся сиддхи, соответствующие деянию». Так с радостью произнес [Далай-лама]’ [de mo ho thog thu 2010: 349].

Двумя месяцам позднее посланники снова встретились с Далай-ламой:

shing stag <...> tshes bcu bdun nas thor rgod rgyal po’i zhabs brtan dang / gzhan yang thor rgod ‘ching wang tshe ring u pa shi/ gung a tsa ra/ gung kun dga’ tshe ring / jun sgar pa bcas kyi zhabs brtan nmams rim bzhin bzhes te tshes nyi shu gcig nas mjal phyag don gzher ba phon che ba nmams kyi re ba yang rim bzhin du bskang

shing stag <...> zla ba gsum pai <...> de’i phyi nyin (tshes dgu) thor rgod kyi don gnyer ba lnga bcu skor la bsnyen rdzogs kyang stsal/ tshes bcu nyin thor rgod mi sna sogs phon che bar spyen ras gzigs phyag stong spyen stong gi rjes gnang dang / bzlas sgom gyi dmigs pa rgya cher stsal zhing / phyi dro don gnyer can lnga bcu skor la bsnyen rdzogs kyang stsal

shing stag <...> zla ba gsum pa’i <...> tshes bcu gnyis rting ma la thor rgod dang / jun sgar gyi mi sna nmams la thon phyag gsol ras su sku brnyan/ ‘phel gdung / rin chen ril bu sogs byin rten phon che ba dang / mi sna drag gras so sor gyon pa cha skor/ gzhan yang dri bzang kha che/ dzab phor/ spos snam bu sogs zang zing gi gnang cha phon che ba dang / rgyal khag so sor yang rten chas gya nom pa dang / rjes su brtse ba’i bka’ phebs su/ khyed byang rgyud kyi rgyal khag nmams rje tsong kha pa chen po’i bstan pa’i sbyin bdag gzhan ‘gran med pa yin/ da lam bod du mi sna ched rdzong gi yul dbus gtsang na mchis pa’i bla ma khag dang / dge ‘dun gyi sde mang po la bsnyen bkur/ khyad par lha ldan smon lam chen por ‘dus pa’i dge ‘dun khrir can la bsnyen bkur phun sum tshogs pa dang / rten khag la mchod ‘bul sogs rnam dkar rgya cher bsgrubs pa ‘di dag ni/

---

¹ Подчиняющие деяния (тиб. dbang gi las) — третье из четырех просветленных деяний. Это деяние означает привлечение других существ или других вещей в сферу своего влияния.

nges par rje bla ma'i bstan pa bstan 'dzin dang bcas par snying nas dad pa 'gyur med kyi rtags yang dag pa yin pas nged kyang sems shin tu dga' ba byung / de'i phyir nged nas lha dkon mchog gsum la gsol ba btab ste/ byang rgyud rgyal po rnam mnga' thang longs spyod 'phel zhing / bstan pa'i zhabs 'degs su 'gyur ba'i bya ba gang ci gong 'phel kho nar 'gyur ba dang / da lam bsgrubs pa'i dge ba'i lo tog kyang nyon mongs sad kyi mi bcom par 'bras bu sangs rgyas nyid du 'grub pa'i phyir du bsngo ba dang smon lam btab yod cing / khyed mi sna rnam kyang bshul bgrod bde'i thog rje bo dang gnyen chen rnam ma nyams par 'phrad nas/ ched du mngags pa'i don 'di dag legs par grub pa'i dga' ston la spyad chog pa sogs gnas skabs dang mthar thug tu dge ba'i skyabs 'jug snying dang 'grog nas byed ces zhal bzhes bzang po mdzad par/ mi sna 'khor bcas tshang na dga' dad spro gsum lhag par 'phel ba'i sku mdun nas 'gro mi 'dod pa lta bu'i mig mchi mas gang ba'ang mang ngo

shing stag <...> zla ba gsum pa'i <...> tshes bcu bzhi nyin <...> thor rgod mi sna'i sne shan rgya am ban la thon gnang bka' slob dgyes bzhin du mdzad

shing stag <...> zla bag sum pa'i <...> tshes nyi shu nyin thor rgod mi sna rnam thon gdong phyag dbang du byung ba/ 'di ba'i gras dad pa can zhig khrom khang du g.yangs la lhung ba'i nad bab lci nges byung yang skyabs mgon chen po'i thugs rjes lnga lam du ma gyur tsam gyi g.yog gnyis kyi bteg nas sku mdun du byung ba/ mgon po nyid snying rje'i rang mdangs ches cher g.yos te sdug ge ci drag gsungs shing phyag dbang tsal/ kho bos kyang ngas thag ring nas mgon po spyan ras gzigs khyed mjal du yongs kyang bsod nams dman pas nyes pas 'di 'dra la thug/ 'dir yongs pa'i dgos pa ni khyed kyi zhal mjal ba dang / bsnyen rdzogs kyi sdom pa zhig 'dod pa'i phyir yin kyang da ci drag ces ngus pa na/ mgon po nyid ni dad pa dang ldan pa'i sems can bsun mi 'byin zhing rjes su 'dzin pa dang / bsnyen rdzogs ni bstan pa'i gnas gzhi bslab pa kun gyi gtso bo yin pas bar chad dang mi ldan pa zhig yin na sus gsol ba btab kyang 'phral du gnang ba ni khyad chos yin pas na skabs 'dir yang / da khyod rang ma shi ba rang re thug rgyu yod pa shin tu legs pa yin/ da lus nad kyi btab pa'i gnas skabs 'dir bsnyen rdzogs len pa'i kun tu spyod pa ji bzhin bsgrub mi nus kyang / gtso bo sdom pa len par 'dod pa dang / thob blo shes pa nyid gal che ba yin pas skabs der brda sbyar bas chog pas bsnyen rdzogs kyi sdom pa da lta nyid du yong zhes gzim chung dbang khang du las gral ba rnam dang bcas/ phyir bcos dang / ltung ba byin rlabs sogs bsnyen rdzogs kyi sngon 'gro rnam par dag pa mdzad nas/ dad can nyam thag de yi re ba'i 'bras bu thog tu smin par mdzad/

gzhan yang spag shi dge slong blo bzang bstan 'dzin sogs thor rgod mi sna mgrin gcig gis zhush pa bzhin/ rjes 'dzin gsol 'debs kyang bka' rtsom bskyabs te de 'phral gngang /

‘Семнадцатого числа [первого тибетского месяца] года Дерева-Тигра [1794 г. — *Б. М.*] от имени торгутского хана [был поднесен] молебен о долгой жизни [Далай-ламы]. Кроме того, [Далай-лама] принял поочередно молебны о долгой жизни от торгутского Чинвана Церен-Убаши, гуна Ацары, гуна Гунга-Церена и джунгаров. Двадцать первого числа [Далай-лама] удовлетворил чаяния множества людей, стремящихся получить у него аудиенцию.

... На следующий день [девятого числа. — *Б. М.*] третьего тибетского месяца <...> года Дерева-Тигра [1794 г. — *Б. М.*] [Далай-лама] даровал полные монашеские обеты желающим [этого] торгутам. Десятого числа [Далай-лама] даровал разрешение Тысячерукого и Тысячеокого Авалокитешвары большому количеству торгутских посланников и прочим. Он дал им подробное [объяснение] повторения мантры и визуализации [этого божества]. Вечером он снова даровал полные монашеские обеты около пятидесяти торгутам, стремившимся их получить.

Второго двенадцатого¹ числа [Далай-лама] дал прощальную аудиенцию и сделал торгутским и джунгарским посланникам подарки в виде множества благословленных субстанций, состоящих из статуй, приумножающихся реликвий², драгоценных пилюль и прочего. Каждого знатного посланника он одарил множеством вещей: комплектом одежды, а также кашмирским шафраном, чашей из капа³, курительными палочками, шерстяной тканью и прочим. Каждому племени [Далай-лама] даровал превосходные образы тела, речи и ума и предметы для совершения подношений.

[Далай-лама] произнес милостивую речь: Вы, племена Севера, являетесь несравненными благодетелями учения Великого Цонкапы. Ныне вы отправили в Тибет посланников, которые выказали почтение различным ламам провинций У и Цанг, а также множе-

---

¹ В тибетском календаре встречаются двойные дни, вводимые, чтобы компенсировать разницу между солнечными и лунными сутками.

² Приумножающиеся реликвии (тиб. 'phel gdung) — реликвии, найденные при кремировании святых, которые приумножаются со временем.

³ Кап (тиб. rdzab) — нарост на дереве, из которого изготавливают чаши и прочие предметы.

ству монашеских общин, в особенности вы явили совершенное почтение более чем десяти тысячам членам сангхи, собравшимся на Великий молитвенный фестиваль в Граде Богов [т. е. Лхасе. — *Б. М.*], и совершили подношения и т. д. различным образам [Будд и т. д.]. Эти обширные совершенно белые [заслуги, накопленные этими действиями,] определенно являются верным признаком неизменной искренней веры в учение Владыки Ламы [Цонкапы] и его держателей, чему я крайне рад. Поэтому я обратился с молитвой к божествам Трех Драгоценностей, дабы власть и богатство ханов Севера увеличивались, а любые деяния, направленные на служение учению, преумножались. Я совершил посвящение заслуг и произнес молитвы, чтобы урожай добродетели, совершенной сейчас, не был уничтожен градом омрачений, а превратился в плод состояния будды. Далай-лама дал следующее обещание: «Я дам духовную защиту, добродетельную как во временном, так и в конечном отношении, держа вас близко к сердцу, чтобы вы, посланники, помимо прочего без трудностей в сохранности добрались на [родину] и встретились с правителями и близкими родственниками, а также смогли насладиться пиршеством совершенного исполнения целей и прочего, ради которых вы были отправлены».

Все посланники вместе с окружением, преисполнившись радости, веры и счастья, не желали покидать присутствие [Далай-ламы], у многих глаза наполнились слезами.

Четырнадцатого числа третьего тибетского месяца года Дерева-Тигра [1794 г. — *Б. М.*] [Далай-лама] с радостью дал наставление отбывающему проводнику торгутов, китайскому амбаню.

Двадцатого числа третьего тибетского месяца года Дерева-Тигра [1794 г. — *Б. М.*] [к Далай-ламе] прибыли отбывающие торгутские посланники. Среди них находился один верующий, тяжело недуживший из-за падения в пропасть на рынке. Оставшись в живых лишь благодаря милости Великого Покровителя и Защитника [т. е. Далай-ламы. — *Б. М.*], поддерживаемый двумя прислужниками, он предстал пред [Далай-ламой]. Защитник [Далай-лама], все более сияя состраданием, молвил: «Чем помочь твоему страданию?» — и дал ему благословение дланью. [Верующий ответил]: «Хотя я прибыл сюда издалека, чтобы встретиться с вами, Защитник Авалоки-тешвара, так как моя добродетель слаба, я столкнулся подобным несчастьем. Цель же моего визита — видеть Ваш лик и желание [получить] полные монашеские обеты, но как поступить лучше те-

перь?» — так он [произнес] с плачем. Так как Защитник [Далай-лама] не отвергает существ с верой и заботится о них, а полные монашеские обеты — основа учения Будды и главное из всех обучений, поэтому их незамедлительное дарование любому, кто обратится с просьбой и у кого нет препятствий [для получения монашеских обетов], является отличительной чертой [Далай-ламы]. По этой причине и в этот раз [Далай-лама] молвил: «Прекрасно, что ты не погиб и смог встретиться со мной. Сейчас, когда твое тело поражено болезнью, хотя и не можешь должным образом следовать ритуалу принятия монашеских обетов, главное — желание принять [обеты] и понимание того, что обрел обеты. Так как это важнее всего, во время [получения] достаточно лишь символического исполнения, поэтому возможно получить полные монашеские обеты прямо сейчас». Сказав это, [Далай-лама] вместе с духовными лицами, исполняющими действия ритуала дарования монашеских обетов, в малой опочивальне «Вангканг» совершил ритуал восстановления обетов, благословения нарушений и прочие совершенно чистые предварительные этапы дарования полных монашеских обетов, а затем осуществил пожелание несчастного верующего¹. Кроме того, по единогласной просьбе Бакши-гелюнга Лузан-Данджина и прочих [Далай-лама] также написал «Молитву-обращение о заботе» и сразу же даровал ее [просителям]’ [de mo ho thog thu 2010: 360–366].

Торгуты, откочевавшие из Российского государства, обращались к Далай-ламе и с просьбой написать для них религиозные сочинения:

thor rgod a yu She rgyal po’i tsha rgyud dbang phyug dzu rig thu nas
bskul ngor gsol ‘debs/

thor rgod bstan ‘dzin nas bskul ma zhus ngor gsol ‘debs

‘По просьбе потомка торгутского Аюки-хана Вангцук Зоригту [Далай-лама] написал «Молитву-обращение».

По просьбе торгута Данджина [Далай-лама] написал «Молитву-обращение»’ [de mo ho thog thu 2010: 554, 559].

Интересно отметить, что посольства в Тибет отправляли и наследники Арабджура, двоюродного племянника Аюки-хана,

¹ «Осуществил пожелание» (тиб. re ba’i ‘bras bu thog tu smin par mdzad) — букв. «довел до созревания плод чайний».

отправившегося с посольством из Калмыцкого ханства в 1698 г. в Тибет, но на обратном пути задержанного Цэван Рабданом. Впоследствии он был вынужден проситься в подданство Китая, где получил титул и кочевье в Сэртэне. Так, посольство правнука Арабджура, торгутского Ванджал-бэйлэ¹, встретилось с Панчен-ламой Палден Еше в 1775 г.:

myos byed ces pa shing mo lug <...> zla ba gnyis pa'i <...> tshes
bcu bdun nas bzung thor god dbang rgyal pa'i li'i mi sna rab 'byams pa
ngo g.yog sum cu skor dang / <...> rim bzhin 'byor par phyag dbang
dang ja gral bka' 'dri mdzad/ <...> de rjes thor god pa'i lis ched du
mngags pa'i el chi rnamz dang brag g.yab sprul sku'i mdzod pa/ rwa lo
sku skye'i gnyer pa bcas nas gzims chung zhabs brtan phul/ thor god mi
snas zhus ngor khong rnamz dang / zhal snga nas bzhi/ khamz 'grul ba
sogs ser skya brgya phrag gnyis brgal bar mi g.yo ba dkar po dang / tshe
dpag med/ yum chen mo bcas kyi rjes gngang / dga' ldan lha brgya ma'i
khrid dang rje bla ma mchog gi gsung 'bum gras nas dmigs brtse ma'i las
tshogs bcu gcig gi ljags lung bcas dang / mi sna rnamz dang brag g.yab
phyag mdzod so sor 'byor lan dang thon phyag gngang

Начиная с семнадцатого числа второго тибетского месяца года Древа-Овцы [1775 г. — Б. М.], именуемого «манматха» (тиб. myos byed; санскр. manmatha), по очереди прибыл посланник торгутского Ванджал-бэйлэ — рабджамба² вместе с около тридцатью прислужниками <...> [и прочими]. [Панчен-лама] даровал им благословение дланью, угощение чаем и задал вопросы. <...> Затем специально отправленные торгутским бэйлэ посланники, казначей Дагъяб-тулку и нирба воплощения Ра-лоцавы³ совершили [Панчен-ламе] в опочивальне подношение молебна долгой жизни. По просьбе торгутских посланников сами посланники, четыре чиновника, паломники из Кхама и прочие, всего более двухсот монахов и мирян, получили от [Панчен-ламы] разрешение Белого Ачалы, Амитаюса и Великой матери [Праджняпарамиты]. [Панчен-лама] дал устную передачу на «Руководство к [гуру-йоге] „Сто богов Тушиты“ и „Собрание один-

¹ Ванджал-бэйлэ или Ванджал Церен — сын Луузанг Дарджи, правнук Арабджура [Родословная 2016: 100].

² Рабджамба (тиб. rab 'byams pa) — название одной из ученых степеней, получаемых в тибетских монастырях.

³ Рало-кукье Лобсанг Тинле (тиб. rwa lo sku skye blo bzang 'phrin las).

надцати действий, связанных с молитвой *Мигцема*¹»² из собрания сочинений Владыки высшего учителя [Панчен-ламы]. [Панчен-лама] дал посланникам и казначею Дагъяб-тулку ответы на послания и прощальную аудиенцию' [dkon mchog 'jigs med dbang po 2014a: 530].

Другое посольство к Панчен-ламе было отправлено в 1780 г.:

yongs grags kyi kun ldan zhes pa lcags byi lo (1780) <...> zla ba gnyis pa'i tshes gcig la thor god pa'i li dbang rgyal tshe ring gis sngags grwa'i tshogs dbur spyen drangs te dngos 'bul dang bcas zhabs brtan phul zhing ser skya lnga brgya brgal bar phyag dbang stsal

‘Одиннадцатого числа <...> второго тибетского месяца <...> года Железа-Мыши [1780 г. — Б. М.], известного как «сарвари» (тиб. kun ldan; санскр. sārvārī), торгутский бэйлэ Ванджал Церен, пригласив [Панчен-ламу] возглавить молитвенное собрание Нгагпа-дацана, поднес молебен долгой жизни вместе с подношениями. [Панчен-лама] даровал благословение дланью более пятистам монахам и мирянам»' [dkon mchog 'jigs med dbang po 2014b: 163].

Таким образом, приведенные примеры из тибетских источников (впервые нами переведенные на русский язык) свидетельствуют о том, что прибывшие в Центральную Азию калмыки, организованные администрацией цинского Китая в сеймы и знамена, продолжали практику поклонения своим духовным учителям и направляли посольства к тибетским иерархам.

Заключение

Письмо из монастыря Лабранг не имеет подписи. Исследование позволило определить автора письма, его адресата и дату со-

¹ Мигцема (тиб. dmigs btse ma) — молитва, обращенная к ламе Цонкапе, написанная, как гласит традиция, самим ламой Цонкапой. Получила свое название от первой строки этой молитвы dmigs med brtse ba'i gter chen spyen ras gzigs — «Авалокитешвара — великая сокровищница сострадания, не воспринимающего истинного существования».

² «Подробное объяснение смысла „Собрания одиннадцати действий, связанных с молитвой *Мигцема*“» (тиб. dmigs btse ma'i las tshogs bcu gcig gi don zhib tu bshad pa) находится в пятом томе (ca) собрания сочинений Панчен-ламы Палден Еше.

ставления документа. Благодаря наличию печати возможно идентифицировать адресанта послания как Убаши-хана. Исходя из содержания письма считаем, что возможной датой написания письма является 1772 г., когда хан Убаши испытывал острую нужду в знающем и умелом лекаре для своих близких. Адресатом письма, предположительно, является Кончок Джигме Вангпо, второе воплощение Джамьянг Шебы, который уже был знаком с калмыками и к которому впоследствии наследник Убаши-хана не раз отправлял посольства не только в Тибет, но и в Китай.

Сопоставительный анализ письма Убаши-хана и отрывка о посольстве калмыков-торгутов из биографии Панчен-ламы дает дополнительный аргумент в пользу предположения о том, что одной из главных причин, по которой торгуты Убаши-хана покинули свои прежние кочевья, являлась забота о поддержании традиционного вероисповедания среди народа.

Литература

- Авляев 2002 — *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во. 2002. 325 с.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1. А–Г / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 520 с.
- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках: События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.
- Батубаяр 2014 — *Батубаяр Б.* Печати торгутских ханов и нойонов // Мир «ясного письма». Сб. науч. статей. Элиста: КИГИ РАН. 2014. С. 81–83.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- История Хо-Öрлөка 2016 — История Хо-Öрлөка // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописьм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 29–35.
- Китинов 2021 — *Китинов Б. У.* Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. 240 с.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1998. 384 с.

- Митруев 2022 — *Митруев Б. Л.* Печать Дондук-Даши // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 39–69. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-39-69
- Мэн-гу-ю-му-ци 1895 — Мэн-гу-ю-му-ци. Записки о монгольских кочевьях / [Чжан-му и Хэ-цю-тао]; пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского. (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 24). 1895. 487 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках. СПб.: Тип. Карла Крайя. 1834. 287 с.+ илл.
- Письма 2004 — Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Изд. текстов, введение, транслит., пер. со старокалм. на соврем. калм. язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: Джангар, 2004. 196 с.
- Родословная 2016 — Родословная торгутских ханов и князей // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописьм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 95–125.
- Рычков 1772 — *Рычков Н.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. 1772. 104 с.
- Санчиров 2016 — *Санчиров В. П.* Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописьм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: Джангар, 2003. 456 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста: Джангар, 2009. 992 с.
- Тепкеев, Нацагдорж 2016 — *Тепкеев В. Т., Нацагдорж Ц. Б.* Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки // Монголоведение. 2016. Т. 8. № 1. С. 5–12.
- Успенский, Яхонтова 2021 — *Успенский В. Л., Яхонтова Н. С.* Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в библиотеке СПбГУ // Тибетология в Санкт-Петербурге. Сб. статей. Вып. 2. СПб.: Петербургское востоковедение. 2021. С. 267–292.
- Ухтомский 1904 — *Ухтомский Э.* Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1904. 128 с.
- Ци ши и 1820 — Ци ши и. О переходе тургутов в Россию и обратном

- удалении из России в Зюнгарию (Сочинение китайского князя Цишия, переведенное с китайского подлинника г. надворным советником С. В. Липовцовым) // Собрание исторических, топографических и других ведений о Сибири и странах, с ней сопредельных, изд. Г. Спасским / Сибирский вестник. 1820. Ч. XII. Кн. 10. С. 165–189. Ч. XII. Кн. 11. С. 214–235. Кн. 12. С. 254–269.
- Batubayaer 2017a — *Batubayaer B.* Торгууд хаад ноёдын хэрэглэж байсан нэгэн тамганы тухай (Об одной печати, которую использовали торгутские ханы) // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı — Belleten.* 2017. № 65 (1). Pp. 145–149. (На монг.)
- Batubayaer 2017b — *Batubayaer B.* Fójiào yǔ zhèngzhì zhī jiān: Ēr hù tè hàn “jīngjìn xiūxíng” hànzi guānyīn kǎo (= Между буддизмом и политикой: текстуальное исследование китайской надписи «jīngjìn jìnxiū» на официальной печати торгутского хана) // *The Qing History Journal.* May. 2017. No. 2. Pp. 153–156 (На кит.)
- de mo ho thog thu 2010 — de mo ho thog thu blo bzang thub bstan 'jigs med rgya mtsho. sku phreng brgyad pa blo bzang bstan pa'i dbang phyug 'jam dpal rgya mstho'i rnam thar (= Биография восьмого [Далай-ламы] Лобсанг Тенле Вангчук Джампел Гьяцо) // *rgyal dbang sku phreng rim byon gyi mdzad rnam.* Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang. 2010. 590 p.
- dkon mchog 'jigs med dbang po 2014a — dkon mchog 'jigs med dbang po. rje bla ma srid zhi'i gtsug rgyan paN chen thams cad mkhyen pa blo bzang dpal ldan ye shes dpal bzang po'i zhal snga nas rnam par thar pa nyi ma'i 'od zer. stod cha (= Биография Владыки-учителя, венца бытия и покоя, великого пандиты, всеведущего Лобсанг Палден Еше Пелсангпо, поведанная из его уст, «Лучи солнца». Том 1) // sku phreng drug pa dpal ldan ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2014. Pp. 6–556.
- dkon mchog 'jigs med dbang po 2014b — dkon mchog 'jigs med dbang po. rje bla ma srid zhi'i gtsug rgyan paN chen thams cad mkhyen pa blo bzang dpal ldan ye shes dpal bzang po'i zhal snga nas rnam par thar pa nyi ma'i 'od zer. smad cha (= Биография Владыки-учителя, венца бытия и покоя, великого пандиты, всеведущего Лобсанг Палден Еше Пелсангпо, поведанная из его уст, «Лучи солнца». Том 2) // sku phreng drug pa dpal ldan ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2014. 458 p.
- dkon mchog bstan pa'i sgron me 1999 — dkon mchog bstan pa'i sgron me. dus gsum rgyal ba'i spyi gzugs rje btsun dkon mchog 'jigs med

- dbang po'i zhal snga nas kyi nnam par thar pa rgyal sras rgya mtsho'i 'jug ngogs (= Биография воплощения Победоносных трех времен, досточтимого Кончок Джигме Ванпо «Врата, ведущие в океан сынов Победоносных») // gsung 'bum v. 1 (pod ka pa). bla brang bkra shis 'khyil, 1999. 702 p.
- Dorji, Batubayar, Lije 2009 — *Dorji, Batubayar B., Lije G. Qīng dài tǔěrhùtè bù yǔ héshuòtè bù yīnzhāng yánjiū* (= Čing ulusiyyin üyeyin toryuud xošsuud-yin tamḡa-yin sudulul; Исследование печатей торгутов и хошутов периода династии Цин). Urumqi: Xīnjiāng rénmin chūbǎnshè. 2009. 54 ill. + 153 p.
- Fu Lo-shu 1966 — *Fu Lo-shu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1822)*. Tucson, 1966. 417 p.
- gung thang 2019 — gung thang dkon mchog bstan pa'i sgron me. dus gsum rgyal ba'i spyi gzugs rje btsun dkon mchog 'jigs med dbang po'i zhal snga nas kyi nnam par thar pa rgyal sras rgya mtsho'i 'jug ngogs (= Врата, ведущие в океан сынов Победоносных) // kun mkhyen 'jam dbyangs bzhad pa'i rdo rje dkon mchog 'jigs med dbang po'i gsung 'bum (pod ka pa). Vol. 1. Mundgod: Drepung Tashi Gomang Library. 2019. Pp. 1–91. (На тиб.)
- thu'u bkwan 1989 — *thu'u bkwan chos kyi nyi ma. lcang skya rol pa'i rdo rje'i nnam thar* (Биография Чанкья Ролпе Дордже). Lanzhou: kan su'u mi rigs dpe skrun khang. 1989. 806 p.
- Wang 2014 — *Wang Lianming. Church, A Sacred Event, and the Visual Perspective of an Etic Viewer: an 18th Century Western-Style Chinese Painting held in the Bibliotheque nationale de France* // Rui O. Lopes (ed.), *The Transcendence of the Arts in China and Beyond. Vol. 2 (Historical Perspective)*. Lisbon, 2014. Pp. 370–397.

Коллекция монгольских ксилографов и рукописей А. Ш. Баира в архивах Тувы

Аяна Анай-ооловна Самдан ¹

¹ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-7785-7497. E-mail: camayana[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Самдан А. А., 2023

Аннотация. *Введение.* На сегодняшний день одним из важных направлений в монголоведении, помимо введения в научный оборот письменных памятников, является их классификация в разрезе коллекций, выявление, фиксирование фондообразователей. В статье рассматривается коллекция А. Ш. Баира, которая рассредоточена по двум архивохранилищам Тувы: одна часть хранится в Национальном архиве Республики Тыва, другая часть — в Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. *Цель* исследования — обзор коллекции монгольских ксилографов и рукописей знатока старомонгольской письменности А. Ш. Баира. *Материалы и методы.* Коллекцию монгольских письменных памятников А. Ш. Баира составили монгольские ксилографы и рукописи из его личного архива, хранящиеся в Национальном архиве Республики Тыва (№ 542) и более 50 сочинений разного содержания из монгольского собрания Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Историко-сравнительный и хронологический методы позволили систематизировать письменные памятники, текстологический метод применялся для идентификации сочинений. *Результаты.* В монгольском собрании Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований обнаружен обширный круг письменных памятников, составляющих коллекцию А. Ш. Баира, уточнено название некоторых из

них. Удалось установить, что некоторые рукописи стали источниками тувинских летописей на старомонгольском языке. *Выводы.* В коллекции А. Ш. Баира в общей сложности мы насчитали 70 монгольских ксилографов и рукописей, которые расширяют наши знания о распространении монголоязычных сочинений на территории Тувы. Делопроизводственные документы, которые составляют значительную часть данной коллекции, являются историческими источниками становления народно-революционной партии и ревсомола Тувы.

Ключевые слова: коллекция, А. Ш. Баир, рукописи, архив, письменные памятники, старописьменный монгольский язык

Для цитирования: Самдан А. А. Коллекция монгольских ксилографов и рукописей А. Ш. Баира в архивах Тувы // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 44–68. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-44-68

Mongolian Xylographs and Manuscripts Collected by Aleksey Sh. Bair of in Archives of Tuva

*Ayana A. Samdan*¹

¹ Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (4, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-7785-7497. Email: camayana[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Samdan A.A., 2023

Abstract. *Introduction.* Contemporary Mongolian studies tend not only to further introduce written monuments into scientific circulation but rather seek to classify the latter in terms of individual collections, identify their compilers. The paper deals with the collection of Aleksey S. Bair contained in Tuva's two major repositories — National Archive of Tuva and Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (Scientific Archive). *Goals.* The article attempts a review of Mongolian xylographs and manuscripts collected by A. Bair, a statesman with expertise in Classical Mongolian. *Materials and methods.* The collection comprises Mongolian

xylographs and manuscripts from his personal archives currently stored at the National Archive of Tuva (Coll. no. 542) and over fifty various texts included in the Mongolian Collection of Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research. The historical-comparative and chronological methods prove instrumental in systemizing the reviewed written monuments, while that of textual criticism has been employed to identify certain narratives. *Results.* The study has discovered Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (Scientific Archive) houses a wide range of texts descending from A. Bair's collection, and clarifies some of the latter's titles. The work also specifies that individual manuscripts had served as bases for Tuvan chronicles in Classical Mongolian. *Conclusions.* A. Bair's collection includes a total of seventy Mongolian xylographs and manuscripts that essentially extend our knowledge of how Mongolian-language compositions had been disseminated in the territory of present-day Tuva. Quite a share of the collection is compiled from records management documents with valuable historical accounts of the shaping of Tuvan People's Revolutionary Party and Youth Revolutionary Union.

Keywords: collection, A. Sh. Bair, manuscripts, archive, written monuments, Classical Mongolian

For citation: Samdan A. A. Mongolian Xylographs and Manuscripts Collected by Aleksey Sh. Bair of in Archives of Tuva. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2023; 1: 44–68. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-44-68

Введение

В научной литературе вопросы функционирования старописьменного монгольского языка и распространения богатого наследия монгольской литературы в Туве были затронуты в монографиях Б. И. Татаринцева [Татаринцев 1976], Ю. Л. Аранчына [Аранчин 1982], А. А. Самдан [Самдан 2016], в отдельных статьях Д. С. Куулар [Куулар 1961: 188–195] и других работах.

В настоящее время письменное наследие на старомонгольском языке хранится в Национальном архиве Республики Тыва (далее — НА РТ), Национальном музее Республики Тыва им. Алдан Маадыр и Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (далее — ТИГПИ).

В Национальном архиве Республики Тыва документальный массив на старомонгольском письменном языке хранится в девяти фондах, но самым объемным является фонд № 115 «Управление амбын-нойона Танну-Урянхая (Туву) (1715–1930 гг.)», в котором сосредоточены делопроизводственные документы Туву цинского периода.

В конце 1980-х гг. монгольское собрание Национального музея Республики Тыва стало предметом исследования А. Г. Сазыкина. Им опубликована статья «Собрание монгольских рукописей и ксилографов из фондов Тувинского республиканского краеведческого музея им. 60 богатырей (Кызыл)» [Сазыкин 1992], а в 1994 г. в Венгрии вышел каталог данного собрания [Sazykin 1994].

Формирование монгольской коллекции Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории (ТНИИЯЛИ), преемником которого ныне является ТИГПИ, началось с 1960-х гг., практически сразу после открытия рукописного фонда (ныне — Научный архив ТИГПИ, далее — НА ТИГПИ). В результате собирательской деятельности сотрудников института за короткий срок было собрано уникальное собрание тибетских, монгольских ксилографов и рукописей. На сегодняшний день в рукописном фонде НА ТИГПИ хранятся 288 монгольских письменных памятников, распределенных в 256 единиц хранения. Из них, как нами посчитано, только 19 являются ксилографами (11 пекинских и 8 бурятских), а 269 (т. е. более 92 %) — рукописями. Это связано с тем, что ксилографические издания приобретались из Тибета, Монголии и Бурятии и, соответственно, стоили очень дорого, поэтому была развита подготовка рукописей вручную, где работали квалифицированные писцы.

Историю поступления монгольских ксилографов и рукописей в ТИГПИ сложно проследить, поскольку в большинстве случаев элементарно отсутствует запись или же сведения о них фрагментарны. Как нам удалось выявить, основными фондообразователями были Д. Кужугет, О. Т. Кужугет (Бай-Гайгинский район), О. Д. Кулар, Ш. Тулуш, С. Б. Монгуш, Б. Б. Монгуш, С. Монгуш, К. Сарыглар, С. С. Серен-оол, К. Хомушку, А. К. Калзан (Дзун-Хемчикский

район), И. С. Ооржак (Барун-Хемчикский район), В. Т. Монгуш (Пий-Хемский район), Т. С. Тондар (Монгун-Тайгинский район), Л. Оюн (Тандынский район) и др., которые в общей сложности в период с 1971 по 1983 гг. передали около тысячи тибетских и монгольских ксилографов и рукописей [Самдан 2004: 59]. Формирование фондов происходило и за счет случайных находок письменных памятников, которые были спрятаны в укромных местах или пещерах во время гонений на религию.

В процессе формирования отдельных фондов НА ТИГПИ не учитывались источники комплектования, не осуществлялась научная каталогизация поступивших коллекций.

Работа по каталогизации монгольских ксилографов и рукописей НА ТИГПИ была впервые осуществлена А. А. Самдан, результатом стала публикация: [Самдан 2004]. Проведенная работа во многом способствовала выявлению рукописей, поступивших от А. Ш. Баира.

Из-за того, что в свое время не велся учет фондообразователей монгольского собрания, сейчас очень сложно их установить, а также невозможно не только проследить историю поступления монгольских ксилографов и рукописей в НА ТИГПИ, но и определить количество и объем поступившей коллекций.

Целью исследования является обзор коллекции монгольских ксилографов и рукописей А. Ш. Баира — знатока старомонгольской письменности.

Материалы и методы

В статье анализируются собранные А. Ш. Баиром материалы из Национального архива Республики Тыва, где имеется личный фонд Алексея Ширинмеевича Баира (шифр хранения № 542). Помимо документов, связанных с его профессиональной деятельностью, в этом фонде обнаружены 18 ксилографов и рукописей на старомонгольской письменности, в том числе 2 ксилографа, изданных в бурятских дацанах. Некоторые из них в Туве встречаются в единичном экземпляре. В статье также освещаются материалы из монгольского собрания НА ТИГПИ, где удалось выделить

52 письменных памятника, из них 46 являются делопроизводственными документами периода Тувинской Народной Республики (1922–1930 гг.). В работе применялись историко-сравнительный и хронологический методы, которые позволили систематизировать письменные памятники, а также текстологический метод, с помощью которого проводилась идентификация сочинений.

История формирования монгольской коллекции А. Ш. Баира

А. Ш. Баир — государственный и политический деятель Тувы, переводчик, знаток старомонгольской письменности. Он родился 5 мая 1904 г. в м. Устуу-Ишкин Хемчикского хошуна (ныне — Сут-Хольский кожуун). В детстве А. Ш. Баир получил отличное домашнее образование, в 1926–1927 гг. обучался в Кызылской партийной школе, а в 1941–1944 гг. по решению Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии получил образование в Московском институте востоковедения [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 6. Л. 12, 24, 36].

За всю свою жизнь А. Ш. Баир собрал довольно большую личную библиотеку книг на русском, старомонгольском и тувинском языках (в латинской графике), которые впоследствии составили основу фонда редких книг ТНИИЯЛИ (ТИГПИ). Практически то же самое можно сказать о монгольских письменных памятниках. Можно предположить, что какую-то часть монгольских рукописей А. Ш. Баир получил в дар от людей, у которых они сохранялись или которые, возможно, обнаружили их в тайных местах в годы антирелигиозной пропаганды в Туве. Несмотря на тяжелые годы ареста, последующего заключения во время политических репрессий, коснувшихся А. Ш. Баира и его семьи, родные смогли сохранить бесценные книги, ксилографы и рукописи [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 362, б/н]. На сегодняшний день его коллекция книг и письменных памятников находится частично в научном архиве ТИГПИ и частично — Национальном архиве Республики Тыва [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 368, 369, 415, 416, 417, 418, 419, 422, 570, 1034; НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 53, 64, 65, 66, 67, 68, 69].

В январе 1971 г. А. Ш. Баир сразу после своего трудоустройства младшим научным сотрудником сектора истории ТНИИЯЛИ передал в рукописный фонд (далее — Р/ф, ныне входит в НА ТИГПИ) института более ста наименований редких книг и рукописей на русском, монгольском и тувинском языках. Им составлен список книг и рукописей, который он разделил на две части. Первая часть списка включает 31 наименование, из которых 5 относятся к рукописям на старомонгольской письменности (№ 23–25, 27 и 74), 3 — к историческим картам (№ 28 «Карта Хемчикского хошуна», № 29 «Карта Монголии» и № 30 «Карта Монголии Чингис-хановского периода»). В первую часть вошли книги, изданные в Туве в 1925–1943 гг. Во вторую часть списка включены 74 названия книг, изданных в гг. Москве, Улан-Удэ и Улан-Баторе. Здесь мы обнаружили только одну рукопись (№ 73). Таким образом, в коллекции НА ТИГПИ, переданной А. Ш. Баиром, представлены 6 рукописей [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 362, б/н].

Директор ТНИИЯЛИ Ю. Л. Аранчын в своей резолюции от 25 января 1971 г. написал: «Материалы, переданные т. Баиром, оформить в рукописный фонд под названием «Личный архив А. Ш. Баира» [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 362, б/н]. Но затем, как мы предполагаем, вследствие формирования новых фондов коллекция А. Ш. Баира была расформирована и распределена в рукописный и книжный фонды.

Таким образом, в НА ТИГПИ насчитывается 52 документа, составляющих коллекцию А. Ш. Баира, которая, вопреки резолюции Ю. Л. Аранчына, не была выделена в отдельный личный фонд.

Личный фонд Алексея Ширинмеевича Баира в Национальном архиве Республики Тыва (№ 542) был сформирован из документов фондообразователя, сданных в 1985–1986 гг. в Центральный государственный архив Тувинской АССР (ныне — Национальный архив Республики Тыва) Евгенией Константиновной Конгаровой, супругой А. Ш. Баира.

В 1986 г. в результате научно-технической обработки археографы Б. Ч. Ширин-оол и И. Б. Баян сформировали 80 дел. В 1994 г. фонд был пополнен документами о реабилитации А. Ш. Баира. На

сегодняшний день в фонде всего 89 дел. Опись фонда состоит из следующих разделов: 1) биографические документы; 2) воспоминания; 3) материалы о фондообразователе; 4) материалы по истории Тувы; 5) материалы на разные темы; 6) рукописные документы (на монгольском языке); 7) фотографии; 8) письма, заявления и газетные статьи о реабилитации А. Ш. Баира.

В целом сохранность коллекции очень плохая. Большая часть рукописей написана на китайской бумаге, более половины из них стали ветхими, ломкими, почерневшими от пыли и сажи, края имеют повреждения, зачастую нет начала и конца документа. В самих рукописях отсутствует пагинация, во время инвентаризации шариковой ручкой (с пастой красного цвета) проставлены номера листов. В отдельных сочинениях имеются пометы черной пастой, сделанные шариковой ручкой, «Из личного архива А. Ш. Баира», а также проставлены годы, по всей видимости, это попытка А. Ш. Баира датировать документ. Кроме того, был осуществлен переплет некоторых рукописей подручными средствами, например с использованием плакатной бумаги. Названия некоторых рукописей (№ 415, 417, 418, 419 р/ф НА ТИГПИ) даны А. Ш. Баиром, и они не совпадают с наименованиями, данными в списке книг.

Тематический обзор коллекции

Коллекция по составу своеобразная, неоднородная. В ней имеются произведения буддийской канонической философской, обрядовой литературы, дидактические сочинения, исторические и филологические произведения, но большую часть составляют делопроизводственные документы (письма, инструкции, уставы, постановления и др.), датируемые периодом Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Это связано, прежде всего, непосредственно с профессиональной деятельностью А. Ш. Баира. Он был активным деятелем ревсомола и членом партийных хошунных комитетов Дзун-Хемчикского и Барун-Хемчикского кожуунов республики. Такой тематический разброс говорит о том, что фондообразователь не задавался специально целью подобрать письменные памятники по определенной тематике.

Начальную дату хронологической границы коллекции сложно установить из-за отсутствия датировки в рукописях, а завершающей является 1930 г.

В коллекции преобладают рукописи, имеются всего два ксилографических издания, которые являются буддийскими текстами.

Рукописи в основном имеют вид тетрадей. Характерно, что в одной тетради может быть несколько разных сочинений. Они могут быть скреплены жгутом из той же бумаги или кожаной веревкой, шпагатом, либо другими подручными средствами.

Рассмотрим более подробно на примерах.

В коллекции имеются два бурятских ксилографических памятника, это сочинения из Ганджура.

1. «Qutuγ-tu bilig-ün činadu kičaγar-a kürügßen qurियangγui silüg orusiba» («Краткое стихотворение — священная Праджня-парамита») [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 65]. Ксилограф напечатан в Анинском дацане «Гандан Шаддублинг» Бурятии (см. подробнее [Сыртыпова, Гармаева, Базаров 2006: 70]). В рукописи всего 63 листа, размер 43 x 9 (37 x 6) см, 30–31 строка, русская бумага. Пагинация на монгольском языке. В коллофоне составителем и издателем указан Лувсан Сандаг (Süsüg tegüldür lubsan sandaγ kemegeđkü uqayantan kereg-tü nayiraγulju keblegülen daγusbai). Дата окончания составления: 8 число новой луны первого весеннего месяца года лошади¹ (morin jil-ün qabar-un ekin sar-yin sin-e-yin nayima bayasyulang-un edür nayiraqulabai).
2. «Qutuγ-tu včir-iyar oγtaluyči sudur orusiba» («Сутра „Святая, Рассекающая алмазным скипетром“») (Полное название дано на л. 1: «Qutuγ-tu včir-iyar oγtaluyči bilig-ün činadu kičaγar-a kürügßen neretü yeke kölgen sudur» («Сутра махаяны под названием „Святая о запредельной мудрости, рассекающая алмазным скипетром“») или «Алмазная сутра» [НА РТ.

---

¹ Здесь невозможно точно определить год по европейскому календарю, так как не указан порядковый номер 60-летнего цикла. В восточном лунно-солнечном календаре в большой 60-летний цикл входят пять 12-летних циклов, годы которых именуются названиями животных.

Ф. 542. Оп. 1. Д. 66]. Это также бурятский ксилограф, но изданный в Цонгольском дацане. В рукописи всего 69 листов (отсутствует л. 45), 44,5 x 9 (38 x 6,5) см, 31–32 строки, бумага русская. Пагинация на монгольском языке. Переводчик — Огторгуйн Далай Рабджам Зая-пандита. Переписчик — Радна-Бхадра (Oyтарγуй-yin dalai rab byams jay-a bandida orčiγulun onumγai radna-a bhadr-a sanburidan uran jasun čaqałsun-dur bičibe).

К практической обрядовой литературе можно отнести:

1. Начало л. 1: «... Ene manı-yin ner-e-yı abural γurban čuγay bui erdeni noyan qutuγtu silüglen qubilju nayıγayulbai...» («Мантра, именуемая „Три драгоценных спасения“. Эрдэнэ-ноян-хутухта сочинил в стихотворной форме») [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 1]. Рукопись, тетрадь, 5 листов, 13 x 24,5 см, 5 строк, тушь, перо, китайская сложенная вдвое бумага. Листы скреплены жгутом из той же бумаги.
2. Начало л. 1: «...Ova süstei sardam qutuγtu mangjuširi-dur mörgümü danjuur-un doturki kümün-ü singju jamču-bar üjegülügsen ...» («Помолимся Манджушри-хутухте. Признаки человека, описанные в Данджуре») [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 1]. Рукопись, тетрадь, 9 листов, 13 x 25,5 см, 7 строк, тушь, перо, китайская сложенная вдвое бумага, монгольская пагинация. Листы соединены белой хлопковой толстой ниткой.

Коллекция располагает рукописями дидактического содержания, которые широко распространены во всех собраниях монгольских ксилографов и рукописей Тувы. Отсутствие названия и фрагментарность сочинения затрудняет их идентификацию.

1. Начало л. 1¹: «...Ova sayın amuγulang boltuγai, sayın toli-yi es arčibası öngge ülü γaraqı sayın kümün-lüg-e ese kelelčebesü ülü taniqu...» («Пусть все будет хорошо и спокойно. Если не протирать зеркало, то не будет видно отражения. Если не

---

¹ Здесь и далее л. 1 указывается в случаях, когда в рукописи отсутствует титульный лист.

- поговоришь с хорошим человеком, то не узнаешь [его]...») [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 1]. Рукопись, тетрадь, 6 листов, 12,5 x 24,5 см, 7 строк, тушь, перо, китайская сложенная вдвое бумага. Листы скреплены шпагатом.
2. Начало л. 1: «... Nasun-tu qubilyan boluĵu, ноуууан-а nilq-a bolbaĉu tengri-yin qur-a-bar teĵeyebesu öskü ...» («При жизни стал хубилганом, вырос, питаюсь с самого маленького возраста каплями дождя ...») [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 1]. Рукопись, тетрадь, 15 листов, 13 x 25,5 см, 7 строк, тушь, перо, китайская сложенная вдвое бумага. Листы скреплены жгутом из той же бумаги. Пагинация монгольская.
3. Начало л. 1: «... Atista-yi örüşiyegĉi blam-a idam abural nigülsügĉi sarva budda aiuldan totĵar-yi kesegegĉi darmabala asuri nigülsigüi-ber uriddan soyurq-a ...» («Поклоняюсь перед милостивым Атишей, идами, сострадательным Святым Буддой, избавляющим от преград дхармапалой и асури...») [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 13–19]. Рукопись, тетрадь, 8 листов, 13x25 см, 8 строк, тушь, перо, китайская сложенная вдвое бумага. Листы скреплены шпагатом. Монгольская пагинация.

В коллекции имеется рецептурный справочник, название которого дано на тибетском и старомонгольском языках. «Bügün-e tusalaqu elseb ĵüi lem-ün nauĵirilĵ-a kemekü oĵušibai» («Сочинение, именуемое „Помогающий всем состав лекарств“») [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 64]. Рукопись, формат ботхи, 45 листов (нет 19, 45–49 листов), 22,4 x 9 (18 x 6,5) см, 18–19 строк, русская бумага, черная и красная тушь, перо. Пагинация монгольская.

Также в коллекции имеется рукопись о вреде табака, приписываемая Джебцзун-Дамба-хутухте — «Boĵd ĵibĵun damba-yin ĵarlıĵ maĵu tamiki-yi qaĵaŷsan sudur oĵušiba» («Наставление Богдо Джебцзун-Дамбы. Сутра, поясняющая вред табака»). На титульном листе имеются пометки синими чернилами «Түлүш Шыырап (Сүт-Хөл). Таакпы хоразының дугайында (таакпы тыртар)» (Тулүш Шыырап (Сут-Хол). О вреде табака (табакокурении)) [НА РТ.

Ф. 542. Оп. 1. Д. 53]. Рукопись, формат ботхи, 6 листов, 21,5 x 9 см, 21 строка, русская бумага с печатью «Косинской фабрики Рязанцевых № 8», тушь, перо.

К филологической части коллекции относится фрагмент рукописи о правилах орфографии монгольского языка. Начало (л. 7): «...köngdei üsüg-üd-dür aqsily-a ba egsilge ögekü terigüten бүгүде-ни es güicedgen anu bolbaču uridaki üsüg-üd-ün дүрөм-үи sayitur kinan uqaју үјебөсү kilbar bolqu bolai ...» («...В случае несоблюдения заднерядных и переднерядных гласных букв, будет легче, если прежде внимательно ознакомиться с правилами...») [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 7]. Рукопись, формат ботхи, но листы не разрезаны, 2 листа (7 и 8 л.), 17,5 x 26 (12,5 x 5) см, 15–16 строк, русская бумага, тушь, перо.

Имеется фрагмент толкового словаря монгольского языка. Начало: «...tailburlan biçigsen toil nartu qayudasu-dur бүгүдөлен neyit-yin җајар-і җајар кемемүі...» («...В толковых словарях вселенная указана как земля...») [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67]. Рукопись, тетрадь, 12 листов, 16,5 x 22 см, 7 строк, тушь, перо, русская линованная бумага, пагинация монгольская.

Кроме того, представлен перевод произведения китайской литературы, который получил распространение среди монголов. «Siva çin küi kemekü teüke qorin җурбадуҗар дөрбөдүгер» («История под названием „Шива чин хуй“. 23 и 24 [части]»). Рукопись, тетрадь, 42 листов, 12 x 25 см, 10 строк, тушь, перо, китайская двойная бумага.

В коллекции хранятся исторические документы, которых мы не обнаружили в других монгольских собраниях Тувы.

Рукопись без названия «...Çоү-ни badaraquluучи janjun kiy-a jakiruyчи datuyadu said gün-ün biçig uriyangqai-yin da sayal darҗan batur qaşıҗ-a-dur ilgebe» («Письмо главнокомандующего Цог Бадруулагча, хиа, правителя, министра внутренних дел. Урянхайскому Да Сахал-Батыру Хашига») [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 69] мы относим к историческим хроникам. Тетрадь, размер 26,5x26,5 см, всего 12 листов, 21–22 строки, тушь, перо, китайская сложенная вдвое бумага, тетрадь, листы соединены тонким кожаным шнурком.

Текст этого документа представляет выдержки из официальных делопроизводственных документов. Центральное место в рукописи занимает письмо мээрэн-дзанги¹ Ламажава, адресованное улясутайскому наместнику и датированное 1856 г. В нем подробно рассматриваются проведенная маньчжурами в 1759 г. административная реформа и история установления института ухери-да² в Танну-Урянхае. Эти сведения легли в основу многих тувинских летописей (например, «История прежних нойонов тувинского народа», «История ханов, милостью неба завладевших временем», «Хроника Олзей-Очура» и др.) [Самдан 2016: 89–132]. Следует отметить, что в рукописи запись событий не ведется в строгой хронологической последовательности. Самая ранняя дата — 1667 г., а поздняя — 1864 г. Соответственно, мы можем датировать рукопись второй половиной XIX в.

Историко-географическое сочинение с названием на тувинском языке «Бүгү моол аймактарны, манчы-кыдат хаанның тургускан эрги чагыргалары болгаш чурт кызыгаарын доктаатканы. Улаан-Батор, 1938 ч.» («О монгольских племенах, маньчжуро-китайской администрации и об установлении границ. Улан-Батор, 1938») [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 415], как мы предполагаем, является рукописной копией печатного издания. При сравнении со списком книг, предоставленным А. Ш. Баиром, обнаруживается, что данное название близко с № 73 «Моол төөгү бижик. Хол-биле бижээн» («Историческая летопись Монголии. Рукопись»). Текст написан синими чернилами на русской бумаге, всего 41 лист, 27 x 24 см, 14 строк. Листы скреплены алюминиевыми скобами.

В коллекции имеются два списка описи товаров китайских торговцев, которые были вынуждены оставить их и спасаться бегством вследствие национально-освободительного движения, начавшегося в 1912 г. по всей Туве. Первый документ «Olan-a ergügdegsen-ü qoyadyar on ... saratu janggi batu naramandaqu-ni ondar sumun-u tayibi büüs nu mal baray-a-yi küliyen abuysan dangsa» («... месяц второго года Многими возведенного. Список скота и

¹ Мээрэн-дзанги (мейрен-дзанги) — в Цинской империи воинское звание помощника командира знаменного корпуса.

² Ухери-да (маньчж.) — правитель хошуна.

товаров [китайской] фирмы [Да Ши] Тайбу, переданных дзанги¹ сумона Ондар Бату Нармандаху») [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 417] который состоит из 18 листов, 25*11,5 см, 15 строк, русская бумага, тушь, перо, сохранность неудовлетворительная. Переплет из серой бумаги, края, отдельные места многих листов из-за ветхого состояния рассыпались, листы сильно загрязнены. В тексте дается, как видно из названия, перечень товаров, которые распределены по сундукам (монг. *авдар*). Всего их 15 штук. Кроме товаров, указаны количество и виды скота, которые содержались у тувинцев. Всего 164 бодо².

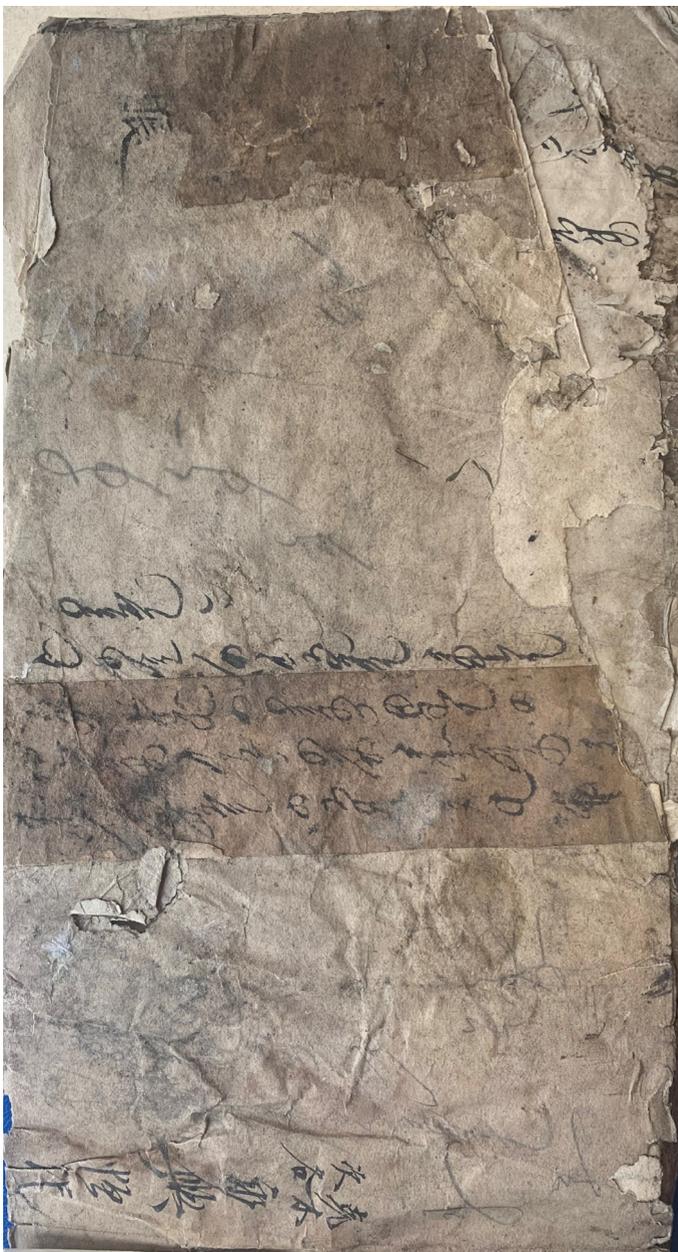
Вторая тетрадь «...Nigedüger abdar-a-yin dotura saqajang kögürge 2...» («...В первом сундуке — 2 фарфоровых табакерки для нюхательного табака...») [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 419] состоит из 50 листов, тетрадь, 24,5 x 25 см, 12 строк, русская бумага, черни-ла. Листы загрязнены от сажи, помяты, особенно их края. Имеется нумерация листов, сделанная шариковой ручкой красного цвета. На отдельных страницах, имеющих бумажные вклейки, последние отклеились в некоторых местах.

Как и в первой описи, здесь перечислены наименования товаров и их количество, распределенные по 41 сундуку. Общее количество всего товара не выведено. Перечислено количество скота: лошадей — 223 головы, крупного рогатого скота — 19. В конце документа имеются три записи об изъятии из сундуков разных видов ткани, чтобы «положить их вовнутрь статуэтки божества» [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 419. Л. 100].

Рукопись с названием «Хемчик ийи кожууннарның таңма черлеринден томуйлаткан дүжүметтерниң Шагаан-Арыгта болган эрии, иргин херээн үзүп шииткен (суд) доктаалдары. 1915 ч.» («Судебные постановления по уголовным и гражданским делам, рассмотренным чиновниками двух хемчикских хошунов в Шаган-Арыге») [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 418] является протоколом судебного съезда, который проходил в год кролика/синий (1915 г.) в Шаган-Арыге. Тетрадь, листы скреплены кожаной веревкой, 72 листа,

¹ Дзанги (тув. *чаңгы*) — правитель сумона.

² Бодо — условная единица подсчета скота. Одно бодо приравнивалось к одной голове крупного скота.

Факсимиле 1. Титульный лист рукописи [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 417]

[Fig. 1. Front sheet of a manuscript. Facsimile]

17 x 22 см, 4–10 строк, русская бумага, чернила. Имеются пометы карандашом на старомонгольском, русском и арабском языках, которые являются расписками русских и татарских торговцев.

В коллекции имеется рукопись, которая начинается со слов «Jarliḡ-iyar toḡtaḡaysan ḡadaḡadu mongḡol-un töḡü-yi ḡasaqu yabudal-un yamun-u qaḡli» («Высочайше утвержденные законы министерства, ведающего управлением Внешней Монголии») [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 422]. При сличении текста оказалось, что рукопись является списком монгольской летописи «Эрдэнийн эрхэ» («Драгоценные четки») Галдана, которая хронологически охватывает XIII–XIX вв. Всего в рукописи 172 листа, написана она на китайской двойной бумаге, тушью, пером, имеет переплет из кожи, обтянутый тканью синего цвета. Листы скреплены кожаной веревкой.

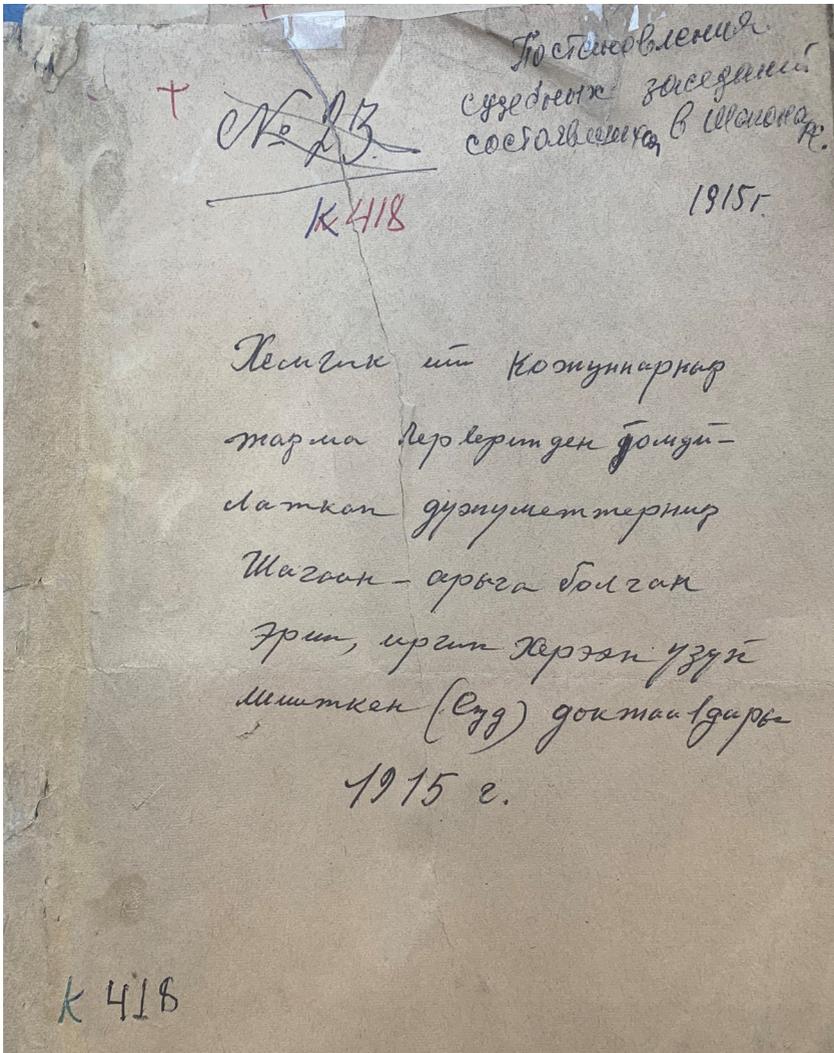
В НА РТ хранится другая рукопись с таким же названием «Jarliḡ-iyar toḡtaḡaysan ḡadaḡadu mongḡol-un töḡü-yi ḡasaqu yabudal-un yamun-uqaḡli ḡüil-ün biḡig» [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67], которая на этот раз действительно является текстом «Высочайше утвержденных законов министерства, ведающего управлением Внешней Монголии»). В российском монголоведении этот свод законов более известен под названием «Уложение Китайской Палаты внешних сношений». Уложение, как и все другие законодательства, неоднократно подвергалось изменениям, дополнениям и исправлениям и издавалось на трех официальных языках Цинской империи: китайском, маньчжурском и старомонгольском. В рукописи содержатся дополнения (nemeḡü ḡokiyau sananu) и изменения (ḡalaraqulan ḡasaḡsan anu) в 8 книгах (debter). Каждый параграф выделяется абзацем, который традиционно начинается словами «nigen ḡüil» (букв. ‘первая статья / пункт’). Например:

«Изменение

1. В каждом хошуне назначить правителя хошуна, дзанги и несколько мейренов¹. Если же количество арбанов в хошуне меньше положенного, то должны назначить правителя хошуна, одного дзанги и одного мейрена. Если последних много — уменьшить, если мало — увеличить.

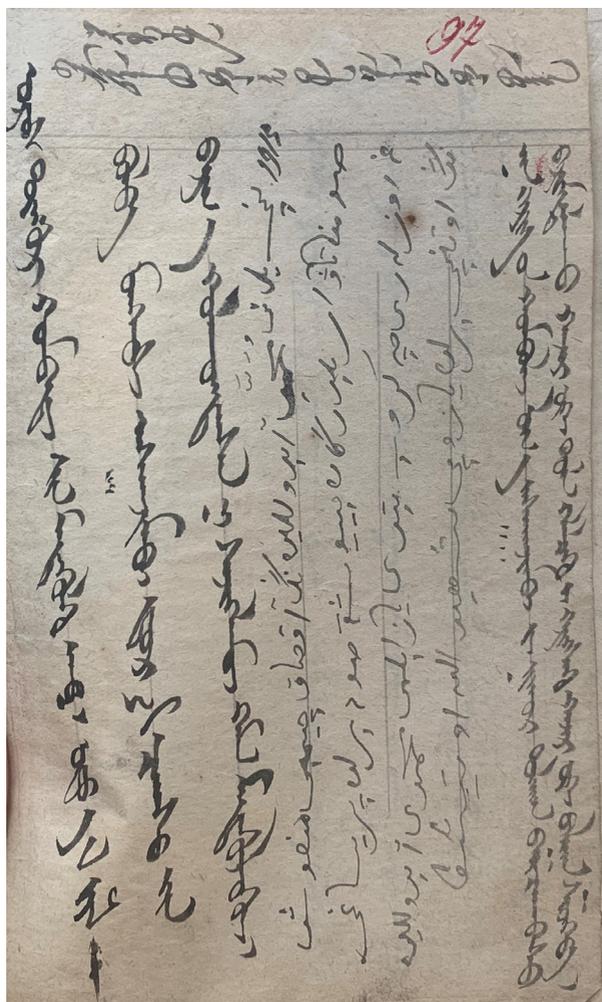
---

¹ Мейрен (тув. *мээрэн*) — хошунный чиновник.

Факсимиле 2. Титульный лист рукописи «Судебные постановления по уголовным и гражданским делам, рассмотренным чиновниками двух хемчикских хошунов в Шаган-Арыге» [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 418. Л. 1]

[Fig. 2. Criminal and Civil Judicial Decisions by Officials of Two Khemchik Khoshuus in Shagan-Aryg. Front sheet of the manuscript. Facsimile]

Факсимиле 3. Титульный лист рукописи «Судебные постановления по уголовным и гражданским делам, рассмотренным чиновниками двух хемчикских хошунов в Шаган-Арыге» на старомонгольской письменности [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 418. Л. 97]

[Fig. 3. Criminal and Civil Judicial Decisions by Officials of Two Khemchik Khoshuus in Shagan-Aryg (in Classical Mongolian). Front sheet of the manuscript. Facsimile]

Изменение

1. В монгольских хошунах из 150 мужчин образовать сумон, в котором назначить одного дзанги, одного младшего офицера роты, 6 урядников и 50 латников. В шести сумонах назначить дзалан-дзанги¹» [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 17]. Тетрадь из 22 листов, 14 x 27 см, 10 строк, тушь, перо, китайская, сложенная вдвое бумага. Листы скреплены черной толстой ниткой.

Рукопись «...Tngri-yin bosuy-iyar čay-i ejelegsen quvangdi nar ekilejü sirigen-tu sayuusan mongyol čingyis boyda qayan...» («... Императоры, милостью неба, завладевшие временем. Возведенный на престол монгольский Чингис-Богдо-хаан...») хранится в НА РТ [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67], всего в ней 12 листов. Рукопись на двухслойной китайской бумаге, листы скреплены шпагатом, имеет монгольскую пагинацию. В тексте имеется датировка — 1900 г.

Текст условно можно разделить на 4 раздела.

В первом перечислены имена монгольских ханов и маньчжурских императоров с указанием года правления [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 1²]. Анализ содержания этого раздела показал, что он с некоторыми сокращениями вошел в состав летописного сочинения «Повествования о происхождении танну-урянхайцев» [Самдан 2016: 171–180].

Во втором, историческом, разделе дана краткая история основания первого монастыря Монголии Эрдэнэ-дзу [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–4].

В третьем, хронологическом, разделе [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 4–6] согласно монгольской историографической традиции перечислены годы рождения исторических личностей, начиная с Будды, и годы основания известных буддийских монастырей Халхи. «С года земли/овцы, рождения Будды, прошел 2 861 год. С года дерева/тигра, рождения Абатай-Сайн-хана, прошло 348 лет. С года дерева/лошади, рождения Тушээт-хана Гомбодоржа, прошел 301 год. С года дерева/свиньи, рождения Ондор-гэгэна, прошло 266 лет <...> С года дерева/собаки, основания Эрдэнэ-дзу, про-

¹ Дзалан-дзанги — командир полка.

² Здесь приведены листы каждого отдельного документа. Поскольку в деле 67 хранятся 13 сочинений, то номера листов могут повторяться.

шло 315 лет. С года огня/свиньи, основания Баруун-хурээ, прошло 253 года. С года синий/ лошади, основания Дзун-хурээ, прошло 164 года. С года воды/овцы, основания хийда Дамбадаржаа, прошло 136 лет. С года огня/змеи, основания хийда Амар-Баясгалант, прошел 161 год¹» [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 4–6].

В четвертом, генеалогическом, разделе [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 6–8] дана родословная нойонов только одного Тушэтухановского аймака Халхи. Монастырь Эрдэнэ-дзу был создан на средства Абатай-хана и считался родовым монастырем Тушэтуханов. Помимо этого, перечисляется иерархическая структура организационного управления всех четырех аймаков Монголии. «В Тушэтухановском аймаке 20 дзасаков, в том числе 1 чин ван, 2 гийун-вана, 1 бэйсэ, 1 тушээ-гун, 5 туслагч-гунов, 1 дзасак в чине гуна, 8 дзасак-тайджи. Всего 54 сумона. <...> ...В Сэцэн-хановском аймаке 23 дзасака, в том числе 1 чин ван, 1 гийун-ван, 1 бэйлэ, 2 бэйсэ, 1 тушээ-гун, 1 гийун-ван, 1 бэйлэ, 2 бэйсэ, 1 тушээ-гун, 2 туслагч-гуна, 1 дзасак в чине гуна, 13 дзасак-тайджи. Всего 60 сумонов...²» [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 67. Л. 6, 9].

Следующим историческим документом является «Письмо Унен-Эрдэнэ Бишрэлта, назначенного Самади Номун-ханом Джалханза-хутухтой для усмирения монгольских племен уполномоченным по водворению порядка в западном крае...» («...Jarliγ-iyar jaruγsan baraquᠨ kiᠵaγar-i tokiniγulaqu janjun sayid-ud jarliγ-iyar sangnugsan tügemel samadi nomun qan jalqangja qutuγtu jarliγ-iyar ergümᠵige᠑sen mongyol ayimaγ-i daγaγulun tokinaγulqu said ünēn erdeni bi᠑ireltü güčēn tegülder qutuγtu ᠵasaγ blam-a-yin bičig...») [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 68]. В письме, адресованном чуулгандарге Дзасакту-хановского аймака, сообщается о срочной мобилизации 3 тысяч воинов из двух западных аймаков Халхи для освобождения крепости Кобдо от забаррикадировавшихся в ней маньчжуров. Датируется письмо 29 числом 7 месяца 1912 г. [НА РТ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 68. Л. 2]

«Письмо Унен-Эрдэнэ Бишрэлта, назначенного Самади Номун-ханом Джалханза-хутухтой для усмирения монгольских пле-

---

¹ Перевод автора статьи.

² Перевод автора статьи.

мен уполномоченным по водворению порядка в западном крае...» представляет собой рукопись в виде тетради, ее характеристики: 4 листа, 25x24 см, 13 строк, тушь, перо, китайская сложенная вдвое бумага. Листы соединены жгутом из той же бумаги. Пагинация монгольская.

В НА ТИГПИ хранятся делопроизводственные документы, датируемые 1922–1930 гг., которые являются самыми объемными в коллекции. Все они написаны на китайской тонкой бумаге. Их можно сгруппировать следующим образом. К первой группе можно отнести письма, которые включают:

- а) Письма секретарей канцелярий, датируемые 1922–1924 гг., — 5 ед. [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 369. Л. 54–58, 63–64];
- б) Письма комитета Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) Дзун-Хемчикского хошуна, датируемые 1928–1930 гг., — 26 ед. [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 368. Л. 1–6, 1–5¹; НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 369. Л. 6–17, 22–24, 73–80]. Во многих из них имеется квадратная печать «Kemčik-ün jegün qosıyın-u arad-un qubisıyaltu nam-un qoriyan-u tamı-a» («Печать комитета народно-революционной партии Дзун-Хемчикского хошуна»);
- в) Письма Центрального комитета Тувинского революционного союза молодежи (далее — ЦК ТРСМ), датируемые 1926 г., — 2 ед. [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 369. Л. 65–68];
- г) Письма, адресованные к председателям сумонов Хайыракан и Баян-Дугай и ячейкам ТНРП (1927 и 1929 гг.), — 2 ед. [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 369. Л. 50–53, 73–78];
- д) Письмо временной комиссии по выборам Дзун-Хемчикского кожууна [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 369. Л. 59–62].

Вторую группу документов составляют постановления Дзун-Хемчикского хошунного комитета ТНРП и ТРСМ (1925–1928) [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 1034].

- а) Qubisıyaltu arad nam-un töb qoriyan-u bügüde qural-un toıtayal (Постановления Пленума Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии (ЦК ТНРП), 1923 г.) [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 1034. Л. 2–7];

---

¹ В деле нумерация каждого документа начинается с начала, т. е. с 1 листа.

б) Kemčik-ün ulayan qan ayula-yin qosiyun-u arad-un qubisyalту nam-un dörbedüger yeke qural-ača tus qosiyun-u nam-un qoriyan-u jil-un ečes-tü yabuyluysan ačil kereg-ün bayidal-i nöküür sanduy-ača iletgegsen-i sonusuяд toyтауаусан ану (Постановление 4-й партийной конференции Дзун-Хемчикского Улаан-Хан-Уул хошуна по итогам доклада о проделанной работе тов. Сандака [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 1034. Л. 36–41].

в) Документ, содержащий сведения о заседании конференции: «...Bügüde nayiramdaqu tangnu tiva-yin arad-un jasay-un jiryuduyar-un yisün sarayin arban jiryuyan-u edür, arban çaytu tus qosiyun-u qubisyalту jalayučud-un eblel-ün qoriyan-u qoyaduyar qural-yi negejü kereg kelelčekü tula...» («...16 сентября 1926 г. в 10 часов состоится 2 конференция комитета ревсомола данного хошуна, где будут обсуждены...») [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 1034. Л. 42–52].

Сохранность документов, включаемых в перечисленные две группы, неудовлетворительная.

В третью группу, которую мы выделяем из всего массива документов, входят различные уставы и инструкции:

1. «Bügüde nairamdaqu tangnu tiva-yin arad-un nam-un sakily-a jirum-un jiyaburi-yin debter nayima-duyar bölüg amui» («Дисциплинарный устав Танну-Тувинской народно-революционной партии. Восьмая глава») [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 570. Л. 1–28].

Рукопись, тетрадь, 14 листов, 26,5 x 25 см, 17 строк, тушь, перо, вдвое сложенная китайская бумага. Пагинация монгольская. Титульный лист в неудовлетворительном состоянии, лист частично порван. Имеются пометы красной пастой, сделанные шариковой ручкой. Название повторяется с обратной стороны титульного листа.

2. «Tiva arad-un qubisyalту nam-un egür-ün dürem» («Положение о первичной партийной ячейке Тувинской народно-революционной партии») [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 1034. Л. 8–19].

Рукопись, тетрадь, 6 листов, 24,5 x 25 см, 16 строк, тушь, перо, китайская бумага вдвое сложенная. Пагинация мон-

- гольская. Имеется помета черной пастой, сделанная шариковой ручкой, — «1926 чыл» («1926 год»).
3. «Ködegen-ü nam-un olan egüri-üd-ün qural-dur kereg kelelčegülkü tür jıyaburı» («Временная инструкция по повестке дня собраний сельских партячеек») [[НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 1034. Л. 20–29](#)].
Рукопись, тетрадь, 5 листов, 25 x 25,5 см, 15 строк, тушь, перо, китайская бумага вдвое сложенная. Имеется помета черной пастой, сделанная шариковой ручкой, — «1927 ч.».
4. «Tıva arad-un qubısqaltu nam-un kınan bayıçaqu komısal-un tür daıaıu yabuqu dürem» («Временное положение о ревизионной комиссии Тувинской народно-революционной партии») [[НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 1034. Л. 30–33](#)].
Рукопись, тетрадь, 3 листа, 25x25,5 см, 18 строк, тушь, перо, китайская бумага вдвое сложенная. Имеется помета черной пастой, сделанная шариковой ручкой, — «1928 ч.».
5. «Tıva arad-un qubısqaltu nam-un kınan bayıçaıaıu töb komısaıa tomılaydan oduqu tölügelegči ba, qosıqu sumud-un ıaıar-a büküı nam-un egür qurıyad-un kınan bayıçaıaıu komısarar-tu olıuıu jıyaburı» («Инструкция для командированных от Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии, а также ревизионных комиссий хошунных, сумонных ячеек») [[НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 416. Л. 1–9](#)].
Рукопись, тетрадь, 6 листов, 25 x 24,5 см, 16 строк, тушь, перо, китайская линованная бумага, сложенная вдвое. Датируется 1928 г.
6. Tıva arad-un qubısqaltu nam-un egür-ün dürem» («Устав ячейки Тувинской народно-революционной партии») [[НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 416. Л. 11–21](#)].
Рукопись, тетрадь, 6 листов, 25 x 24,5 см, 15 строк, тушь, перо, китайская линованная бумага, вдвое сложенная. Имеются пометы красной пастой шариковой ручки.
7. «Tıva arad-un qubısqaltu nam-un angııı-ıın dürem» («Устав отдела Тувинской народно-революционной партии») [[НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 416. Л. 23–29](#)].
Рукопись, тетрадь, 4 листа, 25 x 24,5 см, 17 строк, тушь, перо, китайская бумага, вдвое сложенная,

8. «Tangnu tiva-yin ulus-un nutuy-un ĵakiry-a-nu tür ĵiyaburi anu...» («Временная инструкция местного самоуправления Республики Танну-Тува...») [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 369. Л. 69–72]. Рукопись, 1 лист, 108 x 22,5 см, 79 строк, тушь, перо, китайская бумага.

В коллекции также имеются фрагменты четырех сочинений, которые мы не смогли идентифицировать, поскольку, как уже выше отмечалось, они не имеют названий, а также нет начала и конца документа.

Заключение

В коллекции А. Ш. Баира представлены ценные памятники буддийской философской, обрядовой, дидактической литературы, а также сочинения филологического и исторического характера. Благодаря списку книг А. Ш. Баира (1971 г.) нам удалось выявить и идентифицировать из всего массива монгольских документов НА ТИГПИ все 6 рукописей и констатировать их наличие. В НА ТИГПИ, помимо вышеуказанных 6 рукописей, в 3 делах хранятся 46 делопроизводственных документов. В НА РТ в личном фонде А. Ш. Баира хранятся 2 ксилографа и 17 рукописей, из них пять имеют форму ботхи.

Обзор коллекции показал, что некоторые из письменных памятников введены в научный оборот (например, монгольская летопись «Эрдэнийн эрхэ», сочинения из Ганджура, «Уложение Китайской Палаты внешних сношений» и др.) [Позднеев 1883; Галдан 2006; Галдан-тайджи 2012; Аюшеева 2020; Сазыкин 2001: 31, 67–83; и др.] и широко известны, но именно они, во всяком случае, на сегодняшний момент, в Туве представлены в единственном экземпляре.

Источники

НА РТ — Национальный архив Республики Тыва.

НА ТИГПИ — Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва.

Литература

- Аранчын 1982 — *Аранчын Ю. Л.* Исторический путь тувинского народа. Новосибирск: Наука, 1982. 340 с.
- Аюшеева М.В. 2020 — «Mongᠣᠯ ᠰᠠᠭᠠᠵᠢᠨ-и bičig» как источник по монгольскому буддизму // Genesis: исторические исследования. 2020. № 10. С. 67–75. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.10.34142
- Галдан 2006 — *Галдан.* Эрдэнийн эрих. Улаанбаатар: Soyombo Printing, 2006 он. 303 х.
- Галдан-тайджи 2012 — Галдан-тайджи. История, именуемая «Эрдэнийн эрихэ». Улан-Батор: Ин-т истории АНМ; Улан-Удэ: Admon, 2012. 441 с.
- Куулар 1961 — *Куулар Д. С.* Бытование Гэсэра в Туве // Ученые записки ТИНИИЯЛИ. Вып. IX. Кызыл: ТИНИИЯЛИ, 1961. С. 188–195.
- Позднеев 1883 — *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»: подлин. текст с пер. и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб.: Тип. Акад. наук, 1883. 421 с.
- Сазыкин 1992 — *Сазыкин А. Г.* Собрание монгольских рукописей и ксилографов из фондов Тувинского республиканского краеведческого музея им. 60 богатырей (Кызыл) // Тюркские и монгольские письменные памятники: текстологическое и культуроведческие аспекты исследования. М.: Вост. лит., 1992. С. 45–58.
- Сазыкин 2001 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. II. М.: Вост. лит., 2001. 415 с.
- Самдан 2004 — *Самдан А. А.* Монгольские рукописи и ксилографы научного архива Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ) // Бюллетень Общества востоковедов. Приложение 3. М.: ИВ РАН, 2004. 59 с.
- Самдан 2016 — *Самдан А. А.* Тувинские монголоязычные летописи. Абакан: Журналист, 2016. 184 с.
- Сыртыпова, Гармаева, Базаров 2006 — *Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Базаров А. А.* Буддийское книгопечатание Бурятии XIX – начала XXв. Улаанбаатар: Admon, 2006. 222 с.
- Татаринцев 1976 — *Татаринцев Б. И.* Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл: Тувинск. кн. изд-во, 1976. 130 с.
- Sazykin 1994 — Sazykin A. G.* Catalogue of the Mongol Manuscripts and Xylographs Preserved in the Library of the Tuvan Ethnological Museum “SixtyHeroes” (Kyzyl) // Acta Orientalia Hungaricae. Budapest, 1994. T. XLVII. Fasc. 3. Pp. 327–407.

«Калмыцкая» коллекция из фондов Новочеркасского музея истории Донского казачества

*Ирина Ивановна Мучаева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7555-3182. E-mail: muchaevai[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Мучаева И. И., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу экспонатов коллекции предметов из фондов Новочеркасского музея истории Донского казачества, большая часть из которых принадлежит буддийскому культу. *Цель* исследования — изучение экспонатов «калмыцкой» коллекции и введение в научный оборот их перечня для последующего анализа специалистами. *Результаты.* В ходе исследования выявлены погрешности в этикетаже отдельных ее экспонатов и предложена новая атрибуция. «Калмыцкая» коллекция Новочеркасского музея истории Донского казачества представляет собой совокупность предметов, связанных общностью их происхождения, что является ее отличительной особенностью. Она имеет непосредственное отношение к донским калмыкам-казакам, военная служба которых отложила отпечаток на артефакты. Коллекция нуждается в более детальном изучении истории ее происхождения, а часть ее предметов — в подробной атрибуции, так как остаются неясными дата и место их происхождения.

Ключевые слова: «калмыцкая» коллекция, классификация, Музей истории Донского казачества, донское казачество, калмыки-казаки, артефакты

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134–6). Автор выражает благодарность доктору исторических наук У. Б. Очирову, выступившему консультантом по

списку имен на знаменных гвоздях знамени 3-го Донского Калмыцкого полка.

Для цитирования: Мучаева И. И. «Калмыцкая» коллекция из фондов Новочеркасского музея истории Донского казачества // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 69–84. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-69-84

Novocherkassk Museum of Don Cossack History: Analyzing the ‘Kalmyk’ Collection

*Irina I. Muchaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc (History), Senior Research Associative

 0000-0002-7555-3182. E-mail: muchaevaii[at]yandex.ru

©KalmSC RAS, 2023

© Muchaeva I. I., 2023

Abstract. *Introduction.* The article analyzes artifacts largely identified as Buddhist cult objects constituting an individual collection at Novocherkassk Museum of Don Cossack History. *Goals.* The paper aims to investigate the items of the ‘Kalmyk’ collection and introduce a complete list of the latter into scientific circulation for further expert analyses. *Results.* The study reveals some inaccuracies in museum labels and suggests new attribution details thereto. The ‘Kalmyk’ collection at Novocherkassk Museum of Don Cossack History is distinguished by that its pieces share somewhat common origin, and are directly related to Don Kalmyk Cossacks whose military service did leave its traces on the artifacts. The collection needs further detailed insights how it actually took shape, and a number of items require further attribution efforts since it is still unclear where and when they came from.

Keywords: ‘Kalmyk’ collection, classification, Museum of Don Cossack History, attribution, Don Cossacks, Kalmyk Cossacks, artifacts

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’. The author extends gratitude to Dr. U. Ochirov for his valuable consultations on the banner of the Third Don Kalmyk Regiment.

For citation: Muchaeva I. I. Novocherkassk Museum of Don Cossack History: Analyzing the ‘Kalmyk’ Collection. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 1: 69–84. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-69-84

Введение

Произведения калмыцкой культуры вызывали неподдельный интерес не только узкого круга лиц из числа ученых, миссионеров и т. п., но и широких кругов. Первые памятники культуры калмыков были собраны уже в начале XVIII в. для Кунсткамеры Петра I [[Императорские коллекции 1995: 140](#)]. В наши дни калмыцкие коллекции, принадлежащие музеям как России, так и других стран мира, относятся к числу уникальных. Одним из таких собраний, несмотря на свою малочисленность, является «калмыцкая» коллекция Новочеркасского музея истории Донского казачества (далее — НМИДК). Некоторые из калмыцких предметов Новочеркасского музея интересны не только с историко-музееведческой точки зрения, но и как артефакты, свидетельствующие о военной истории калмыков-казаков.

Цель данной статьи — классификация «калмыцкой» коллекции из фондов Новочеркасского музея истории Донского казачества. Отдельные ее экспонаты уже становились предметом изучения [[Старокалмыцкое искусство 1991](#); [Шараева 2012: 52–56](#); [Кукеев 2010: 60–63](#)].

Материалы и методы

Основным источником данного исследования выступает «калмыцкая» коллекция из фондов Новочеркасского музея истории Донского казачества, включающая предметы одежды. Составленный перечень включает инвентарный номер, наименование и краткое описание экспоната, а также характеристику степени его сохранности. Идентификация отдельных ее предметов производилась с использованием справочного пособия по буддийской иконографии, составленного известным специалистом А. А. Терентьевым [[Терентьев 2003](#)]. Изучение надписей на шляпках знаменных

гвоздей производилось с использованием данных с электронных сайтов «Виртуальный музей казачьего зарубежья» [Виртуальный музей] и «Донской временник» [Донской временник].

Результаты

В соответствии с общепринятой музейной классификацией в представленной ниже таблице 1 «Перечень экспонатов «калмыцкой» коллекции НМИДК» экспонаты сгруппированы по следующим разделам: живопись; скульптура, одежда. Следует отметить, что в таблице экспонаты приведены с учетом атрибуции, проведенной сотрудниками Новочеркасского музея, что отражено в используемой ими терминологии.

Таблица 1. Перечень экспонатов «калмыцкой» коллекции НМИДК
[Table 1. List of artifacts included in the Buddhist collection]

№	Инвентарный номер	Наименование, краткое описание предмета	Сохранность
<i>Живопись</i>			
1	КП-90 Тк-41/1	Знамя 3-го Донского Калмыцкого полка. Шелк, позумент, дерево, металл. 101,5 x 97 см	На сгибах порвано
2	КП139 Тк-1115	Белый старец. Танка. 1850–1917 гг. Ткань, минеральные краски. 33,5 x 21,6 см	Угасание цвета. Заломы
3	КП-179/2 Тк-142	Сарвавид-Вайрочана. Танка. Конец XIX – начало XX в. 39,5 x 27,3 см	Угасание цвета. Сильные повреждения обрамления, часть паспарту утрачена. Осыпь красочного слоя
4	КП-179/3 Тк-143	Махапанчаракша. Танка. Ткань, минеральные краски. 38,6 x 31,2 см; 20 x 22,4 см	Угасание цвета. Сильные повреждения обрамления, часть паспарту утрачена. Осыпь красочного слоя

5	КП-24692 Тк-146	Махакала. Танка. Шелк, темпера. 125 x 80 см; 67 x 38 см	Общее загрязнение. Ткань местами истлела; разрывы в нижней части полотна. Угасание цвета
6	КП-179/1 Тк-141	Махакала. Танка. Ткань, минеральные краски. 54,5 x 38,6 см	Угасание красок. Потертости, загрязнения. По периметру точечные отверстия от пришивания. Вертикальные и горизонтальные загибы и заломы
7	КП-24691 Тк-145	Белозонтичная Тара. Танка. XIX в. Шелк, х/б ткань, темпера. 224 x 149 см; 209 x 128 см	Угасание цвета. Отсутствуют отдельные элементы (флажок)
<i>Скульптура</i>			
8	КП-1997 Пр-902	Божок на мифическом звере. Статуэтка. Литье. Бронза, золочение. 4,4 x 4,7x1,2 см	Окисление металла. Загрязнения
9	КП-165 Пр-1414	Модель буддийского храма. Металл	Загрязнения
10	КП-24442 Пр-375	Будда. Статуэтка. Бронза. Литье. 29 см (высота)	Окисление металла. Потемнение. Царапины
11	КП-24627/30 Пр-387	Будда. Статуэтка. Бронза. 21 см (высота)	Два сквозных отверстия в нижней части туловища и в месте соединения фигуры с постаментом. Утрчена кисть левой руки. Царапины
<i>Одежда</i>			
12	КП-157 Тк-271	Покрывало бордовое. Х/б ткань. 220 x 100 см	Угасание цвета
13	КП-24712/1 Тк-367/1	Принадлежность к головному убору. XIX в. Бумага, ткань. 18 x 18 см — размер одной из пяти пластин	Угасание цвета

14	КП-24712/2 Тк-367/2	Принадлежность к головному убору. XIX в. Х/б ткань. 209 x 10 см	Угасание цвета. Один край ленты с хлястиком утрачен
15	КП-1717 Тк-287	Намджяр — элемент одежды священнослужителя. Сатин. 98 x 205 см	Угасание цвета
16	КП-1718 Тк-200	Пандита — шапка с заостренным высоким верхом. Сукно, шерсть. 55 x 20 см	Местами повреждения от моли. Загрязнения. Выгорание нитей бахромы
17	КП-1766 Тк-288	Намджяр. Сатин. 98 x 205 см	—
18	КП-1774 Тк-126	Намджяр. Шелк. 230 x 117 м	На сгибах порвано. Разрывы по центру. Имеются две заплатки
19	КП-1777 Тк-137	Височные подвески к головному убору — тиа-ре. Начало XX в. Шелк. 60 x 52 м	Угасание цвета.
20	КП-1799 Тк-156	Эренге — накидка священнослужителя. Бархат, парча, нитки. 101 x 44 см	Угасание цвета
21	КП-24708/1 Тк-311/2	Сапоги калмыцкие (пара). XIX в. Люстрин, лен, кожа, бумага, шитье, пропитка. 42 x 24 см	—
22	КП-24708/2 Тк-311/2	Сапоги калмыцкие (левый из пары). Атлас, бумага. 42 x 24 см	—
23	КП-2620 Тк-188	Сумочка для хранения ритуального сосуда. Шелк, сатин. 13 см	Угасание цвета
24	КП-3319 Пр-933	Визитная карточка Менко Бакыров Борманжинов — Бакша Донских калмыков. Бумага, стекло. Типографская печать, рукописный текст. 10,7 x 6,8 см	Небольшое загрязнение, выцветание чернил и бумаги. Скол в правом нижнем углу стеклянной пластины

В ходе исследования возникли сомнения в атрибуции отдельных артефактов. Так, экспонат «Модель буддийского храма», значащийся в книге поступления под номером 165, является изображением ступы (субургана, от монг. *суварга*), что подтверждается сведениями из «Определителя буддийских изображений» А. А. Терентьева [Терентьев 2003: 107]. В символическом аспекте ступа рассматривается как вертикальная модель вселенной. У данного экспоната отсутствует верхняя часть: полусфера в виде чаши (элемент «воздух»), которую должна венчать капля (элемент «пространство»). Идентичный экземпляр хранится в Российском этнографическом музее, на этикетке которого обозначено: «Ступа „Субурган“. Китайская империя, Алашань. XVIII в.». Экспонат входит в коллекцию, преподнесенную Николаем II в дар Этнографическому отделу Русского музея императора Александра III; впервые атрибутирован известным востоковедом и буддологом князем Д. Э. Ухтомским [Российский этнографический музей].

Наиболее многочисленными и распространенными предметами «калмыцких» коллекций, датируемыми XIX – началом XX в., являются танка — живописные иконографические полотна, изображения на которых выполнены минеральными красками. По мнению отдельных исследователей, это обстоятельство обусловлено расцветом монастырских хозяйств, при которых имели и иконописные мастерские [Житенев 2011: 192–203].

Особый интерес в коллекции НМИДК представляет знамя 3-го Донского Калмыцкого полка, история появления которого связана с революционными потрясениями в России в начале XX в. [НМИДК. КП-90. Тк-41/1]. Следствием революционных событий 1917 г. стал созыв в мае 1918 г. общего собрания членов Временного Донского правительства и представителей от всех станиц и войсковых частей, так называемый Круг Спасения Дона, который состоялся в Новочеркасске. Наряду с избранием войскового атамана Дона (генерал-майор П. Н. Краснов) 15 мая 1918 г. Большой войсковой круг принял окончательную редакцию «Основных законов Войска Донского». Как отмечают современные исследователи права, «это была первая „донская конституция“, определя-

ющая устройство нового государственного образования» [Остапенко, Рассказов 2004: 72]. Восстанавливались старинные печать и герб Донского войска: нагой казак в папахе «при шашке, ружье и амуниции», верхом на бочке. Народным гимном объявлялась известная казачья песня «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон». Флаг должен был состоять из трех продольных разноцветных полос равной ширины: «Три народности издревле живут на Донской земле и составляют коренных граждан Донской области — донские казаки, калмыки и русские крестьяне. Национальными цветами у донских казаков были синий, васильковый, у калмыков — желтый, у русских — алый» [Краснов 1992: 14–15]. Так на уровне символов государственной власти Войска Донского отражалось единство калмыков с казаками. Формирование 3-го Калмыцкого Сальского полка, который имел свое национальное знамя, началось в рамках вопроса о создании постоянной армии 18 мая под Новочеркасском.

Исследование калмыцких знамен не только способствует раскрытию отдельных фактов истории калмыков, но и позволяет изучить их как памятники искусства. Происхождение калмыцких знамен, по утверждению С. Г. Батыревой, «связано с древним буддийским культом предков и природы у монгольских народов» [Старокалмыцкое искусство 1991: 32].

Знамя 3-го Донского Калмыцкого полка представляет собой навернутое на деревянный брусок светло-серое полотнище квадратной формы, на лицевой стороне которого имеется многофигурная композиция, выполненная в технике вышивки гладью. В центре — изображение божества Окон-тенгри (тиб. Лхамо) в окружении божества Дайчи-тенгри и Гаруды — мифического крылатого существа с туловищем человека, а головой, клювом, ногами птицы. В нижней части полотнища знамени — изображения (слева направо) тигра, коня с чиндамани (мифической драгоценностью) и дракона. Вокруг изображения коня с чиндамани размещены тексты мантр буддийских божеств и молитв.

Справа от Окон-тенгри сверху вниз гладью сделана надпись на «ясном письме», которая гласит: «год земли-лошади (1918 г.)

Лама донских калмыков бакши М. Борманжинов с благословлениями освятил знамя для 3-го Донского Калмыцкого конного полка» [Жукеев 2010: 62]. Такие же вышитые надписи сопровождают каждую фигуру композиции, выдержанной в теплой гамме сероголубого, синего, желто-зеленого, розового и красно-коричневого цветов. На обратной стороне, продублированной шелком, парчой и бархатом, — герб Войска Донского с изображением раненого оленя. Вышивка золотой крученой нитью эффектно выделяется на фоне темно-синего бархата. Специалисты утверждают, что при использовании техники вышивки и аппликации художественный эффект достигался звучностью цветовых пятен, сочетанием фактуры шелка, парчи и мерцающим блеском золотых и серебряных нитей, проложенных по контуру изображения и в орнаменте деталей [Старокалмыцкое искусство 1991: 32].

Особый интерес представляют знаменные гвозди, служащие для закрепления полотнища на древке. В общей сложности насчитывается 62 гвоздика из белого металла (предположительно серебра), на 56 шапочках которых выгравирован текст — звание, инициалы и фамилия.

Таблица 2. Надписи на знаменных гвоздях и их расшифровка
 [Table 2. Inscriptions on banner nails and their full forms]

№	Текст на знаменных гвоздях	Расшифровка
1	Дон. ат. П. Н. Краснов	Донской атаман Петр Николаевич Краснов
2	Г-Л А. П. Богаевский	Генерал-лейтенант Африкан Петрович Богаевский
3	Г-Л ГШ С. В. Денисов	Генерал-лейтенант Генерального штаба Святослав Варламович Денисов
4	Г-Л Ф. Ф. Абрамов	Генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов
5	Г-М И. А. Поляков	Генерал-майор Иван Алексеевич Поляков
6	Бак. Лам М. Борманжинов	Бакша. Лама Менко Борманжинов
7	Пол. Н. П. Слюсарев	Полковник Николай Павлович Слюсарев

8	Пол. А. В. Говоров	Полковник Алексей Владимирович Говоров
9	Пол. Е. П. Тюрморезов	Полковник Евграф Прохорович Тюрморезов
10	Войск. ст. Н. И. Елкин	Войсковой старшина Николай Иванович Елкин
11	Войск. ст. С. В. Власов	Войсковой старшина Станислав Васильевич Власов
12	Подп. С. П. Скачков	Подполковник Сергей Петрович Скачков
13	Ес. М. В. Попов	Есаул Михаил Васильевич Попов
14	П. ес. М. А. Поляков	Подъесаул Михаил Александрович Поляков
15	Ес. Б. А. Полторжицкий	Есаул Борис Александрович Полторжицкий
16	Ш-р К. С. Иванов	Штабс-ротмистр Константин Степанович Иванов
17	Ес. И. А. Алимов	Есаул Иван Алексеевич Алимов
18	П. ес. С. Г. Ушаков	Подъесаул Сергей Григорьевич Ушаков
19	П. ес. А.Ф. Панфилов	Подъесаул Александр Федорович Панфилов
20	П. ес. А. Ф. Федоров	Подъесаул Александр Федорович Федоров
21	П. ес. В. А. Полторжицкий	Подъесаул Владимир Александрович Полторжицкий
22	Сот. В. М. Шевелев	Сотник Владимир Михайлович Шевелев
23	П. ес. С. П. Бударин	Подъесаул Бударин
24	П. ес. А. А. Слюсарев	Подъесаул Анатолий Андреевич Слюсарев
25	П. ес. К. В. Молчевский	Подъесаул Константин Васильевич Молчевский
26	Сот. Н. А. Молчевский	Сотник Николай Александрович Молчевский
27	П. ес. К. Ф. Горский	Подъесаул Константин Фролович Горский
28	Сот. А. И. Кирсанов	Сотник Александр Иванович Кирсанов
29	Сот. С. А. Павлов	Сотник Степан Андреевич Павлов
30	Сот. В. Д. Попов	Сотник Владимир Дмитриевич Попов
31	Сот. А. К. Сергеев	Сотник Александр Константинович Сергеев
32	Сот. Г. Г. Дубовсков	Сотник Георгий Георгиевич Дубовсков

33	Сот. В. А. Карпов	Сотник Владимир Алексеевич Карпов
34	Сот. Д. П. Комисаров	Сотник Дионисий Павлович Комисаров
35	Сот. А. С. Горский	Сотник Алексей Степанович Горский
36	Сот. И. С. Хохлачев	Сотник Иван Савич Хохлачев
37	Хор. Ф. Н. Краснянский	Хорунжий Федор Никитович Краснянский
38	Хор. С. Г. Чекунов	Хорунжий Степан Гаврилович Чекунов
39	Хор. М. В. Лысенков	Хорунжий Михаил Васильевич Лысенков
40	Хор. И. К. Дударев	Хорунжий Иван Константинович Дударев
41	Хор. С. Г. Афанасьев	Хорунжий Сергей Георгиевич Афанасьев
42	Хор. Н. Г. Запорожцев	Хорунжий Николай Григорьевич Запорожцев
43	Хор. Э. С. Буринов	Хорунжий Эрдни Саранович Буринов
44	Хор. Д. Е. Зодьбинов	Хорунжий Даржа Ермилович Зодьбинов
45	Хор. П. А. Ерохин	Хорунжий Петр Андреевич Ерохин
46	Хор. И. С. Герасимов	Хорунжий Иван Степанович Герасимов
47	Хор. П. Ш. Барманжинов	Хорунжий Батыр Шалвурович Барманжинов
48	Подп. Ф. А. Конторщиков	Подпоручик Федор Андреевич Конторщиков
49	Хор. Е. А. Лутовинов	Хорунжий Ефим А. Лутовинов
50	Хор. П. С. Калиниченков	Хорунжий Петр Степанович Калиниченков
51	Хор. Б. У. Куберлинов	Хорунжий Барвус Учурович Куберлинов
52	Док. А. С. Карипов	Доктор Алексей Степанович Карипов
53	Сот. П. М. Сизякин	Сотник Петр Макарович Сизякин
54	Б.в. А. П. Гуглинский	-
55	Губ. сек. М. А. Жарков	Губернский секретарь Михаил Авдеевич Жарков
56	Л. А. Какушкин	Гелюнг полка Лиджи Какушкин

Командир 3-го Донского Калмыцкого полка полковник Н. П. Слюсарев, по утверждению К. Н. Максимова, забрав знамя полка, оставил его личный состав на произвол судьбы в порту Новороссийска, и с другими офицерами бежал в Крым на французском миноносце [Максимов 2016: 441]. Отношение казаков к знаменам иллюстрирует тот факт, что после отречения императо-

ра Николая II от престола, 4 апреля 1917 г., когда Военным ведомством было предписано всем частям войск доставить знамена и штандарты с вензелем отрекшегося императора, казаки приказ не выполняли, нашивая куски ткани под цвет полотна на вензель [Зайцева 2007: 133]. В годы Гражданской войны «святыни снова спасали, увозили с собой в эмиграцию. Размещали на хранение в православных церквях» [Агафонов 2013: 294]. Но именно этот поступок, который можно расценивать как неспасение знамени противнику, позволил сохранить его, а спустя годы вернуть в родные земли. Так, в 1946 г. из Пражского национального музея были возвращены 2 750 предметов из числа ценностей Донского музея, вывезенных белыми казаками в 1919 г., о чем свидетельствуют штампы с инвентарными номерами «Народного музея» (см. фото 1).

Фото 1. Элемент головного убора буддийского священнослужителя из фондов Новочеркасского музея истории Донского казачества, инв. № КП-24712/2. ТК-367/2

[*Photo 1.* Element of a Buddhist clerical headdress. Novochoerkassk Museum of Don Cossack History. Inv. no. КП-24712/2. ТК-367/2]

В скульптурной части коллекции Новочеркасского музея представлены: статуэтки Будды, ранее упоминаемая ступа «Субурган» и экспонат, указанный в каталоге как «Божок на мифическом звере. Статуэтка. Литье. Бронза, золочение. 4,4 x 4,7 x 1,2 см»

(см. фото 2). Эти экспонаты нуждаются в детальной атрибуции, которая позволит определить дату и место их изготовления. Безусловно, калмыцкие мастера умели отливать и изготавливать статуэтки буддийских божеств. Производство таких изделий находилось при монастырях и регулировалось каноническими правилами. Отливка статуэток из бронзы производилась методом «замещения воска» или «утраченной восковой фигуры». Экспонат, значащийся как «божок на мифическом звере», на наш взгляд, — это божество богатства Намсарай (санскр. Вайшравана), восседающий на белоснежном льве, известный также под именами Дзамбала или Кубера. Его обычные атрибуты: в правой руке — знамя победы, в левой — мангуста, животное, символизирующее благосостояние и богатство, отрывающее драгоценные камни. В экспонате из Новочеркасского музея отсутствует первый атрибут, но присутствует второй.

Фото 2. Вайшравана. Статуэтка из фондов Новочеркасского музея истории Донского казачества, инв. № КП-1997. Пр.-902

[*Photo 2.* Vaishravana. Statuette. Novocherkassk Museum of Don Cossack History. Inv. no. КП-1997. Пр.-902]

Кроме танка и скульптурных изображений, значительный интерес в коллекции НМИДК представляет одеяние буддийских священнослужителей, представленное в виде головного убора, намджар, эренге, сапог и включающее также сумочку для ритуальных предметов. Сохранность указанных экспонатов, переживших, как и знамя 3-го Донского Калмыцкого полка, путешествие в Европу и обратно, — средней степени: кроме выцветания красок, имеются разрывы, загрязнения и повреждения от моли. Принадлежность и история их появления в Музее остаются неизвестными. Следует предположить, что они имеют непосредственное отношение к Ламе Менко Борманжинову, так как в коллекции имеется его визитка. Надпись на лицевой стороне визитки гласит: «Бакша Донских калмыков Менко Бакиров Борманжинов». Надпись на обороте: «Глубокоуважаемый Всеволод Александрович. Просим принять почетный халат от признательного общества Денисовской станицы за труды по экономическому обследованию калмыцких станиц в октябре – ноябре 1908 г. За Бакшу Донских калмыков Денисовской хурульный бакша (роспись)» [НМИДК. КП-3319. Пр-933]. Следует предположить, что в тексте обращаются к коллекционеру Всеволоду Александровичу Рождественскому, выпускнику историко-филологического факультета Петроградского университета, участнику I мировой войны и Гражданской войны.

Бакша-лама донских калмыков имел независимый от верховного Ламы калмыцкого народа статус [Бакаева 1994: 35]. Менко Джиргал Борманжинов — сын Баакура и Джинденг Борманжиновых — родился в Бултуковской сотне в год дерева / зайца (1855 г.). В 1867 г. он стал послушником у священнослужителя Джимби Ганджинова. С 1869 по 1881 гг. М. Борманжинов обучался при одном из хурулов Большедербетовского улуса под руководством Очир-ламы (Санджи Яванова). В 1880 г. он стал гелонгом и спустя три года был назначен бакшой своего аймачного хурула — необычная, редкая карьера в столь молодые годы. Он оставался на этом посту в течение 20 лет, пока в 1903 г. не был избран Ламой донских калмыков. Менко Борманжинов занимал трон ламы,

пользуясь великим почтением, уважением и популярностью в народе до своей смерти от тифа в родном аймаке в год дерева / овцы 16 мая 1919 г., в разгар трагической Гражданской войны в России [Борманджинов 1997: 24].

Заключение

«Калмыцкая» коллекция Новочеркасского музея истории Донского казачества представляет собой совокупность предметов, связанных общностью их происхождения, что является ее отличительной особенностью. Она имеет непосредственное отношение к донским калмыкам-казакам, военная служба которых отложила отпечаток на артефакты. Коллекция нуждается в более детальном изучении истории ее происхождения, а часть ее предметов — в подробной атрибуции, так как остаются неясными дата и место их происхождения.

Источники

НМИДК — Новочеркасский музей истории Донского казачества.

Литература

- Агафонов 2013 — *Агафонов О. В.* Династия Романовых и Донские казаки: взгляд сквозь знамена и штандарты // Исторический вестник. 2013. Т. 3. № 150. С. 254–295.
- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Борманджинов 1997 — *Борманджинов А.* Ламы калмыцкого народа: ламы донских калмыков. Элиста: Калм. ин-т гуманитар. и прикладных исслед., М.: Зеленогр. обыватель: Зареалье, 1997. 60 с.
- Виртуальный музей — Виртуальный музей казачьего зарубежья [электронный ресурс] URL: <https://museum.passion-don.org/п-калмыки/> (дата обращения: 08.05.2023)
- Донской временник — Донской временник. Краеведение Ростовской области [электронный ресурс] // URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m2/2/art.aspx?art_id=1561 (дата обращения: 08.05.2023)
- Житенев 2011 — *Житенев Т. Е.* Буддизм в России: веки истории // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2011. № 7. С. 192–203.

- Зайцева 2007 — *Зайцева Л. П.* Исторические традиции изготовления военных знамен в России (XV – н. XX вв.) // Гербовед. 2007. № 95. С. 107–133.
- Императорские коллекции 1995 — Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея «Цари народам — народы царям». М.; СПб.: Паспорт Интернэйшил, 1995. 150 с.
- Краснов 1992 — *Краснов П. Н.* «Всевеликое войско Донское» // «Белое дело»: Избранные произведения. «Дон и Добровольческая армия». М.: Голос, 1992. 416 с.
- Кукеев 2010 — *Кукеев А. Г.* Знамя 3-го Донского калмыцкого конного полка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 60–63.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 576 с.
- Остапенко, Рассказов 2004 — *Остапенко П. И., Рассказов Л. П.* Государственное устройство Всевеликого войска Донского // Юрист-Правовед. 2004. № 4(11). С. 72–79.
- Российский этнографический музей – Российский этнографический музей [электронный ресурс] // URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT/382127> (дата обращения: 02.05.2023)
- Старокалмыцкое искусство 1991 — Старокалмыцкое искусство. Автор-сост. С. Г. Батырева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.
- Терентьев 2003 — *Терентьев А. А.* Определитель буддийских изображений. Ч. 1. СПб.: Нартанг, 2003. 304 с.
- Шараева 2012 — *Шараева Т. И.* К вопросу о калмыцких боевых знаменах // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 52–56.

Полевые отчеты как источники информации об археологических памятниках Республики Калмыкия, исследованных в 1929–1991 гг.

Эрдни Анатоьевич Кекеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Кекеев Э. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Полевой отчет, созданный по итогам археологических работ, наряду с коллекциями находок, является основным источником информации о проведенных исследованиях. В Советском Союзе и России исторически сложилась следующая ситуация: археологические находки большей частью передавались в государственные музеи или хранились в музеях при учреждениях, проводивших археологические исследования, а полевые отчеты в обязательном порядке передавались в научные архивы. *Целью* данного исследования является анализ полевых отчетов об археологических работах на территории Республики Калмыкия в 1929–1991 гг. Для достижения поставленной цели в данной работе решаются следующие задачи: установление точного количества полевых отчетов и мест их хранения, оценка степени введения их в научный оборот и прогноз их дальнейшего изучения. *Результаты.* В итоге подсчетов установлено, что в научных архивах Института истории материальной культуры РАН и Института археологии РАН хранится 76 отчетов (1929–1991 гг.). В Научном архиве КалмНЦ РАН хранится 42 отчета за период работ 1975–1991 гг. За этот период в Институт археологии РАН было передано 59 отчетов, т. е. в КалмНЦ РАН не поступило 17 отчетов. По степени введения в научный оборот фонды полевых отчетов можно разделить на два основных блока: отчеты 1929–1976 гг., которые практически полностью опубликованы, и отчеты 1977–1991 гг., изданные лишь частично. Такие специалисты, как П. С. Рыков, И. В. Сеницын, У. Э. Эр-

дние, П. М. Кольцов, Е. В. Шнайдштейн, М. А. Очир-Горяева, практически полностью опубликовали результаты своих полевых работ периода 1929–1991 гг. *Выводы.* Проведенный анализ фондов полевых отчетов показал, что для полноценного их использования в научных исследованиях требуется работа по централизованному изучению этих отчетов. Только сбор всей информации в одном месте позволит запланировать дальнейшую работу по подробному их изучению и введению в научный оборот. Для решения этой проблемы наиболее перспективным видится сбор недостающих отчетов в Научном архиве КалмНИЦ РАН. Однако эта работа завершится только тогда, когда все отчеты будут доступны в полном объеме. Это позволит исключить случаи, когда при создании выборки по определенной культурно-хронологической группе или категории погребального инвентаря часть материала «выпадает» из исследования ввиду труднодоступности информации из полевого отчета.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, археологические памятники, курган, погребение, полевой отчет, архивные фонды, археологический источник

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6). Автор выражает признательность научному сотруднику Научного архива Института истории материальной культуры РАН Н. А. Лазаревской за предоставление сведений об археологических отчетах П. С. Рыкова и И. В. Сеницына.

Для цитирования: Кекеев Э. А. Полевые отчеты, как источники информации об археологических памятниках Республики Калмыкия, исследованных в 1929–1991 гг. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 85–133. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-85-133

Field Reports as Sources of Information on Kalmykia's Archaeological Sites: 1929–1991

*Erdni A. Kekeev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev[at]yandex.ru

Abstract. *Introduction.* A field report summarizing archaeological works — like findings proper — is a key source of information on conducted investigations. In the Soviet Union and present-day Russia, it has been common practice that findings be distributed among public museums or repositories affiliated to institutions in charge of those excavations, while field reports be obligatorily stored at scientific archives. *Goals.* The study attempts a comprehensive analysis of Kalmykia’s field reports (1929–1991) and shall thereto enumerate field reports and identify repositories they are stored at, assess their availability in scientific discourse and forecast further studies. *Results.* The work clarifies scientific archives of the Institute of History of Material Culture (RAS) and the Institute of Archaeology (RAS) contain a total of 76 such reports (1929–1991), while Kalmyk Scientific Center (RAS) houses 42 reports compiled in 1975–1991. The latter period witnessed deliveries of 59 reports to the Institute of Archaeology (RAS), i.e. KalmSC never received 17 reports at all. In terms of availability in scientific discourse, the field reports can be divided into two clusters: those of 1929–1976 were published almost completely, and those of 1977–1991 have been published in fragments only. However, a number of experts, such as P. Rykov, I. Sinitsyn, U. Erdniev, P. Koltsov, E. Shnaidshteyn, M. Ochir-Goryaeva, have published virtually all field survey-related documents of theirs from the period between 1929 and 1991. *Conclusions.* The conducted analysis shows that appropriate use of field reports for scholarly purposes requires that efforts aimed at investigating the latter be duly integrated: further research and publication endeavors can be planned only after one gathers complete data together. To facilitate this, it is urgent to gain copies of reports missing at KalmSC, and this shall be possible only after all the reports be made completely available. This shall prevent cases characterized by that — when it comes to compile a selection within one cultural-chronological group or some category of grave goods — individual parts of material simply make a ‘white spot’ resulting from unavailability of particular reports.

Keywords: Republic of Kalmykia, archaeological sites, kurgan, burial, field report, archival collections, archaeological source

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’. The author extends gratitude to N. Lazarevskaya (Institute of History of Material

Culture RAS) for the submitted data on archaeological reports by P. Rykov and I. Sinitsin.

For citation: Kekeev E. A. Field Reports as Sources of Information on Kalmykia's Archaeological Sites: 1929–1991. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 1: 85–133. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-85-133

Введение

Полевой отчет, созданный по итогам археологических работ, наряду с коллекциями находок, является основным источником информации о проведенных исследованиях. В отчете закреплены наблюдения исследователя, сделанные в процессе полевых и камеральных работ. Важным является и тот факт, что в процессе исследования изучаемый археологический объект обычно разрушается. Логично, что для дальнейшего полноценного изучения результатов археологических работ необходимо иметь в наличии комплекс источников, состоящий из коллекции вещественных источников и полевого отчета или его опубликованного варианта.

В Советском Союзе и России исторически сложилась следующая ситуация: археологические находки большей частью передавались в государственные музеи или хранились в музеях при учреждениях, проводивших археологические исследования, а полевые отчеты в обязательном порядке — в научные архивы Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) и Института археологии РАН (г. Москва). Безусловно, добросовестные исследователи старались сохранить целостность комплекса источников и передавали в музеи предметы вместе с полевыми отчетами. Была практика принятия коллекций в музей только в сопровождении отчета. Но, к сожалению, эта работа почти всегда оставалась на совести самих специалистов (археологов, сотрудников музеев и архивов), и какого-либо системного контроля не существовало. В последние годы стали выходить работы, посвященные проблеме, касающейся важности сохранения целостности комплекса археологических источников [Баранов 2019; Бердникова 2014; Казанцева 2019; Сорокина 2014; и др.].

Спад масштабных археологических работ, произошедший после распада СССР, позволил специалистам уделить большее внимание уже накопленному материалу. Сегодня выходит все больше работ, посвященных изучению фондов полевых отчетов. На основе этих исследований выпущены научные работы, посвященные истории изучения археологических памятников отдельных регионов и отдельных памятников [Дарьина, Галкин 2018; Зеленцова, Ворошилов, Строков 2021; Панюхин 2016; и др.], истории развития и деятельности археологических обществ и экспедиций [Володин 2021; Кудрявцев 2020; Полевая 2018; и др.], истории развития отдельных музеев и истории формирования археологических фондов [Акимченков 2018; Дикий 2019; Симухин 2014; и др.], и работы, посвященные деятельности отдельных выдающихся археологов [Кудрявцев, Володин, Селезнева 2021; Лабецкий 2015; Смирнов 2020; и др.]. Большая часть из приведенных научных работ основана на изучении полевых отчетов, хранящихся в каком-либо одном архиве или в архивах, находящихся в одном городе. Исследования, основанные на источниках, которые хранятся в архивах разных городов, являются редкими работами.

Подобная ситуация сложилась у полевых отчетов об археологических работах на территории Республики Калмыкия — сегодня они хранятся в архивах научных учреждений гг. Санкт-Петербурга, Москвы и Элисты. Такое рассредоточение отчетов и неполное их введение в научный оборот, наряду с низким качеством печати иллюстративной части отчетов, создают серьезные препятствия в работе по изучению данных источников.

Целью данного исследования является анализ полевых отчетов об археологических работах на территории Республики Калмыкия в 1929–1991 гг.

Для достижения поставленной цели в данной работе решаются следующие задачи: установление точного количества полевых отчетов и мест их хранения, оценка степени введения их в научный оборот и прогноз их дальнейшего изучения.

Сведения об археологических памятниках и об отдельных находках с территории современной Республики Калмыкии встреча-

ются в работах ученых XVIII – начала XX вв., однако эти данные носили отрывочный характер, потому как целью этих исследований было общее физико-географическое и этнографическое описание данной территории [Цуцкин 1985: 3–6].

Системное изучение археологических памятников Калмыкии началось только в 1929 г. с исследований Калмыцкой археолого-этнографической экспедиции под руководством директора Саратовского областного музея краеведения П. С. Рыкова. Именно с этих работ началось накопление полевых отчетов об археологических работах на территории Калмыкии.

Изучаемые полевые отчеты сегодня сосредоточены в научных архивах Института истории материальной культуры РАН (далее — ИИМК РАН) (г. Санкт-Петербург), Института археологии РАН (далее — ИА РАН) (г. Москва) и Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН) (г. Элиста).

Российская государственная академия истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург), основанная в 1918 г., являлась прямым наследником основанной в 1859 г. Императорской археологической комиссии. В 1937 г. Академия была преобразована в Институт истории материальной культуры в составе Академии наук СССР, с двумя отделениями — в г. Москве и г. Ленинграде. Дирекция ИИМК находилась в Ленинграде, а в 1943 г. была переведена в Москву. Таким образом, полевые отчеты о довоенных археологических работах в Калмыкии (1929–1937 гг.) хранятся в Научном архиве ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург), а отчеты о работах после 1946 г. поступали в Научный архив ИА РАН. В Элисте отчеты стали поступать в Научный архив Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ) (сегодня — КалмНЦ РАН) только с 1975 г.

В ИИМК РАН сегодня хранится семь полевых отчетов о работах в Калмыцкой автономной области под авторством П. С. Рыкова и И. В. Синицына. В этих отчетах представлена информация о полевых работах 1929–1937 гг. (курганные группы *Три Брата*, *Элиста*, *Бичкин-Будук*, *Цаган-Эльсин* и др.).

Наибольшее количество отчетов хранится в Научном архиве ИА РАН, где собраны полевые отчеты по работам на территории Калмыкии, начиная с послевоенного периода. Первый отчет датируется 1946 г. — И. В. Синецким были проведены разведки на песчаных дюнах в южной части Прикаспийской низменности (стоянки *Басы* и *Зензели*). После этого полевые археологические работы в Калмыкии 15 лет не проводились. В 1961 г. были проведены первые спасательные раскопки, и с этого полевого сезона все отчеты о работах в республике поступают в ИА РАН¹. На сегодняшний день насчитывается 69 отчетов о раскопках и разведках на территории Калмыкии (1946–1991 гг.).

Фонды археологических отчетов в Научном архиве КалмНЦ РАН впервые были проанализированы в работе В. Ш. Санджиевой и М. А. Очир-Горяевой «Материалы по археологии Калмыкии в научном архиве КИГИ РАН», в которой описана ситуация сложившаяся с отчетами, хранящимися в Элисте [[Санджиева, Очир-Горяева 2008: 232–240](#)].

Отчеты довоенного периода, скорее всего, в Калмыкии не хранились, а поступали в ИИМК РАН. Отчеты о масштабных спасательных работах 1961–1972 гг. в Элисте также не хранились, а передавались в Научный архив ИА РАН. Важным моментом стал период, когда дубли полевых отчетов об археологических работах стали поступать в Научный архив КалмНЦ РАН, который в 1980-е гг. получил полномочия органа контроля по недвижимым памятникам археологии. В соответствии с этим все полевые отчеты должны были передаваться и в архив ИА РАН, и в архив КалмНЦ РАН. Первым был отчет Е. В. Шнайдштейн о работах 1975 г. В период с 1975 по 1991 г. большая часть отчетов, поданных в г. Москву, дублировалась и поступала в КалмНЦ РАН. К со-

---

¹ В монографии М. А. Очир-Горяевой, посвященной истории исследования археологических памятников волго-маньчских степей (1929–1997 гг.), приведены данные о памятниках, которые были исследованы, но отчетов ни в одном из архивов обнаружено не было (семь курганных могильников, т. е. минимум семь полевых отчетов) [[Очир-Горяева 2008: 142](#)].

жалению, не все исследователи соблюдали это правило, копии некоторых отчетов в Научный архив КалмНЦ РАН не передавались [Санджиева, Очир-Горяева 2008: 234]. Своевременно, т. е. по завершении полевых и камеральных работ, в архив Калмыцкого института поступило 42 полевых отчета¹.

В итоге подсчетов установлено, что в научных архивах ИИМК РАН и ИА РАН хранится 76 отчетов (1929–1991 гг.). В Научном архиве КалмНЦ РАН хранится 42 отчета за период работ 1975–1991 гг. За этот период в ИА РАН было передано 59 отчетов, т. е. в КалмНЦ РАН не поступило 17 отчетов (см. табл. 1).

По степени введения в научный оборот фонды полевых отчетов можно разделить на два основных блока: отчеты 1929–1976 гг., которые практически полностью опубликованы, и отчеты 1977–1991 гг., изданные лишь частично. Такие специалисты, как П. С. Рыков, И. В. Сеницын, У. Э. Эрдниев, П. М. Кольцов, Е. В. Шнайдштейн, М. А. Очир-Горяева, практически полностью опубликовали результаты своих полевых работ периода 1929–1991 гг.

Результаты работ П. С. Рыкова 1929–1937 гг. доступны исследователям в виде полевых отчетов в Научном архиве ИИМК РАН и в виде статей П. С. Рыкова [Рыков 1931; Рыков 1936а; Рыков 1936б]. К сожалению, Павел Сергеевич был репрессирован в 1937 г.² и не успел обобщить результаты своих исследований. Часть материала была опубликована его учеником И. В. Сеницыным [Сеницын 1931; Сеницын 1933; Сеницын 1948; Сеницын 1956]. В работе по подробному анализу отчетов П. С. Рыкова много работы было проведено В. П. Шиловым [Шилов 2009]. Кроме этого, в последние годы вышел ряд работ, посвященных оценке современного состояния археологических коллекций, сформированных в 1929–1937 гг. [Кекеев 2021а; Кекеев 2021б].

---

¹ В публикации [Санджиева, Очир-Горяева 2008: 232–240] указано 45 полевых отчетов, однако повторный анализ показал, что часть из них является альбомами к отчетам, т. е. приложениями к другим отчетам.

² Павел Сергеевич Рыков скончался в исправительно-трудовом лагере под Усурийском 26 марта 1942 г. в возрасте 56 лет, реабилитирован в 1956 г. [Малов 2010: 726].

Следующим крупным блоком являются полевые отчеты о работах И. В. Сеницына и У. Э. Эрдниева (1961–1972 гг.). В течение одиннадцати полевых сезонов были исследованы такие известные археологические памятники, как Лолинский и Элистинский могильники, группы Восточного Маныча и др. Результатом стали шесть полевых отчетов 1961–1966 гг. и 1972 г., которые хранятся в Научном архиве ИА РАН и опубликованы в виде четырех монографий и серии статей [Сеницын, Эрдниев 1963; Сеницын, Эрдниев 1966; Сеницын, Эрдниев 1971; Сеницын 1978; Сеницын, Эрдниев 1979; Сеницын, Эрдниев 1981; Сеницын, Эрдниев 1982; Сеницын, Эрдниев 1985; Сеницын, Эрдниев 1987а; Сеницын, Эрдниев 1987б; Сеницын, Эрдниев 1991; Эрдниев 1972; Эрдниев 1981].

Полевые отчеты о работах 1967–1971 гг. в архивах не обнаружены, но результаты опубликованы в виде монографии и одной статьи [Эрдниев 1982а; Эрдниев 1982б]. Большая часть материалов подготовлена к публикации У. Э. Эрдниевым и вышла под именами обоих авторов уже после кончины И. В. Сеницына в 1972 г.

Этому периоду посвящен ряд исследований сотрудников КалмНЦ РАН, опубликованы монография, каталог и ряд статей, где обобщены результаты проведенных масштабных раскопок 1961–1967 гг. и 1972 г., представлены качественные фотографии предметов из археологических фондов [Кекеев 2009; Кекеев 2011; Кекеев 2013; Кекеев 2014; Кекеев, Буратаев 2015; Кекеев, Буратаев 2016; Кекеев 2017; Археологические коллекции 2018; и др.].

Следующим небольшим блоком являются отчеты Е. В. Шнайдштейн по полевым работам 1974–1976 гг., которые опубликованы в кратком и полном виде [Шнайдштейн 1975: 182; Шнайдштейн 1976: 209; Шнайдштейн 1977: 182; Шнайдштейн 1978: 55–69; Шнайдштейн 1981: 78–120; Шнайдштейн 1985: 79–94].

В конце 1970-х гг. традиция полной публикации полевых отчетов прервалась. Полевые отчеты 1977–1991 гг. введены в научный оборот лишь частично.

Среди руководителей археологических работ необходимо выделить деятельность М. А. Очир-Горяевой и П. М. Кольцова, ко-

торые практически полностью опубликовали результаты своих работ. В 2017 г. М. А. Очир-Горяева опубликовала результаты своих работ в монографии, посвященной погребальным памятникам Ергенинской возвышенности, в которую вошли результаты работ 1990–1991 гг. [Очир-Горяева 2017]. Исследования поселенческих памятников Калмыкии в 1970–1980-е гг. стали основой для двух монографий и серии статей П. М. Кольцова [Кольцов 1982; Кольцов 2002; Кольцов 2004; Кольцов 2005; и др.].

Установлено, что из 55 полевых отчетов 1977–1991 гг. только шесть опубликовано в полном виде, еще девять — в виде кратких статей (тезисы, доклады и сообщения на конференциях). Остальные 40 отчетов остаются доступными только в виде архивных документов. Анализ неопубликованных или опубликованных в кратком виде отчетов показал, что большая часть из них относится к работам В. П. Шилова, Е. В. Цуцкина, С. М. Васюткина и др. Наибольшее количество проведенных экспедиций относится к 1986–1989 гг., по итогам этих четырех полевых сезонов было написано более 30 полевых отчетов. Исследовательские работы данного периода были сосредоточены на раскопках погребальных памятников в зоне строительства канала «Волга – Чограй».

Большая нагрузка, связанная с организацией полевой и камеральной работы, не позволила подготовить полевые отчеты для публикации в полном виде. Например, В. П. Шилов с 1980 по 1988 гг. руководил девятью экспедициями, Е. В. Цуцкин с 1977 по 1985 гг. — восемью, С. М. Васюткин с 1981 по 1989 гг. — семью.

Вторым фактором, возможно, является большое количество экспедиций. Есть случаи, когда несколько специалистов изучали одну курганныю группу одновременно. Памятнику присваивалось единое название, а курганы имеют последовательную нумерацию. Другими словами, до полевых работ было запланировано количество курганов, которое исследовал каждый специалист. Возможно, сложность сбора воедино результатов этих исследований, не дала опубликовать отчеты в полном виде, как это удалось П. С. Рыкову, И. В. Сеницыну, У. Э. Эрдниеву и др.

Однако нельзя сказать, что результаты так и остались в виде полевых отчетов. Как указано выше, часть информации была опубликована авторами раскопок в кратких статьях, тезисах и докладах на конференциях. Общая информация об исследованиях 1977–1988 гг. была опубликована в изданиях «Археологические открытия», «Краткие сообщения института археологии», «Советская археология» и ряде других научных журналов [Цуцкин, Шилов 1981; Шилов 1983; Шилов 1984; Васюткин 1985; Шилов 1985; Васюткин 1986; Шилов, Цуцкин 1986; Васюткин 1987а; Васюткин 1987б; Цуцкин, Шишлина, Шилов 1987; Васюткин, Кольцов 1988; Цуцкин, Шилов 1988; Васюткин 1990].

Кроме того, данные из полевых отчетов 1977–1991 гг. используются в многочисленных специализированных исследованиях, посвященных отдельным культурно-хронологическим группам, категориям инвентаря. Наиболее крупными являются исследования, посвященные изучению культур бронзового века степной зоны Европейской части России [Шишлина 2007; Мимоход 2013; Андреева 2014]. Кроме этого, обобщенные данные из полевых отчетов используются в работах, посвященных истории изучения археологических памятников Калмыкии [Цуцкин 1985; Эрдниев 1989; Васюткин 1995; Васюткин 2005; Очир-Горяева 2008; и др.].

Анализ фондов архивного материала показал, что в Научном архиве КалмНЦ РАН, Национальном архиве Республики Калмыкия, архиве Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова хранятся дела, связанные с полевыми отчетами 1961–1972 гг. Из выявленных материалов следует выделить полевые дневники, черновики публикаций, чертежи, фотографии, переписку специалистов-археологов как между собой, так и с официальными лицами.

Примером применения этих данных может служить работа по сверке фондов археологических находок Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, где выявлена часть депаспортизированных предметов. Обнаруженные в Научном архиве КалмНЦ РАН бумажные черно-белые фотографии более

250 находок из раскопок курганной группы *Восточный Маныч* (1966 г.), позволили восстановить полные данные о находках, которые частично или полностью утратили свои этикетки [Кекеев, Буратаев 2016: 247–248]. Кроме этого, черно-белые фотографии утраченных находок были использованы при создании каталога фондов группы *Восточный Маныч* [Кекеев, Буратаев 2016: рис. 40, 42, 47 и др.]. Сегодня необходимо продолжить работу по изучению архивных материалов, итоги которой могут осветить результаты и историю археологических исследований 1973–1991 гг.

Единственным крупным примером подготовки второго переработанного издания полевых отчетов на сегодняшний день является публикация результатов исследований курганных групп *Три Брата-1* и *Три Брата-2*, когда В. П. Шиловым была проведена работа по скрупулезному анализу полевых записей П. С. Рыкова, улучшению полевых чертежей, а также сверке описи находок с музейными коллекциями Саратовского музея. Кроме этого, в 1980 г. В. П. Шиловым был доследован курган 9 группы *Три Брата-1*. В итоге им была подготовлена рукопись монографии, которая, к сожалению, не была опубликована при жизни Валентина Павловича. Только в 2009 г. монография была издана усилиями археологов КалмНЦ РАН во главе с М. А. Очир-Горяевой [Шилов 2009].

Что касается периода 1961–1976 гг., как указано выше, данные исследования практически полностью введены в научный оборот, и, кроме этого, данному периоду посвящен ряд публикаций о современном состоянии фондов находок и истории полевых работ [Кекеев 2009; Кекеев 2014; Кекеев 2013; и др.]. Наибольшее внимания требуют полевые отчеты 1977–1990 гг., которые не были опубликованы в полном виде, из-за чего остаются труднодоступными современным специалистам.

Проведенный анализ фондов полевых отчетов показал, что для полноценного их использования в научных исследованиях требуется работа по централизованному изучению этих отчетов. Только сбор всей информации в одном месте позволит запланиро-

вать дальнейшую работу по подробному их изучению и введению в научный оборот. Для решения данной проблемы наиболее перспективным видится сбор недостающих отчетов в Научном архиве КалмНЦ РАН. Работа в этом направлении уже несколько лет ведется сотрудниками КалмНЦ РАН, и сегодня четыре недостающих отчета 1980-х гг. целиком скопированы в Научном архиве ИА РАН. В итоге сегодня в Научном архиве КалмНЦ РАН собраны 46 полевых отчетов об археологических работах 1975–1991 гг. Однако эта работа завершится только тогда, когда все отчеты будут доступны в полном объеме.

Подготовленные отчеты по изучению отдельных памятников, когда одна группа была исследована несколькими археологами одновременно, могут быть объединены и изданы в виде коллективной монографии. Поиск и изучение материалов, касающихся общей организации полевых работ, позволит осветить историю археологических исследований памятников Калмыкии в конце 1970-х – начале 1990-х гг.

Доступность полевых отчетов позволит наиболее полно использовать в научных исследованиях материалы фондов Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, Саратовского областного музея краеведения, Государственного исторического музея (археологические находки из раскопок на территории Калмыкии) и Хранилища остеологических материалов КалмНЦ РАН (палеоантропологический и археозоологический материал). Это позволит подробно систематизировать вещественный материал и исключить случаи, когда при создании выборки по определенной культурно-хронологической группе или категории погребального инвентаря часть материала «выпадает» из исследования ввиду труднодоступности полевого отчета.

Таблица 1. Полевые отчеты об археологических исследованиях на территории Калмыкии (1929–1991 гг.)

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
1	1929	Рыков П. С.	Раскопки и разведки П. С. Рыкова в пределах Нижне-Волжского края	<i>Элиста-1, Хурул Ханата, Черя Хурул и др.</i>
2	1931	Рыков П. С.	Раскопки П. С. Рыкова в Нижнем Поволжье в 1931 г.	<i>Элиста-2</i>
3	1932	Рыков П. С.	Отчет об археологических разведках и раскопках, произведенных летом 1932 г. в Нижне-Волжском крае проф. П. С. Рыковым	<i>Элиста-2</i>
4	1933	Рыков П. С.	Раскопки Рыкова в 1933 г. Калмыцкая область	<i>Элиста-2, Три Брата-1</i>
5	1934	Рыков П. С.	Отчет П. С. Рыкова об археологических раскопках окрестностей г. Саратова и Калмыцкой области в 1934 г.	<i>Три Брата-1, Три Брата-2</i>
6	1935	Рыков П. С.	Отчет о раскопках курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой автономной области в 1935 г.	<i>Три Брата-1, Три Брата-2</i>
7	1937	Синицын И. В.	Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АНР ¹ в 1937 г. (Так у И. В. Синицына. Вероятно, АССР. — Э. К.)	<i>Цаган-Эльсин, Бичкин-Булдук</i>

[Table 1. Field reports summarizing investigations of Kalmykia's archaeological sites, 1929–1991]

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмИИЦ РАН		
ИИМК РАН	+			[Рыков 1931; Синицын 1931; Синицын 1933]	
ИИМК РАН	+			[Рыков 1936а]	
ИИМК РАН	+			[Рыков 1936а]	
ИИМК РАН	+			[Рыков 1936б; Синицын 1948; Шилов 2009]	
ИИМК РАН	+			[Рыков 1936б; Синицын 1948; Шилов 2009]	
ИИМК РАН	+			[Рыков 1936б; Синицын 1948; Шилов 2009]	
ИИМК РАН	+			[Синицын 1948; Шилов 1985]	

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
8	1946	Синицын И. В.	Отчет об археологических работах в Нижнем Поволжье летом 1946 г.	<i>Басы, Зензели поселения</i>
9	1961	Синицын И. В.	Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1961 г. Альбом иллюстраций к отчету.	<i>Лола-1</i>
10	1962	Шилов В. П.	Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции.	<i>Хохлацкий, Балкин</i>
11	1963	Синицын И. В.	Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1962–1963 гг.	<i>Лола-1, Лола-2, Архара</i>
12	1964	Синицын И. В.	Отчет об археологических работах, произведенных на территории Калмыцкой АССР в 1964 г.	<i>Элистинский</i>
13	1965	Синицын И. В.	Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1965 г.	<i>Восточный Маныч</i>
14	1966	Праслов Н. Д.	Отчет об археологических разведках Палеолитического отряда Астраханской экспедиции в районе Нижнего Дона и Калмыкии в 1966 г.	<i>Хар-Зуха, Циганица I–IV и др.</i>

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмИИЦ РАН		
ИА РАН		+		[Синицын 1956]	
ИА РАН		+		[Синицын, Эрдниев 1963]	
ИА РАН		+			
ИА РАН		+		[Синицын, Эрдниев 1966]	
ИА РАН		+		[Синицын, Эрдниев 1971]	
ИА РАН		+		[Синицын 1978]	
ИА РАН		+		[Праслов 1971]	

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
15	1966	Синицын И. В.	Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР в 1966 г.	<i>Восточный Маныч</i>
16	1971	Эрдниев У. Э.	Отчет об археологических раскопках Гашунского могильника, произведенных в 1971 г.	<i>Гашунский</i>
17	1974	Шнайдштейн Е. В.	Отчет археологической экспедиции КНИИЯЛИ о раскопках курганов в Малодербетовском районе КАССР за 1974 г.	<i>Купцын Толга</i>
18	1975	Шнайдштейн Е. В.	Отчет о работе археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории за 1975 г.	<i>Гува-1, Гува-2, Гува-3</i>
19	1975	Шнайдштейн Е. В.	Отчет о разведке памятников древности на территории Калмыцкой АССР	Выявлено 60 новых курганных групп

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН		+		[Синицын, Эрдниев 1979; Синицын, Эрдниев 1981; Синицын, Эрдниев 1982; Синицын, Эрдниев 1985; Синицын, Эрдниев 1987а; Синицын, Эрдниев 1987б; Синицын, Эрдниев 1991]	
ИА РАН		+		[Эрдниев 1981]	[Эрдниев 1972]
ИА РАН		+		Шнайдштейн 1981]	[Шнайдштейн 1975]
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+	[Шнайдштейн 1978]	[Шнайдштейн 1976]
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
20	1976	Шнайдштейн Е. В.	Отчет об археологических исследованиях в Калмыкии в 1976 г.	<i>Заханата</i>
21	1976	Шнайдштейн Е. В.	Отчет о раскопках зоны строительства Сарпинской оросительной системы	<i>Заханата</i>
22	1977	Цуцкин Е. В.	Отчет о работе археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института ЯЛИ и КГУ в 1977 г., Альбом фотографий к отчету, Альбом чертежей к отчету	<i>Большой Царын-1, Большой Царын-1а, Большой Царын-2</i>
23	1978	Цуцкин Е. В.	Отчет о работе Сарпинской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института ИФЭ и КГУ в 1978 г., Альбом фотографий к отчету, Альбом чертежей к отчету	<i>Зергента-1, Зергента-2</i>
24	1978	Цуцкин Е. В.	Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики и Калмыцкого госуниверситета в 1978 г., Альбом фотографий к отчету, Альбом чертежей к отчету	<i>Ут, Гува-2, Адрык</i>

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН		+		[Шнайштейн 1985]	[Шнайштейн 1978]
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+	[Шнайштейн 1985]	[Шнайштейн 1978]
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+	[ ]	
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+		

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
25	1979	Цуцкин Е. В.	Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики и Калмыцкого государственного университета в 1979 г., Альбом фотографий к отчету, Альбом чертежей к отчету	<i>Кермен Толга</i>
26	1980	Шилов В. П.	Отчет о доследовании кургана 9 группы «Три Брата-1» Волго-Донской археологической экспедиции в 1980 г.	<i>Три Брата-1</i>
27	1980	Цуцкин Е. В.	Отчет о работе археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики в 1980 г.	<i>Хар Нуурин Толга, Джангар</i>
28	1980	Кольцов П. М.	Отчет о работе неолитического отряда археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики в 1980 г., Альбом иллюстраций к отчету	<i>пос. Джангар</i>

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН		+			[Цуцкин, Шилов 1981]
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+	[Кольцов 1982; Кольцов 2002; Кольцов 2004; Кольцов 2005; и др.]	

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
29	1978–1980	Кольцов П. М.	Результаты археологических разведок 1978–1980 гг. на территории Калмыцкой АССР	<i>пос. Джангар</i>
30	1981	Шилов В. П.	Отчет о работе археологической экспедиции ИА АН СССР и КНИИФЭ в 1981 г.	<i>Джангар, Ергенинский, КМК, Иджил-1, Иджил-2, Ики-Орва</i>
31	1981	Васюткин С. М.	Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР в 1981 г.	<i>Джангар-1</i>
32	1982	Шилов В. П.	Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 г.	<i>Ергенинский</i>
33	1982	Васюткин С. М.	Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР в 1982 г.	<i>Дюкер</i>
34	1982	Цуцкин Е. В.	Отчет о работе археологической экспедиции КНИИФЭ в 1982 г.	<i>Дюкер, Джангар, Красный партизан, Ики-Орва</i>

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+	[Кольцов 1982; Кольцов 2002; Кольцов 2004; Кольцов 2005; и др.]	
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+		[Шилов 1983]
ИА РАН		+			[Васюткин 1985]
ИА РАН		+			[Шилов 1984]
ИА РАН		+			
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+		

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
35	1983	Цуцкин Е. В.	Отчет о раскопках курганной группы <i>Эвдык-1</i> в Приозерном районе Калмыцкой АССР в 1982 г., Альбом чертежей и фотографий к отчету	<i>Эвдык-1</i>
36	1983	Шилов В. П.	Отчет о работе Волго-Донской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и КНИИИФЭ в 1983 г., Альбом к отчету	<i>Эвдык</i>
37	1984	Васюткин С. М.	Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР в 1984 г.	<i>Иджил</i>
38	1984	Шилов В.П.	Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции ИА РАН СССР в 1984 г.	<i>Ергенинский</i>
39	1984	Николаева Н. А., Сафронов В. А., Е. В. Цуцкин	Исследование курганов у сёл Чкаловский, Эвдык Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1984 г., Альбом к отчету	<i>Чкаловский, Эвдык</i>

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+	[Васюткин 1987а]	[Васюткин 1986]
ИА РАН		+			[Шилов, Цуцкин 1986]
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+		

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
40	1984	Николаева Н. А., Сафронов В. А.	Исследование курганов в Октябрьском р-не КАССР (раскопки Археологической экспедиции КНИИИФЭ у поселка Джангар в сентябре-ноябре 1984 г.), Альбом к отчету	<i>Кермен Толга, Хопр Толга, Шолмун Толга</i>
41	1984	Кольцов П. М.	Отчет о работе неолитического отряда археологической экспедиции КНИИИФЭ и Волго-Донской экспедиции ИА АН СССР в 1984 г., Альбом к отчету	<i>пос. Джангар</i>
42	1985	Сафронов В. А., Николаева Н. А., Цуцкин Е. В.	Исследование курганной группы у с. Джангар Октябрьского р-на Калмыцкой АССР в 1985 г., Альбом к отчету	<i>Джангар, Кюкн Толга</i>
43	1985	Николаева Н. А., Сафронов В. А.	Исследование курганов в зоне строительства рисовой Калмыцко-Астраханской оросительной системы (КАРОС) на землях совхоза Джангар Октябрьского р-на Калмыцкой АССР в 1985 г., Альбом к отчету	<i>Кююн (Так в отчете. Вероятно, Кююкн. — Э. К.) Толга, Улан-Толга</i>

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+	[Кольцов 1982; Кольцов 2002; Кольцов 2004; Кольцов 2005 и др.]	
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН / КалмНЦ РАН		+	+		

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
44	1985	Васюткин С. М.	Отчет об археологических исследованиях на трассе канала <i>Волга – Чограй</i> в 1985 г.	<i>КВЧ-160, КВЧ-239, КВЧ-240</i>
45	1985-1986	Шилов В. П.	Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1985-1986 гг.	<i>Ергенинский</i>
46	1986	Гаврилина Л. М.	Отчет об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ ИФЭ в зоне строительства первой очереди КАРОС в Октябрьском р-не КАССР в 1986 г., Два альбома к отчету	<i>Ики-Зегиста, Кермен Толга-1, Кермен Толга-2, Хойр Толга-2</i>
47	1986	Гаврилина Л. М., Шишлина Н. И.	Отчет об исследованиях Чограйского отряда Калмыцкой археологической экспедиции в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Чограйский» Ики-Бурульского района КАССР в 1986 г., Два альбома к отчету	<i>Чограйский -3, Чограйский -4, Чограйский -5</i>

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН		+			[Васюткин 19876]
ИА РАН		+			[Цуцкин, Шишлина Шилов 1987; Цуцкин, Шилов 1988]
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
48	1986	Николаева Н. А., Сафронов В. А.	Отчет об исследованиях курганов на трассе канала <i>Волга – Чограй</i> в 1986 г. (Яшкульский р-он), Альбом к отчету	<i>Чограйский -6, Чограйский -7, Чограйский -8</i>
49	1986	Николаева Н. А., Сафронов В. А.	Отчет о раскопках курганов на трассе канала <i>Волга – Чограй</i> (Яшкульский район) в 1986 г., Альбом к отчету	<i>Чограйский -6, Чограйский -7, Чограйский -8</i>
50	1986	Николаева Н. А., Сафронов В. А.	Отчет 1986 г. о раскопках курганов в зоне орошаемого участка совхоза «Чограйский» (600 га) в КАССР, Альбом к отчету	<i>Чограйский -6, Чограйский -7, Чограйский -8</i>
51	1986	Николаева Н. А.	Отчет о раскопках на трассе канала <i>Волга–Чограй</i> в 1986 г.	<i>КВЧ. Яшкуль-1</i>
52	1986	Николаева Н. А.	Исследования курганов на трассе канала <i>Волга – Чограй</i> в 1986 г.	<i>КВЧ. Яшкуль-2</i>
53	1987	Николаева Н. А.	Отчет о раскопках на трассе канала <i>Волга – Чограй</i> в Яшкульском районе КАССР в 1987 г.	<i>КВЧ. Яшкуль -3</i>
54	1987	Лапа Н. Л.	Отчет о раскопках за 1987 г., Альбом к отчету	<i>Цаган Усн-5</i>

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН		+			
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
55	1987	Шишлина Н. И.	Отчет о работе отряда ГИМ, Калмыцкой археологической экспедиции КНИИИФЭ в Яшкульском районе КАССР в 1987 г., Альбом к отчету	<i>Цаган Усн-8, Цаган Усн-9, Цаган Усн-10</i>
56	1987	Арапов С. В.	Отчет об исследованиях археологической экспедиции КНИИИФЭ в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Яшкульский» в Яшкульском районе КАССР в 1987 г., Альбом к отчету	<i>Цаган Усн-3, Цаган Усн-4, Цаган Усн-7, Цаган Усн-11</i>
57	1987	Шилов В. П.	Отчет об исследованиях Волго-Донской экспедиции ИА АН СССР и КНИИИФЭ в Яшкульском районе в 1987 г.	<i>Цаган Усн-7</i>
58	1987	Васюткин С. М., Кольцов П. М.	Отчет об археологических раскопках по трассе канала <i>Волга-Чограй</i> (Калмыцкой АССР) в 1987 г.	<i>КВЧ-27, КВЧ-28, КВЧ-29, КВЧ-49, КВЧ-57</i>
59	1988	Васюткин С. М.	Отчет о работе отряда КГУ, Калмыцкой археологической экспедиции КНИИИФЭ с приложением 95 ил.	<i>КВЧ-41, КВЧ-42</i>
60	1988	Шишлина Н. И.	Отчет об исследовании курганов по трассе канала <i>Волга-Чограй</i> в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 г., Альбом к отчету	<i>КВЧ-53</i>

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН		+			
ИА РАН		+			[Васюткин, Кольцов 1988]
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		[Васюткин 1990]
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
61	1988	Серебряков С. Ф.	Отчет об исследовании кургана 13 по трассе канала <i>Волга-Чограй</i> в Яшкульском районе Калмыцкой АССР, Альбом к отчету	<i>КВЧ-56</i>
62	1988	Романов Ю. Г.	Отчет о работе отряда археологической экспедиции КНИИ ИФЭ в Яшкульском районе КАСССР, Альбом к отчету	<i>КВЧ-56</i>
63	1988	Кузнецов П. Ф.	Отчет о раскопках в Октябрьском районе Калмыцкой АССР в 1988 г.	<i>КВЧ. Джангр-3</i>
64	1988	Лукашов А. В.	Отчет о работе археологической экспедиции ВолГУ в зоне строительства канала <i>Волга – Чограй</i> в Октябрьском районе Калм. АССР, Альбом к отчету	<i>КВЧ. Озерки</i>
65	1988	Шилов В. П.	Отчет об исследовании в 1988 г. курганов по трассе канала <i>Волга – Чограй</i> в Яшкульском районе Калмыцкой АССР, Альбом к отчету	<i>КВЧ-56</i>
66	1988	Шнайдштейн Е. В.	Отчет об археологических раскопках в зоне строительства канала <i>Волга – Чограй</i> в Яшкульском районе КАСССР в 1988 г., Альбом к отчету	<i>КВЧ-37</i>

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН		+			
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
67	1988	Лапа Н. Л.	Отчет о раскопках за 1988 год. Приложение к отчету	<i>КВЧ-37 (Яшкуль)</i>
68	1988	Мышкин В. Н., Кузнецов П. Ф.	Отчет о работе Куйбышевского гос. пед. института, Калмыц. археол. экспед. КНИИ ИФЭ в пос. Джангар в Октябрьском районе КАССР, Альбом к отчету	<i>КВЧ. Джангр, КВЧ. Джангр-2</i>
69	1988	Кольцов П. М.	Отчет об исследовании курганов на орошаемых участках совхоза «Джангар» Октябрьского района КАССР в 1988 г.	<i>Джангр. Участок 2</i>
70	1989	Васюткин С. М.	Отчет о работе археологических исследованиях на территории совхоза «Джангар» Октябрьского района КАССР в 1989 г.	<i>Джангр-2, Джангр-3</i>
71	1989	Кольцов П. М.	Отчет археологической экспедиции КГУ о результатах раскопок курганов на трассе Ики-Бурул – Чолун Хамур Ики-Бурульского района КАССР в 1989 г.	<i>Шаред</i>
72	1989	Мычко Н. В.	Отчет о раскопках двух курганов в зоне орошаемого участка совхоза «Цаган-Нур» Октябрьского района КАССР в 1989 г.	<i>Цаган-Нур</i>

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН		+			
ИА РАН		+			
ИА РАН		+			
ИА РАН		+			

№	Год исследования	Автор	Название отчета	Исследованные памятники
73	1989	Очир-Горяева М. А.	Отчет об исследовании курганного могильника Цаган-Нур в Октябрьском р-не КАССР в 1989 г., Альбом к отчету	<i>Цаган-Нур</i>
74	1990	Очир-Горяева М. А.	Отчет об исследовании курганного могильника Улан-Зуха в Ики-Бурульском р-не КАССР в 1990 г., Альбом к отчету	<i>Улан-Зуха, Улан-Зуха-1</i>
75	1990	Кольцов П. М.	Отчет об археологических раскопках курганов на орошаемых участках 1-2 совхоза «Барун» Юстинского района КАССР в 1990 г.	<i>Барун. Участок 1-2</i>
76	1991	Очир-Горяева М. А.	Отчет об исследовании курганного могильника Хар-Зуха в Приютненском районе КАССР в 1990 г., Альбом к отчету	<i>Хар-Зуха-1, Хар-Зуха-2</i>

Количество отчетов

Научный архив (место хранения)	Научный архив			Публикация	Краткая публикация
	ИИМК РАН	ИА РАН	КалмНЦ РАН		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+		
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+	[Очир-Горяева 2017]	
ИА РАН		+			
ИА РАН/ КалмНЦ РАН		+	+	[Очир-Горяева 2017]	
	7	69	42		

Литература

- Андреева 2014 — *Андреева М. В.* Восточно-Манычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
- Археологические коллекции 2018 — Археологические коллекции Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (по материалам полевых экспедиций 1961–1967 гг.) / сост.: Э. А. Кекеев, Е. Г. Буратаев; отв. ред. А. Г. Ситдииков; вступ. ст. Э. А. Кекеева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 172 с.: 394 ил.
- Акимченков 2018 — *Акимченков В. В.* Музейные учреждения Севастополя в конце 20-х – 30-е годы XX века: источниковедческий обзор // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 3–19.
- Баранов 2019 — *Баранов В. С.* Целостность археологических коллекций в музейном хранении: Эффект «распредмечивания» // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 66–74.
- Бердникова 2014 — *Бердникова Н. Е.* Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 10. С. 94–109.
- Васюткин 1985 — *Васюткин С. М.* Погребения золотоордынского времени могильника Джангар // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 158–166.
- Васюткин 1986 — *Васюткин С. М.* Курганы у пос. Иджил // Археологические открытия 1984 года: сб. ст. / отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука, 1986. С. 120.
- Васюткин 1987а — *Васюткин С. М.* Иджилские курганы // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 99–113.
- Васюткин 1987б — *Васюткин С. М.* Исследования Калмыцкого университета // Археологические открытия 1985 года: сб. ст. / отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 169.
- Васюткин 1990 — *Васюткин С. М.* Исследования в зоне канала Волга-Чограй // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Ставрополь: СГУ, 1990. С. 22–23.
- Васюткин 1995 — *Васюткин С. М.* Общие сведения об археологических памятниках Калмыкии // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1995. С. 3–19.
- Васюткин 2005 — *Васюткин С. М.* Вехи истории калмыцкой археологии // Научное наследие профессора У. Э. Эрдниева. Элиста: КалмГУ,

2005. С. 23–34. (Серия «Звезды над степью: Калмыкия в событиях и лицах. 20 век»).
- Васюткин, Кольцов 1988 — *Васюткин С. М., Кольцов П. М.* Исследования Калмыцкого государственного университета на трассе канала Волга-Чограй // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1988. С. 15–16.
- Володин 2021 — *Володин С. А.* Анализ развития полевой деятельности экспедиций и отрядов московского отделения ИИМК / ИА АН СССР в 1945–1964 гг. // Краткие сообщения Института археологии. 2021. № 262. С. 423–436.
- Дарьина, Галкин 2018 — *Дарьина Т. С., Галкин Т. О.* Исследование памятников городищской и дяковской культур Владимирской области во вт. пол. XX в. по материалам архива ИА РАН // Дни науки студентов Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых: мат-лы науч.-практ. конф. (г. Владимир, 12 марта – 6 апреля 2018 г.). Владимир: ВГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2018. С. 1404–1410.
- Дикий 2019 — *Дикий Я. В.* История формирования первых археологических коллекций Кяхтинского краеведческого музея (конец XIX – первая треть XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 4. С. 97–100.
- Зеленцова, Ворошилов, Строков 2021 — *Зеленцова О. В., Ворошилов А. Н., Строков А. А.* К вопросу о реконструкции местоположения памятников археологии России // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 4 (74). С. 209–214.
- Казанцева 2019 — *Казанцева О. А.* Делить нельзя изучать (целостность археологической коллекции: возможности и трудности научного исследования) // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 57–66.
- Кекеев 2009 — *Кекеев Э. А.* О материалах археологических раскопок могильных групп *Лола I и II*, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия (1961–1963 гг.) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы междунар. науч. конф. Ч. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2009. С. 165–174.
- Кекеев 2011 — *Кекеев Э. А.* Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маныч» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 70–74.
- Кекеев 2013 — *Кекеев Э. А.* О материалах археологических раскопок из курганной группы *Архара*, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого

- го института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 27–30.
- Кекеев 2014 — Кекеев Э. А. Спасательные археологические раскопки курганной группы *Восточный Маныч* // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 73–77.
- Кекеев 2017 — Кекеев Э. А. Материалы из раскопок могильника *Тачин Царанг*, хранящиеся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3. С. 91–110.
- Кекеев 2021a — Кекеев Э. А. Археологические материалы из раскопок 1929–1937 гг. на территории Калмыкии (по фондам Саратовского областного музея краеведения) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 806–824. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-806-824.
- Кекеев 2021б — Кекеев Э. А. Об археологических коллекциях Саратовского областного музея краеведения из раскопок в Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 42–64. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-42-64.
- Кекеев, Буратаев 2015 — Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г. Спасательные раскопки курганной группы *Восточный Маныч – 1967* // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 62–65.
- Кекеев, Буратаев 2016 — Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г. Свод археологических памятников Кумо-Манычской впадины (1965–1967 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 248 с.
- Кольцов 1982 — Кольцов П. М. Результаты археологических разведок 1976–1980 гг. на территории Калмыцкой АССР // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 100–107.
- Кольцов 2002 — Кольцов П. М. Жилищно-хозяйственные комплексы поселения *Джангар* // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. Элиста. 2002. С. 155–163.
- Кольцов 2004 — Кольцов П. М. Поселение *Джангар*: человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Новый хронограф, 2004. 156 с.
- Кольцов 2005 — Кольцов П. М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: ГЖО «Воскресенье», 2005. 352 с.
- Кудрявцев 2020 — Кудрявцев А. А. Балканская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1946 г. (проект и итоги) // Российская археология. 2020. № 3. С. 189–203.

- Кудрявцев, Володин, Селезнева 2021 — *Кудрявцев А. А., Володин С. А., Селезнева С. В.* Обзор личного фонда М. Ф. Косарева в научно-отраслевом архиве Института археологии РАН // Краткие сообщения Института археологии. 2021. № 264. С. 480–489.
- Лабецкий 2015 — *Лабецкий В. П.* Влияние политики и идеологии на методы археологических исследований Восточной Азии во второй половине XIX века на примере работ Н. М. Пржевальского и М. В. Певцова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 293–296.
- Малов 2010 — *Малов Н. М.* Профессор П. С. Рыков — исследователь позднего бронзового века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: история, международные отношения. 2016. № 3. С. 345–351. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-345-351.
- Мимоход 2013 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: мат-лы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 420 с.
- Панюхин 2016 — *Панюхин М. В.* Археология Среднего Приангарья: находки и исследования в дореволюционный период // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 2 (24). С. 109–117.
- Полевая 2018 — *Полевая А. В.* Деятельность Тверской ученой архивной комиссии в сфере сохранения культурного наследия Тверского региона // Культурное наследие русской провинции: мат-лы II межрег. науч. конф. (г. Старица, 9 ноября 2018 г.). Т. 1. Тверь; Старица: ТГУ, 2018. С. 7–14.
- Праслов 1971 — *Праслов Н. Д.* Памятники каменного века Южных Ергеней // Краткие сообщения Института археологии. 1971. Вып. 126. С. 102–107.
- Рыков 1931 — *Рыков П. С.* Отчет об археологических работах, проведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения. 1931. Т. 4. С. 51–79.
- Рыков 1936а — *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище *Три Брата* в Калмыцкой области, произведенные в 1933–1935 гг. // Советская археология. 1936. № 1. С. 115–157.

- Рыков 1936б — *Рыков П. С.* Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты // *Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения*. Т. 7. 1936. С. 57–70.
- Санджиева, Очир-Горяева 2008 — *Санджиева В. Ш., Очир-Горяева М. А.* Материалы по археологии Калмыкии в научном архиве КИГИ РАН // *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. С. 232–240.
- Синицын 1931 — *Синицын И. В.* Кремневые орудия с донных стоянок Калмыцкой области // *Известия Нижне-Волжского института краеведения*. Т. 4. 1931. С. 81–92.
- Синицын 1933 — *Синицын И. В.* Древние памятники Приморского района Калмыцкой области // *Известия Нижне-Волжского института краеведения*. Т. 6. 1933. С. 89–102.
- Синицын 1948 — *Синицын И. В.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // *Советская археология*. 1948. № 10. С. 143–160.
- Синицын 1956 — *Синицын И. В.* Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // *Труды Саратовского областного музея краеведения: археологический сборник*. Саратов: Коммунист, 1956. Вып. 1. С. 22–64.
- Синицын 1978 — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. В 2 ч. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1978. Ч. 1. 130 с.; Ч. 2. 117 с.
- Синицын, Эрдниев 1963 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году. Труды Республиканского краеведческого музея. № 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. 60 с.
- Синицын, Эрдниев 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). Труды КНИИЯЛИ, КРКМ № 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 186 с.
- Синицын, Эрдниев 1971 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 139 с.
- Синицын, Эрдниев 1979 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча // *Археологические памятники Калмыцкой степи*. Элиста: КНИИИФЭ, 1979. С. 25–54.
- Синицын, Эрдниев 1981 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча // *Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья*. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 29–66.
- Синицын, Эрдниев 1982 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Вос-

- точного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 59–92.
- Синицын, Эрдниев 1985 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 43–78.
- Синицын, Эрдниев 1987а — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 173 с.
- Синицын, Эрдниев 1987б — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 83–98.
- Синицын, Эрдниев 1991 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста: КИОН АН СССР, 1991. С. 4–21.
- Симухин 2014 — *Симухин А. И.* Формирование коллекций медно-бронзовых изделий бронзового века Западного Забайкалья (историография вопроса) [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22878800> (дата обращения: 06.02.2023).
- Смирнов 2020 — *Смирнов Н. Ю.* Неизвестный контекст знаменитого открытия: работа М. П. Грязнова в Центральном Казахстане в составе экспедиции профессора П. С. Рыкова в 1933 году (к прошедшему 85-летию открытия первого памятника бегазы-дандыбаевской культуры) // Археология Казахстана. 2020. № 2 (8). С. 78–113.
- Сорокина 2014 — *Сорокина И. А.* Становление современных норм учета и хранения археологических коллекций в России // Краткие сообщения истории археологии. 2014. № 236. С. 361–365.
- Цуцкин 1985 — *Цуцкин Е. В.* Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 3–22.
- Цуцкин, Шилов 1981 — *Цуцкин Е. В., Шилов В. П.* Исследования в группе *Три брата I* // Археологические открытия 1980 года: сб. ст. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 158–159.
- Цуцкин, Шилов 1988 — *Цуцкин Е. В., Шилов В. П.* Работы Волго-Донской экспедиции // Археологические открытия 1986 года: сб. ст. / отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука, 1988. С. 198.
- Цуцкин, Шишлина, Шилов 1987 — *Цуцкин Е. В., Шишлина Н. И., Шилов В. П.* Исследование Ергенинского курганного могильника в Калмыцкой АССР // Археологические открытия 1985 года: сб. ст. / отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 213.

- Шилов 1983 — *Шилов В. П.* Исследования в Калмыкии // Археологические открытия 1981 года: сб. ст. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1983. С. 179.
- Шилов 1984 — *Шилов В. П.* Работы Волго-Донской экспедиции // Археологические открытия 1982 года: сб. ст. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 185.
- Шилов 1985 — *Шилов В. П.* Курган 6 урочища *Бичкин-Булук* и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // Советская археология. 1985. № 2. С. 17–33.
- Шилов, Цуцкин 1986 — *Шилов В. П., Цуцкин Е. В.* Исследования Волго-Донской экспедиции // Археологические открытия 1984 года: сб. ст. / отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука, 1986. С. 160.
- Шилов 2009 — *Шилов В. П.* Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
- Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). Труды Государственного исторического музея. Вып. 165. М.: ГИМ, 2007. 400 с.
- Шнайдштейн 1975 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганов в Калмыцкой АССР // Археологические открытия 1974 года: сб. ст. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1975. С. 182.
- Шнайдштейн 1976 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганов в Калмыцкой АССР // Археологические открытия 1975 года: сб. ст. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 209.
- Шнайдштейн 1977 — *Шнайдштейн Е. В.* Исследования в Калмыкии // Археологические открытия 1976 года: сб. ст. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 182.
- Шнайдштейн 1978 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганов в урочище Гува // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИФЭ, 1978. С. 55–69.
- Шнайдштейн 1981 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы *Купцын Толга* // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИФЭ, 1981. С. 78–120.
- Шнайдштейн 1985 — *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы *Заханата* // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 79–94.
- Эрдниев 1972 — *Гашунский могильник* // Археологические открытия 1971 года: сб. ст. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 217.
- Эрдниев 1981 — *Эрдниев У. Э.* Гашунский могильник (раскопки 1971 года) // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 70–77.

- Эрдниев 1982а — *Эрдниев У. Э.* Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 153 с.
- Эрдниев 1982б — *Эрдниев У. Э.* Курган древнейшей культуры в Калмыкии // Советская археология. 1982. № 1. С. 213–214.
- Эрдниев 1989 — *Эрдниев У. Э.* Об археологических работах профессора П. С. Рыкова в Калмыкии // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1989. С. 50–55.

История изучения антропологических материалов с территории Республики Калмыкия

Любовь Алексеевна Бембеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Бембеева Л. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В данной работе представлен обзор научных публикаций, посвященных исследованию палеоантропологических материалов из курганных могильников на территории Республики Калмыкия. *Цель* данного исследования — осветить историю изучения антропологических материалов с территории Республики Калмыкия. В качестве *материалов* выступили научные статьи и монографии, в которых освещены результаты исследований антропологического материала с территории Республики Калмыкия. Для анализа статей были применены нарративный и исторический *методы* исследования. *Результаты.* В антропологических исследованиях можно условно выделить два этапа — советский и современный. Все антропологи, которые исследовали материал с территории Калмыкии, отмечают разнообразие морфологических типов населения современных калмыцких степей в древний период. Работы демонстрируют разные подходы в исследованиях антропологов советского и современного периодов. Кроме того, анализ истории изучения антропологического материала позволил выявить определенные тенденции в исследованиях бронзового века.

Ключевые слова: палеоантропология, краниология, остеология, краниометрические, краниоскопические, остеометрические, палеопатологические, палеодемографические исследования, курганные могильники, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бембеева Л. А. История изучения антропологических материалов с территории Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 134–169. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-134-169

Anthropological Material from Kalmykia: A History of Research

*Lyubov A. Bembeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0001-7340-221X. E-mail: bembeeva.l.a[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bembeeva L. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The work reviews scholarly publications dealing with paleoanthropological material from Kalmykia’s kurgan burial sites. *Goals.* So, the study aims to shed light on the history of research of the latter. *Materials and methods.* The paper employs narrative and historical methods to examine articles and monographs summarizing outcomes of analyses of anthropological material from Kalmykia’s excavations. *Results.* One can distinguish two periods in the anthropological endeavors — Soviet and contemporary ones. Virtually all anthropologists who investigated the material from Kalmykia mention a wide variety of morphological types inherent to human populations that had inhabited Kalmyk steppes in ancient times. The considered works are characterized by somewhat differing approaches of Soviet-era and present-day anthropologists. Furthermore, the attempted analysis has revealed certain trends in studies of the Bronze Age.

Keywords: paleoanthropology, craniology, osteology, craniometric, cranioscopic, osteometric, paleopathological, paleodemographic studies, kurgan burials, Republic of Kalmykia

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Bembeeva L. A. Anthropological Material from Kalmykia: A History of Research. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2023; 1: 134–169. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-134-169

Введение

Антропология — естественная наука о происхождении человека и всех его форм — зародилась как чисто биологическая дисциплина. Революционные научные труды Карла Линнея и Чарльза Дарвина пробудили интерес исследователей к изучению антропогенеза, возникновению и эволюции человека, его предков и родственников. Но по причине двойственной сущности человека — биологической и социальной — место антропологии в системе наук особое: она тесно связана с целым рядом и гуманитарных, и естественных наук. Разделы физической антропологии примыкают к анатомии, медицине, генетике, истории и географии. Исследования антропологов традиционно распространяются на эти дисциплины [[Виноградов 2016: 24–27](#)].

Как самостоятельная наука антропология возникает поздно — в конце XVIII – в начале XIX столетия. Во многих странах Западной Европы основания антропологических обществ датируются 1860-ми гг.: в 1859 г. — во Франции, в 1863 г. — в Англии, в 1869 г. — в Германии и Австрии. В России первым антропологическим обществом можно считать антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, основанный в 1864 г. Организатором отдела являлся А. П. Богданов, который внес неоценимый вклад в развитие антропологических исследований в России и собрал огромный материал по краииологии восточноевропейских народов [[Алексеев 1969: 11](#)].

Объективно осветить и реконструировать процессы формирования древних культурных образований невозможно без привлечения данных антропологической науки, без материалов, накопленных более чем за столетнюю историю изучения объектов археологии. Именно этот период характерен активным изучением

археологических памятников в Нижнем Поволжье: Саратовской, Волгоградской (Сталинградской), Астраханской областях, а также в Республике Калмыкия. Краниологические исследования накопленных во время археологических раскопок антропологических материалов отражены в ставших уже классическими трудах отечественных антропологов Г. Ф. Дебеца, Л. Г. Вуич, В. В. Гинзбурга, Н. М. Глазковой и В. П. Чтецова, Б. В. Фирштейн, А. В. Шевченко. Они позволяют выявить хронологические периоды в изучении антропологического состава народов мира и осуществить сравнение антропологических особенностей современных и древних людей [Перерва, Дьяченко 2019: 206–207].

Цель данного исследования — осветить историю изучения антропологических материалов с территории Республики Калмыкия.

Материалы и методы

В разные исторические периоды конкретный исследователь играет важную роль в развитии и сохранении традиций становления научного направления. В данной работе были рассмотрены следующие статьи и монографии отечественных антропологов и исследователей: [Фирштейн 1967; Шевченко 1974; Шевченко 1986; Хохлов 1999; Хохлов 2001; Балабанова, Хохлов 2002; Хохлов, Борущкая 2004; Хохлов 2006; Казарницкий 2012; Балабанова, Перерва 2017; Бембеева, Лиджикова 2022]. Выбранные материалы с разной степенью подробностей описывают результаты изучения антропологических материалов с территории Республики Калмыкия.

В исследовании были применены следующие методы: нарративный (описательно-повествовательный), так как описание собранных источников и обобщение данных важны для первичного анализа, и исторический (историко-генетический), с помощью которого рассматривается всякое явление в его развитии.

Этапы изучения антропологического материала с территории Республики Калмыкия

Первый этап

Первый этап начинается с 1967 г. и заканчивается 1990-ми гг. Впервые антропологические материалы из Калмыкии были описа-

ны в работе Б. В. Фирштейн [Фирштейн 1967: 100–140]. Автор провела исследование коллекции из довоенных раскопок разных лет в Калмыцкой АССР, хранившейся в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР вместе с антропологическими материалами из раскопок на территории Волгоградской и Саратовской областей. Серия из Калмыцкой АССР включала в себя материал разной степени сохранности и состояла из семи мужских, шести женских и детского черепа из курганных могильников *Хурул Ханата-1929*, *Элиста-2-1930/1932*, *Три брата-1933/1936*, *Цаган-Эльсин-1937*¹. Все они были отнесены авторами раскопок к катакомбным погребениям. Четыре черепа из этой серии были определены Б. В. Фирштейн как искусственно деформированные, причем у двух мужских форма деформации — лобно-затылочная, кольцевая, а два женских черепа, имеющих признаки деформации, представлены обломками мозговых коробок. Помимо краниологических материалов, автором были исследованы три костяка. Рост двух из них как по формуле Пирсона, так и по формуле Троттер и Глезер, — большой: *Три брата-1934*: 171,4 см и 173 см; *Три брата-1935*: 174,1 см и 177,9 см. Рост третьего костяка (*Элиста-2-1931*) по обеим формулам ниже среднего: 162,3 см и 164,1 см. В таблицу индивидуальных измерений были включены 10 черепов: 7 мужских и 3 женских. Исследованные черепа отнесены Б. В. Фирштейн к европеоидной расе, в пределах которой выделяются средиземноморский, протоевропеоидный, андроновский типы и близкие к ним (см. табл. 1).

При сравнении с краниологическими материалами из Волгоградской области (могильники *Бережновка*, *Усть-Грязнуха*) обнаружилось сходство с черепами из могильников у с. Усть-Грязнуха: по суммарной средней черепа из Калмыцкой АССР — мезокранные, как и черепа *Усть-Грязнухи*, где встречаются мезокранные и брахикранные черепа. В то время как черепа из *Бережновки*, в основном, долихокранные, более крупные и высокие, профилированные в горизонтальной плоскости.

¹ Здесь и далее применяются археологические шифры из полевых отчетов: название могильника, № группы (если имеется информация), год или годы раскопок (например, с 1934 г. по 1936 г.).

Череп из *Бережновки* и Калмыцкой АССР сближает наличие в обеих группах искусственно деформированных черепов и некоторое количество морфологически сходных типов.

При сравнении с черепами катакомбного времени из Запорожской области отмечается преобладание долихокраничных вариантов и отсутствие искусственно деформированных черепов, что определенно говорит о промежуточном положении по средним данным между катакомбными черепами из *Бережновки* и из Калмыцкой АССР.

Сопоставление черепов катакомбной культуры с синхронными черепами андроновской культуры из Казахстана и Минусинского края выявило сходство группы из Калмыцкой АССР с андроновской из Казахстана по основным диаметрам мозговой коробки и по ее форме (черепной указатель 76,8 и 76,4). От андроновских черепов из Минусинского края она отличается менее крупной черепной коробкой. По лицевым признакам у сравниваемых групп отмечается сходство и отличие. Но катакомбные черепа из *Бережновки* менее сходны с черепами андроновской культуры Казахстана и Минусинского края, чем черепа из Калмыкии и *Усть-Грязнухи* Волгоградской области.

Таким образом, Б. В. Фирштейн, проведя краниметрические исследования черепов из раскопок на территории Калмыкии, Волгоградской и Саратовской областей, делает следующие выводы:

— население катакомбной культуры на территории Волгоградской области и Калмыцкой АССР относится к европеоидной расе. На левобережье Волги (Бережновские могильники) основным типом населения в это время был долихомезокраничный с преобладанием долихокраничного, а на правобережье (могильники у с. Усть-Грязнуха) отмечен мезобрахикраничный тип. В Калмыкии при явном преобладании долихомезокраничного типа отмечен также и брахикраничный европеоидный тип;

— часть населения катакомбной культуры, возможно, определенные ее племена, имели обычай искусственно деформировать голову. Наблюдается два типа деформации: 1) «башенная» форма, при которой череп очень высокий, лобная и затылочная кости

Таблица 1. Исследования антропологических материалов с территории Республики Калмыкия, проведенные Б. В. Фирштейн и А. В. Шевченко

№ п/п	Могильник (название, группа, год раскопок)	Всего черепов	Культура ¹		
			Я	ПЯ	ВМК
1	<i>Хурул Ханата-1929</i>	1	—	—	1 (М) ²
2	<i>Элиста-2-1931/1932</i>	3	—	—	3 (М)
3	<i>Три Брата-1934/1936</i>	5	—	—	3 (М) 2 (Ж) ³
4	<i>Цаган-Эльсин-1937</i>	1	—	—	1 (Ж)
5	<i>Архара-1962</i>	5	1 (М)	—	3 (Ж)
6	<i>Лола-2-1963</i>	4	1 (М)	—	1 (Ж)
7	<i>Элиста-1964</i>	11	—	—	7 (М) 3 (Ж)
8	<i>Восточный Маныч-1-1965</i>	43	10 (М) 5 (Ж)	1(М)	12 (М) 8 (Ж)
9	<i>Восточный Маныч-2-1965</i>	31	6 (М) 5 (Ж)	1(М)	8 (М) 4 (Ж)
10	<i>Восточный Маныч-3-1965</i>	25	2 (М) 2 (Ж)	1(М)	3 (М) 6 (Ж)
11	<i>Чограйский-4-1986</i>	1	1 (М)	—	—
12	<i>Чограйский-6-1986</i>	3	—	—	—
13	<i>Чограйский-8-1986</i>	3	—	—	2 (М) 1 (Ж)
	ИТОГО	136	33	3	68

¹ Культура: Я — ямная; ПЯ — поздняя; ВМК — восточноманычская, катакомбная; РК — раннекатакомбная; ЯК — ямно-катакомбная; СК — северо-кавказская.

² (М) — мужских черепов.

³ (Ж) — женских черепов.

[Table 1. Studies of anthropological material from Kalmykia's sites conducted by B. Firshtein and A. Shevchenko]

Культура ¹			Характер исследований	Автор исследований
ЯК	РК	СК		
—	—	—	краниометрические	Б. В. Фирштейн [Фирштейн 1967]
—	—	—	краниометрические и остеометрические	
—	—	—	краниометрические и остеометрические	
—	—	—	краниометрические	
1 (Ж)	—	—	краниометрические	А. В. Шевченко [Шевченко 1974; Шевченко 1986]
—	1 (М)	1 (Ж)	краниометрические	
1 (Ж)	—	—	краниометрические	
1 (М)	1 (М) 2 (Ж)	2 (М) 1 (Ж)	краниометрические	
—	5 (М) 2 (Ж)	—	краниометрические	
3 (М) 4 (Ж)	3 (М)	1 (М)	краниометрические	
—	—	—	краниометрические	
—	3 (М)	—	краниометрические	
—	—	—	краниометрические	
10	17	5		

уплощены, вытянуты вверх и совершенно не имеют характерного для них изгиба; 2) «конусовидная» — череп вытянут назад, причем лоб сильно наклонен, а затылочная кость уплощена и вытянута вверх;

— сходство с черепами андроновской культуры из Казахстана свидетельствует о связях племен Нижнего Поволжья с племенами, обитавшими к востоку от Волги, на территории Западного Казахстана, где андроновский тип зафиксирован в синхронное время [Фирштейн 1967: 109–114].

В настоящее время эта работа Б. В. Фирштейн стала уже классической в трудах отечественных антропологов наряду с работами А. В. Шевченко.

Большой вклад в изучение палеопопуляций Нижнего Поволжья и, в частности, Калмыкии внес А. В. Шевченко. Он провел анализ первой репрезентативной серии черепов, полученных в ходе археологических раскопок курганной группы *Восточный Маныч* в 1965–1967 гг. и насчитывающих более 100 единиц [Шевченко 1974: 199–205]. При распределении материала, согласно определениям культурной принадлежности, сделанным авторами раскопок, на три группы: ямную, катакомбную и ямно-катакомбную, были определены отчетливые различия между ямными и катакомбными группами. Отмечена часто встречаемая особенность катакомбной выборки — искусственная деформация черепа кольцевого и лобно-затылочного типа. Морфология катакомбной и ямной групп черепов подтверждает мнение авторов раскопок об отсутствии генетических связей между этими культурами. Ямно-катакомбная группа, занимающая промежуточное положение, имеет признаки метисного происхождения. Затем эта же серия черепов была разделена на шесть групп согласно периодизации В. А. Сафронова и проведен анализ каждой группы¹ [Сафронов 1974: 23–173].

Более подробно краниологическая серия из Калмыкии была проанализирована А. В. Шевченко в работе «Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы» [Шевченко 1986:

¹ В серии отсутствует VII группа, включающая в себя черепа из срубных погребений.

121–215], дополненная антропологическими материалами из могильников астраханского правобережья Волги. Здесь более подробно рассмотрены черепа, сгруппированные в соответствии с классификацией В. А. Сафронова, допускающей более дробную их разбивку, не укладывающуюся в рамки городцовой триады (ямной, катакомбной, срубной культур) [Городцов 1916: 5–102] (см. табл. 1).

I группа, состоящая из погребений древнеямной культуры, представлена 30 мужскими и 4 женскими черепами. В группе выделены три краниологических типа численностью от 4 до 12 черепов.

Тип А выделяется необычайно крупными размерами мозговой капсулы и лица со следующей морфологической характеристикой: умеренно мезокранная, очень длинная и столь же широкая, необычайно высокая черепная коробка с громадными широтными размерами основания и затылка, с очень широким, покатым лбом и широкими, но очень высокими, несильно выступающими носовыми костями.

Тип В заметно отличается от первой группы меньшей матуризацией. Морфологическая характеристика этого типа: короткая, широкая средневысокая черепная коробка, резко брахикранная, со среднешироким, прямым лбом; широкое, низкое, умеренно ортогнатное лицо с абсолютно узким, мезоринным носом, с очень низкими орбитами.

Тип С по большинству морфологических признаков располагается между двумя другими и чаще эта серия заметно сдвинута в сторону показателей одной из них. Так, по конструкции мозговой капсулы ближе к черепам первой, а по размерам и пропорциям лица — второй. Однако, выдвигая гипотезу метисного происхождения краниологического типа С, характерную для кладбищ эндогамных коллективов, А. В. Шевченко приводит много фактов, противоречащих такому предположению. Малая величина ареала, отсутствие естественных препятствий и достаточно большая плотность населения исключает возможность существования здесь в ямное время географической изоляции. В работе представ-

лен опыт реконструкции социально-демографических отношений у ямников Калмыкии.

II группа — погребения «северокавказской» культуры — представлена 6 мужскими черепами. В погребениях II группы встречаются все виды ориентировок [Сафронов 1974: 70–71], что указывает, видимо, на ее сложное происхождение. Даже в коллективных погребениях костяки направлены часто в разные стороны: восток и запад, восток и юг, — но вряд ли стоит объяснять это различием пола погребенных [Марковин 1960: 51]. В среднем эта серия не менее гиперморфна, чем древнеямная и, на первый взгляд, отличается от нее незначительно, как считает А. В. Шевченко. По 7 признакам, обладающим наибольшими разграничительными возможностями, им были выделены две выборки по 3 черепа в каждой, различающиеся по средним величинам большинства признаков не менее чем на одну «стандартную» сигму. Создается впечатление, что здесь наблюдается процесс биологического смешения.

III и IV группы — ямно-катакомбное время — включают в себя погребения синкретического, ямно-катакомбного и «северокавказско-катакомбного» облика. В. А. Сафронов помещает их в один стратиграфический горизонт, предполагая их сосуществование в калмыцких степях [Сафронов 1974: 90–92]. Поздние ямники III группы погребений представлены в серии 10 мужскими и 6 женскими недеформированными черепами, а также двумя искусственно деформированными — мужским и женским из одного могильника (*Восточный Маныч-1-1965*). При сравнении с черепами I и II групп были сделаны выводы, что поздние ямные племена Калмыкии ни в коем случае нельзя считать прямыми потомками ранних. Зато многие черты сближают их с новосвободненцами (могильник *Клады-1980*, Адыгея), некоторыми группами западных ямников, ранними «северокавказцами» и катакомбниками, согласно А. В. Шевченко. Поздние «северокавказцы» IV группы представлены в серии 7 мужскими черепами и выглядят вполне однородно. По комплексу основных краниологических признаков эта группа является морфологическим аналогом типа С, предположительно метисного происхождения. Особенно они близки к ямникам астраханского правобережья Волги.

V группа — погребения катакомбной культуры — представлена в серии двумя краниологическими выборками:

- 22 недеформированных черепа (18 мужских и 4 женских);
- 26 искусственно деформированных черепов (11 мужских и 15 женских).

Довольно высокая внутригрупповая изменчивость признаков в первой выборке свидетельствует о ее антропологической неоднородности, как считает А. В. Шевченко. Здесь присутствуют два локальных варианта одного и того же резко долихокранного краниологического типа, но два черепа (*Лола-1-1961/1963: 5/5*¹; *Восточный Маныч-1-1966: 17/3*) принадлежат к типу В, а череп из могильника *Восточный Маныч-1-1966: 14/6* — к типу С. Вторая выборка, включающая в себя деформированные черепа, также характеризуется внутригрупповой изменчивостью. Но, несмотря на сложный антропологический состав катакомбников, которые практиковали обычай искусственной деформации головы, мужские и женские черепа сходны между собой по одним и тем же компонентам.

VI группа — группа вытянутых костяков в катакомбах или позднесеверокавказская культура — представлена в серии тремя мужскими черепами (*Восточный Маныч-2-1966: 42/3*; *Восточный Маныч-3-1966: 9/10 и 17/1*), считается родственной (однокультурной) V группе и помещена в один стратиграфический и хронологический горизонт [Сафронов 1974: 104]. В. А. Сафронов считает, что население этой группы пришло из Нижнего Поволжья, испытав там сильнейшее культурное влияние со стороны срубников, сказавшееся на их погребальном обряде, и сменило на территории Калмыкии V группу. Один из трех черепов (*Восточный Маныч-3-1966: 17/1*) по большинству таксономически важных признаков существенно отличается от двух других и определен как древний грацильный вариант уральской расы. Ранее на территории Калмыкии такие черепа не встречались. Два других черепа по морфологическим признакам тоже разнятся: один — максимально европеоидный,

¹ Здесь и далее нумерация кургана и погребения приводится также, как в полевых отчетах: 5/5 — это курган 5 погребение 5.

другой — с ослабленными европеоидными чертами. Но по своей краниологической характеристике соответствуют балтскому типу шнуру-керамической культурно-исторической общности.

Многие выводы, сделанные в процессе исследования, носят, по мнению А. В. Шевченко, дискуссионный характер и нуждаются в проверке новыми палеоантропологическими материалами и новыми историческими фактами [Шевченко 1986: 206].

1970–1990 гг. на территории республики ознаменовались масштабными спасательными археологическими раскопками. Это время крупных «строек века» (Калмыцко-Астраханская рисовая оросительная система (КАРОС), канал Волга – Чограй (КВЧ), нефтепровод Тенгиз – Новороссийск). Был накоплен большой объем антропологических материалов из таких могильников, как: *Большой Царын-1977; Зергента-1978; Гува-2-1978; Кермен Толга-1979; Хар Нуурин Толга-1980; Иджил-2-1981; Джангар-1980-1981; Эвдык-1982-1983; Дюкер-1982; Ергенинский-1981–1982; Улан Толга-1985; Шолмун Толга-1985; Ики-Зегиста-1986; Чограйский-1986; Цаган-Усн-1987; Яшкуль-1986; Канал Волга – Чограй-1988; Цаган-Нур-1989; Утта-Привольное-1989; Улан-Зуха-1990; Хар-Зуха-1991; Зунда-Толга-1994–1995*, хранящихся сейчас в фондах КалмНЦ РАН.

Здесь необходимо отметить большую заинтересованность А. В. Шевченко в развитии антропологических исследований калмыцких материалов. Он на протяжении многих лет лично приезжал в Калмыкию для исследования антропологических материалов, полученных в ходе археологических раскопок. Отмечая уникальную сохранность костных материалов, уже тогда он предлагал создать фондохранилище остеологических материалов на базе Калмыцкого института общественных наук. Им были проведены краниологические измерения на большом количестве антропологического материала, составлены антропологические отчеты по некоторым исследованным археологическим памятникам. К сожалению, большинство из этих исследований, как и археологических отчетов тех времен, так и не было опубликовано. Но сохранившиеся в фондах отдела антропологии Музея антропологии и

этнологии краниологические бланки с измерениями, заполненные А. В. Шевченко, были изданы А. А. Казарницким [[Шевченко 2009: 235–267](#)].

Первый период характеризуется доминированием индивидуально-типологического подхода при описании скелетных серий и базируется в основном на изучении краниологических выборок. Для изучения антропологических материалов он является временем накопления костных останков. Именно в этот период была собрана большая часть коллекции остеологических материалов, хранящейся в Калмыцком научном центре РАН.

Второй этап

Второй этап в изучении антропологических материалов с территории Республики Калмыкия начался после почти десятилетнего перерыва и связан в основном с современными археологическими раскопками периода 1998–2009 гг. [[Бембеева, Очир-Горяева 2021: 8–53](#)]. Современный этап охватывает период с конца 90-х гг. прошлого столетия по настоящее время.

В антропологических исследованиях этот этап характерен новым комплексным подходом к анализу антропологических источников, который основан на популяционном подходе с применением различных измерительных методик и неметрических программ исследования. При анализе антропологических материалов, помимо изучения морфологических особенностей у древнего населения, решаются и другие специфические проблемы: поиск решения проблем происхождения древнего населения в том или ином регионе, проблемы расогенеза, оценка палеодемографических и палеопатологических особенностей и т. д. В отличие от исследований советского и постсоветского периодов наряду с краниологическими материалами большое внимание уделяется костям посткраниального скелета. Остеологические материалы являются важнейшим источником информации для оценки морфологического облика древнего человека и особенностей его телосложения. Изучение болезней и патологий, а также маркеров стресса, оставивших свой след на костях скелета в целом, могут нам дать общую картину качества жизни исследуемой общности (см. табл. 2).

Таблица 2. Исследования антропологических материалов с территории Республики Калмыкия, проведенные в современный период

№ п/п	Могильник (название, группа (если есть), год раскопок)	Культура				
		Всего черепов	Ямная	Кагакомбная	Ямно-кагакомбная	Северо-кавказская
1	<i>Му-Шарет-1-1998/1999</i>	7	2 (М)	—	1 (Ж)	2 (Д) ¹
2	<i>Му-Шарет-4-1998/1999</i>	14	3 (М) 1 (Ж) 1 (Д) 1 (?) ²	1 (М)	—	—
3	<i>Манджикины-1-1998</i>	6	1 (М) 1 (Ж)	—	—	—
4	<i>Островной-2000</i>	53	1 (М) 1 (Ж) 1 (?)	5 (М) 5 (Ж) 2 (Д)	—	2 (М) 1 (Д)
5	<i>Малые Дербеты-2-2007</i>	23	—	2 (М) 6 (Ж) 9 (Д)	1 (М) 1 (Ж)	—
6	<i>Эвдык-1-1982/1983; Канал Волга – Чограй. Озерки-1988; Цаган-Нур-1989</i>	71	—	32 (М) 16 (Ж) 23 (Д)	—	—
	ИТОГО	174	13	101	3	5

¹ (Д) — детских черепов.

² (?) — половозрастное определение затруднено из-за плохой сохранности костяка.

[Table 2. Contemporary studies of anthropological material from Kalmykia's sites]

Культура			Характер исследований	Автор исследования
Срубная	Ранний железный век	Эпоха средневековья		
—	1 (М)	1 (Ж)	Краниоскопические, краниометрические	А. А. Хохлов [Хохлов 2001]
1 (М)	2 (М) 1 (Ж) 1 (Д)	2 (Ж)	Краниоскопические, краниометрические	
3 (М)	1 (М)	—	Краниоскопические, краниометрические, остеометрические	А. А. Хохлов, С. Б. Боруцкая [Хохлов, Боруцкая 2004]
6 (М) 1 (Ж) 7 (Д)	9 (М) 3 (Ж) 6 (Д) 2 (?)	1 (Ж)	Краниоскопические, краниометрические	М. А. Балабанова, А. А. Хохлов [Балабанова, Хохлов 2002]
—	1 (Ж)	2 (М) 1 (Ж)	Краниоскопические, остеометрические, палеопатологические	М. А. Балабанова, Е. В. Перерва [Балабанова, Перерва 2017]
—	—	—	Краниоскопические, палеодемографические, палеопатологические	Л. А. Бембеева, Т. В. Лиджикова [Бембеева, Лиджикова 2022]
18	27	7		

А. А. Хохлов, проанализировав морфологические особенности представителей ямной культуры Калмыкии, делает вывод о наличии в степях Прикаспия особого очага расогенеза. Резкое отличие ямников Калмыкии своим обликом (брахикrania в сочетании с широким и относительно низким лицом) от других носителей ямных традиций автор связывает с хвалынским населением, а также проникновением в состав древнеямного субстрата какого-то еще неизвестного антропологического компонента [Хохлов 2006: 136–146].

Существенное значение для понимания специфики образа жизни древних популяций имеют данные палеопатологических исследований. Палеопатология в настоящее время благодаря исследованиям и разработанным в этой области методикам А. П. Бужиловой [Бужилова 1995; 2005], М. Б. Медниковой [Медникова 1995] и др. из вспомогательного инструмента в рамках отечественной антропологии стала независимым научным направлением. В этой связи следует отметить работы антропологов А. А. Хохлова [Хохлов 2001: 94–99], М. А. Балабановой, А. А. Хохлова [Балабанова, Хохлов 2002: 245–258], М. А. Балабановой, Е. В. Перервы [Балабанова, Перерва 2017: 34–43], где, помимо половозрастных характеристик погребенных, дается описание заболеваний и патологических изменений на костях черепа и посткраниального скелета. В антропологических материалах из могильников *Островной-2000*, *Му-Шарет-1*, *4-2004*, *Малые Дербеты-2-2007* были обнаружены следы разнообразных заболеваний: остеохондроз, спондилез, пороз и периостатит длинных костей скелета, а также патологии зубочелюстной системы и т. д.

В работе А. А. Хохлова и С. Б. Боруцкой при исследовании костяков из погребений эпохи бронзы могильника *Манджикины-1-1998/2000* были отмечены массивные кости нижних конечностей и позвоночника, широкие плечи. Резко развитый мышечный рельеф костей и пояса верхних конечностей авторы объясняют особыми физическими нагрузками, выпадающими на плечевой пояс. При этом средний рост у мужчин составляет 173–185 см, женщин — 160 см [Хохлов, Боруцкая 2004: 218–219].

Анализ научных публикаций современных антропологов выявил закономерность, которая заключается в том, что все работы были основаны на анализе антропологических материалов какого-либо одного конкретного могильника, исследованного на территории Республики Калмыкия¹. В этой связи интерес представляют исследования А. А. Казарницкого в работе «Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк)». Автор исследовал процесс формирования человеческих популяций эпохи бронзы в степях юга Восточной Европы на основе максимально возможного количества антропологических источников. В своих исследованиях А. А. Казарницкий опирался на краниологические измерения, сделанные А. В. Шевченко, а также на материалы современных работ, посвященных исследованиям антропологических материалов с территории Калмыкии [Хохлов 1999; Хохлов, Мимоход 2008; Балабанова, Хохлов 2002], и собственные исследования антропологических материалов, сохранившихся в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН (ныне — Калмыцкий научный центр РАН). Были пересмотрены некоторые аспекты палеоантропологии древнего населения этой территории с учетом новых методов, новой периодизации, новых и неопубликованных старых материалов [Казарницкий 2012: 5–254] (см. табл. 3).

Автором была сформирована серия из 6 мужских черепов, в которую вошли черепа носителей майкопской культуры из могильников: *Канал Волга – Чограй-1967: 13/5, 6/12; Эвдык-1-1982: 4/20; Манджикины-1-2000: 14/13; Зунда-Толга-1994: 1/13а, 1/14*, и 3 женских черепа из могильников: *Восточный Маныч-3-1966: 16/13; Восточный Маныч-1-1967: 19/8; Зунда-Толга-1995: 2/2*. В эту серию были включены два черепа новосвободненской культуры, представленные мужским черепом из могильника Эв-

---

¹ Исключением является работа А. А. Хохлова «О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-Западного Прикаспия», в которой были исследованы представители ямной культуры на территории Калмыкии [Хохлов 2006: 136–146].

Таблица 3. Исследования антропологических материалов с территории Республики Калмыкия, опубликованные А. А. Казарницким [Казарницкий 2012; Шевченко 2009]

№ п/п	Могильник (название, группа (если есть), год раскопок)	Всего черепов	Культура		
			Майкопская	Ямная	Ранне-катакомбная
1	<i>Архара-1962</i>	4	—	—	—
2	<i>Лола-2-1963</i>	2	—	—	1 (М)
3	<i>Элиста-1964</i>	11	—	—	—
4	<i>Восточный Маныч-1-1965</i>	48	1 (Ж)	10 (М) 5 (Ж)	3 (М) 3 (Ж)
5	<i>Восточный Маныч-2-1965</i>	30	—	6 (М) 5 (Ж)	5 (М) 2 (Ж)
6	<i>Восточный Маныч-3-1965</i>	28	1 (Ж)	3 (М) 3 (Ж)	3 (М)
7	<i>Чограйский-3-1986</i>	1	—	1 (М)	—
8	<i>Чограйский-4-1986</i>	2	—	1 (М)	—
9	<i>Чограйский-5-1986</i>	3	—	1 (М)	—
10	<i>Чограйский-6-1986</i>	4	—	—	3 (М)
11	<i>Чограйский-8-1986</i>	3	—	—	—
12	<i>Гува-2-1975</i>	1	—	—	—
13	<i>Заханата-1976</i>	2	—	—	—
14	<i>Большой Царын-1977</i>	1	—	—	—
15	<i>Зергента-1-1978</i>	1	—	—	—
16	<i>Кермен Толга-1979</i>	1	—	—	—
17	<i>ХарНуурин Толга-1980</i>	2	—	1 (М) 1 (Ж)	—
18	<i>Иджил-2-1981</i>	1	—	1 (М)	—
19	<i>Джангар-1981</i>	1	—	—	—
20	<i>Ергенинский-1981/1982</i>	9	—	—	—

[Table 3. Studies of anthropological material from Kalmykia's sites published by A. Kazarnitsky]

Культура				Характер исследований
Ямно-катакомбная	Катакомбная	Лопинская	Срубная	
1 (Ж)	3 (Ж)	—	—	краниометрические
-	1 (Ж)	—	—	краниометрические
1 (Ж)	7 (М) 3 (Ж)	—	—	краниометрические
3 (М)	14 (М) 8 (Ж)	1 (Ж)	—	краниометрические
—	6 (М) 5 (Ж)	1 (М)	—	краниометрические
4 (М) 4 (Ж)	3 (М) 6 (Ж)	1 (Ж)	—	краниометрические
—	—	—	—	краниометрические
1 (М)	—	—	—	краниометрические
2 (Ж)	—	—	—	краниометрические
—	1 (М)	—	—	краниометрические
—	2 (М) 1 (Ж)	—	—	краниометрические
—	—	—	1 (М)	краниометрические
—	—	—	2 (М)	краниометрические
—	—	—	1 (М)	краниометрические
—	—	—	1 (М)	краниометрические
—	—	—	1 (М)	краниометрические
—	—	—	—	краниометрические
—	—	—	—	краниометрические
—	—	—	1 (М)	краниометрические
—	7 (М) 2 (Ж)	—	—	краниометрические

№ п/п	Могильник (название, группа (если есть), год раскопок)	Всего черепов	Культура		
			Майкопская	Ямная	Ранне-катакомбная
21	<i>Эвдык-1-1982/1983</i>	19	1 (М) 2 (М/ Ж) ¹	3 (М)	—
22	<i>Улан-Толга-1985</i>	2	—	1 (М)	—
23	<i>Шолмун-Толга-1985</i>	2	—	1 (М)	—
24	<i>Ики-Зегиста-1986</i>	1	—	—	—
25	<i>Яшкуль-1986</i>	3	—	—	—
26	<i>Цаган-Усн-3-1987</i>	1	—	—	—
27	<i>Цаган-Усн-4-1987</i>	1	—	1 (М)	—
28	<i>Цаган-Усн-5-1987</i>	3	—	1 (М) 1 (Ж)	—
29	<i>Цаган-Усн-7-1987</i>	3	—	2 (М)	—
30	<i>Цаган-Усн-8-1987</i>	2	—	—	—
31	<i>Цаган-Усн-10-1987</i>	1	—	—	—
32	<i>Канал Волга – Чограй-259-1985</i>	1	—	1 (Ж)	—
33	<i>Канал Волга – Чограй-37-1985</i>	2	—	1 (М)	—
34	<i>Канал Волга – Чограй-53-1985</i>	1	—	1 (М)	—
35	<i>Канал Волга – Чограй-56-1985</i>	17	2 (М)	5 (М)	—
36	<i>Цаган-Нур-1989</i>	11	—	1 (Ж)	—
37	<i>Хар-Зуха-1991</i>	4	—	—	2 (М) 1 (Ж)
38	<i>Зунда-Толга-1994/1995</i>	5	2 (М) 1 (Ж)	1 (Ж)	—
39	<i>Манджискины-1-1998/2000</i>	6	1 (М)	—	—
40	<i>Островной-2000</i>	6	—	—	—
41	<i>Кевюды-1-2001</i>	1	—	—	—
	ИТОГО	247	11	58	23

¹ Новосвободненский тип.

Культура				Характер исследований
Ямно-катакомбная	Катакомбная	Лолинская	Срубная	
1 (Ж)	8 (М) 4 (Ж)	—	—	краниометрические
—	—	—	1 (М)	краниометрические
—	—	—	1 (М)	краниометрические
—	—	—	1 (М)	краниометрические
—	3 (М)	—	—	краниометрические
—	1 (Ж)	—	—	краниометрические
—	-	—	—	краниометрические
—	1 (М)	—	—	краниометрические
—	—	1(М)	—	краниометрические
—	1 (М) 1 (Ж)	—	—	краниометрические
—	1 (М)	—	—	краниометрические
—	—	—	—	краниометрические
—	1 (Ж)	—	—	краниометрические
—	—	—	—	краниометрические
—	6 (М) 4 (Ж)	—	—	краниометрические
—	6 (М) 3 (Ж)	—	1 (М)	краниометрические
—	—	1 (М)	—	краниометрические
—	1 (Ж)	—	—	краниометрические
—	—	4 (М) 1 (Ж)	—	краниометрические
—	—	3 (М) 3 (Ж)	—	краниометрические
—	—	1 (М)	—	краниометрические
17	110	17	11	

дык-1-1982: 4/22 и женским — *Эвдык-1-1982: 5/11*¹. Майкопская археологическая культура, датируемая 4 тысячелетием до н. э., широко известна как яркий феномен эпохи бронзы Восточной Европы с центром распространения в предгорьях Северного Кавказа, бассейне реки Кубань и ее притоков [Мунчаев 1994: 158–225]. Редкие майкопские погребения на территории Калмыкии отражают проникновение носителей этой культуры далеко в степь [Шишлина 2007: 164–173]. По данным межгруппового сопоставления со всеми сериями, черепа майкопской культуры отличаются от всех задействованных в каноническом анализе групп синхронного и более позднего восточно- и южно-европеоидного населения и оставлены особой группой населения, не связанной генетически с представителями местной ямной культуры.

В исследовании А. А. Казарницкого краниометрические исследования населения ямной культуры из вышеуказанных могильников Калмыкии позволяют охарактеризовать их следующим образом. Мужская серия в целом имеет ряд существенных общих черт: длинная, высокая и широкая мезобрахикранная коробка; невысокое и широкое лицо, резко профилированное в горизонтальной плоскости; низкие и широкие орбиты; очень высокое переносье, очень сильно выступающий нос. Женская серия имеет крупную брахикранную черепную коробку, невысокое и очень широкое лицо, менее профилированное на среднем уровне, чем у мужской, но со столь же сильно выступающим носом и высоким переносьем.

Черепы из раннекатакомбных погребений Калмыкии вне зависимости от пола обнаруживают очевидное сходство с предшествующим ямным населением той же территории, что, с учетом совпадения ареалов, вполне уместно трактовать как генетическое родство. То же, по большому счету, можно сказать и о женской ямно-катакомбной группе, в то время как особенности мужских черепов этой серии объясняются смешением населения ямной и

---

¹ Новосвободненская культура имеет своеобразный характер по погребальному обряду, но все же является вариантом майкопской культуры [Корневский 2004: 53].

катакомбной культур вследствие их продолжительного сосуществования на одной территории.

Ввиду многочисленности серии черепов, представляющих носителей восточно-маньчской катакомбной культуры, А. А. Казарницкий разделил их по географическому принципу на три выборки: южную, северную и центральную с западной частью территории современной Калмыкии.

Юг Калмыкии представлен в работе серией из 26 мужских и 20 женских черепов из могильников *Восточный Маньч-1, 2, 3-1965/1967; Чограйский-6, 7-1986*. Из них 9 мужских и 14 женских черепов несут на себе следы лобно-затылочной или кольцевой искусственной деформации. Для всей мужской краниологической выборки общими являются черты, известные в сериях предшествующего периода ранней бронзы: резкая горизонтальная профилированность лицевого скелета, очень высокое переносье, очень сильное выступление носовых костей, низкие и широкие хамеконхные орбиты, среднеширокий и средневысокий мезоринный нос. При этом отмечаются новые морфологические характеристики, такие как долихокrania и относительно более узкое лицо. Женская выборка столь же неоднородна, как и мужская, причем вне зависимости от деформации, что в определенной мере можно принять как косвенный аргумент против генетической (брачной) изоляции носителей традиции целенаправленного изменения формы головы. Здесь также встречаются черепа с новым для этого региона комплексом признаков: более узким и резко профилированным лицом в сочетании в долихокранией. При этом значительная часть выборки представлена мезо- и брахикранными вариантами с большими широтными размерами лицевого отдела. Для всех черепов отмечены и общие черты: резкая горизонтальная профилированность лица, высокое переносье, мезоринный и очень резко выступающий нос.

Северная часть территории современной Калмыкии представлена преимущественно мужскими сериями. Было исследовано 20 мужских черепов носителей восточноманьчской катакомбной культуры из трех крупных могильников: *Ергенинский-1981/1982*,

Эвдык-1-1982/1983, Цаган-Нур-1989. Искусственная деформация головы здесь встречена лишь в одном случае. В этой выборке, как и в южной, прослеживаются новые морфологические особенности: долихокrania в сочетании с более узким ортогнатным лицом. Однако большие поперечные размеры мозгового и лицевого отделов, а также мезогнатность отдельных черепов из могильника *Эвдык* свидетельствуют о неоднородности серии. Этому могло способствовать и оставшееся на данной территории население ямной культуры. В целом же результаты проведенного анализа говорят об очевидных изменениях в морфологии черепов северной части Калмыкии, произошедшие в период средней бронзы.

Краниометрия черепов центральной и западной части Калмыкии из могильников: *Элистинский-1965; Яшкуль-1986; Цаган-Усн-5, 10-1987; Канал Волга – Чограй-56-1988*, приводится в таблице индивидуальных измерений, но ввиду малочисленности серии в работе нет обобщенной характеристики.

В качестве первой попытки поиска вероятного исходного ареала нового для калмыцких степей морфологического комплекса эпохи средней бронзы в работе приводятся индивидуальные измерительные данные недеформированных черепов, происходящих из синхронных могильников соседних регионов — Ростовской и Волгоградской областей, расположенных к западу и северо-западу от Калмыкии. Проведенные исследования мужских краниологических серий Ростовской области обнаруживают те же особенности, что и в калмыцких выборках. Это позволяет рассматривать степи Калмыкии и Ростовской области как единый регион, на территории которого в эпоху средней бронзы зафиксировано появление нового для этих мест морфологического комплекса, сочетающего долихо- и гипердолихокранию с более высоким и менее широким, резче профилированным в горизонтальной плоскости ортогнатным лицом. Неоднородность мужской краниологической выборки свидетельствует о смешении пришлой и субстратной популяций. Установлена географическая закономерность распространения лептоморфного комплекса: от максимальной концентрации на юге Калмыкии — до минимальной в низовьях Дона. Женская выборка,

основанная на малочисленном материале, повторяет тенденцию, отмеченную в мужских выборках: преобладание долихокраничных и менее широколицых черепов на левом берегу Дона.

Таким образом, эти исследования ставят под сомнение происхождение носителей катакомбной культуры, предполагаемое А. В. Шевченко на основании их сходства с краниологическими сериями культуры шнуровой керамики Средней Европы [Шевченко 1986: 189], и позволяют предположить исходной территорией Северный Кавказ или Закавказье [Казарницкий 2012: 109–110].

Новая археологическая культура, выделенная в последние годы и получившая название лолинской [Мимоход 2002: 228–244; Мимоход 2007: 143–154], относится к VI группе погребений по классификации В. А. Сафронова и является следующей после распада восточно-катакомбной культуры. Краниологическая серия из лолинских погребений представлена 5 мужскими и 5 женскими черепами, пригодными для индивидуальных измерений из могильников: *Восточный Маныч-1, 2, 3-1965/1966; Хар-Зуха-1-1991; Манджикины-1-1999; Островной-2000; Кевюды-1-2002*. Мужская выборка характеризуется следующими параметрами: очень длинной, узкой и высокой черепной коробкой, гипердолихокраничной по черепному указателю и ортокраничной по высотно-продольному; широким, сильнонаклонным лбом; ортогнатным лицом средней высоты, резко профилированным в горизонтальной плоскости; широкими и хамеконхными орбитами; мезоринным носом средней ширины и высоты, очень сильно выступающим; среднеширокими носовыми костями и очень высоким переносьем. Женская группа, представленная только черепами из могильников южной части Калмыкии, имеет в среднем очень длинную, среднеширокую, высокую черепную коробку, долихокраничную по черепному указателю и ортокраничную по высотно-продольному; широкий и средненаклонный лоб; лицо средней высоты, широкое, мезогнатное по общелицевому углу; широкие и низкие хамеконхные орбиты; низкий нос средней ширины, хамеринный, сильно выступающий; среднеширокие носовые кости; очень высокое переносье.

При анализе катакомбно-лолинской серии для оценки масштаба внутривнутрипопуляционной изменчивости носителей лолинской культуры использовали данные о черепах из восточно-маньчжских погребений на территории Калмыкии. Исходя из результатов исследования, установили, что морфологические особенности, свойственные черепа лолинской культуры, находят близкие аналогии в краниологической серии восточно-катакомбной культуры, где часто встречаются лептоморфные долихокранные варианты. При этом можно выделить и специфическую лолинскую черту: еще более лептоморфное строение. По всей видимости, появление на территории Калмыкии и Ростовской области долихокранных черепов с неширокими, резко профилированными в горизонтальной плоскости лицами в период катакомбной культуры сохранилось и в финале средней бронзы.

Срубная культура погребений представлена серией из 11 мужских черепов из могильников на территории Калмыкии: *Большой Царын-1977*; *Гува-2-1978*; *Джангар-1980*; *Заханата-1976*; *Зергента-1-1979*; *Ики-Зегиста-1978*; *Кермен Толга-1979*; *Улан-Толга-1985*; *Шолмун-Толга-1985*; *Цаган-Нур-1989*. При сравнении с черепами лолинской культуры статистически достоверных различий не выявлено, исключение из анализа составляет единственный лолинский череп из могильника *Островной-2000: 6/5*, имеющий очень узкую черепную коробку. Внутригрупповой анализ мужских выборок из Ростовской, Астраханской областей и Республики Калмыкия позволяет предполагать морфологическую однородность с некоторыми локальными вариантами. Например, особенностью калмыцкой выборки является очень большой угол выступания носа, что отличает ее от остальных серий срубной культуры.

Таким образом, появление в краниологических сериях восточно-маньчжской катакомбной культуры нового лептоморфного краниологического комплекса постепенно приводит к широкому его распространению среди носителей лолинской культуры и полностью определяет морфологические особенности населения срубной культуры.

Постепенные изменения в морфологии черепов жителей азово-каспийских степей, произошедших на рубеже эпох ранней и средней бронзы и продолжавшиеся вплоть до начала раннего железного века, связаны, по всей видимости, с продолжительной диффузной миграцией в этот регион населения с юга, из Закавказья [Казарницкий 2012: 143].

В 2019 г. в Калмыцком научном центре РАН началась работа по формированию хранилища остеологических материалов, которое, помимо антропологической коллекции, включает в себя археозоологический материал (кости животных из погребений), а также костные останки из поселений, исследованных на территории Республики Калмыкия [Бембеева 2020; Бембеева 2020а; Бембеева 2021а]. На данный момент антропологическая коллекция насчитывает около 2 000 единиц из более 50 курганных могильников эпохи бронзы — позднего средневековья. Накопленный материал позволил перейти на новый уровень в антропологических исследованиях — палеодемографическое описание населения, проживавшего на территории современной Калмыкии и оставившего после себя такие археологические памятники, как курганные могильники.

Автором статьи совместно с младшим научным сотрудником КалмНЦ РАН Т. В. Лиджиковой был предпринят опыт реконструкции социально-демографических отношений в процессе формирования населения, проживавшего на территории Сарпинской низменности в эпоху средней бронзы [Бембеева, Лиджикова 2022: 1077–1093] (см. табл. 2). В своем исследовании авторы опирались на комплексный подход в изучении антропологических источников, включающий в себя анализ половозрастной структуры населения, оценку демографических особенностей (средняя продолжительность жизни индивидов, представленность по половой принадлежности, процент детской смертности), а также фиксацию физиологических и патологических особенностей скелета, маркеров стресса и травм. Исследуемая выборка состояла из 88 человек. Средний возраст смерти (с учетом детской смертности) в группе составил 26 лет. В результате исследования удалось определить, что для данной выборки была характерна высокая детская смерт-

ность и более долгий период жизни у мужчин, чем у женщин. Это обусловлено, вероятно, условиями жизни оседлых и скотоводческих коллективов [Алексеев 1972: 3, 20]. К числу нетипичных особенностей данной общности можно отнести сочетание довольно высокой детской смертности и двух пиков смерти в женской группе в репродуктивном возрасте, что может свидетельствовать о попытках сохранения стабильности популяции. Были проанализированы показатели уровня стрессов и физических нагрузок. Маркеры холодового стресса чаще всего встречались в мужской группе, так как они были активной частью населения. Об этом говорит и наличие физических травм и увечий, зафиксированных при изучении скелетов и относящихся к категории бытовых. Признаки эпизодических маркеров стресса свидетельствуют о том, что рацион питания данного населения в основном имел мясомолочную направленность, но ощущалась определенная нехватка минеральных веществ в детском и подростковом возрасте.

Заключение

Антропологические исследования на территории Республики Калмыкия напрямую связаны с археологическими раскопками подкурганых захоронений культурно-исторических общностей, заселявших эту территорию, начиная с эпохи бронзы (см. рис. 1).

Первые сведения о разрозненных черепах из раскопок П. С. Рыкова 1929–1933 гг. были опубликованы гораздо позже в 1967 г. Б. В. Фирштейн [Фирштейн 1967: 100–140]. Массовые раскопки в 1960–1970 гг. под руководством И. В. Сеницына и У. Э. Эрдниева дали достаточный материал для монографического исследования А. В. Шевченко [Шевченко 1986: 121–125]. Период с 1970 г. по 1990 г. ознаменовался масштабными спасательными археологическими раскопками в зонах строительства крупных «строек века»: КАРОС, КВЧ, нефтепровод Тенгиз – Новороссийск. Собранный в ходе этих и предыдущих раскопок костный материал позволил А. В. Шевченко провести краниоскопические и краниометрические исследования и заполнить краниометрические бланки с изменениями [Шевченко 2009: 235–267]. Неопубликованные сведения

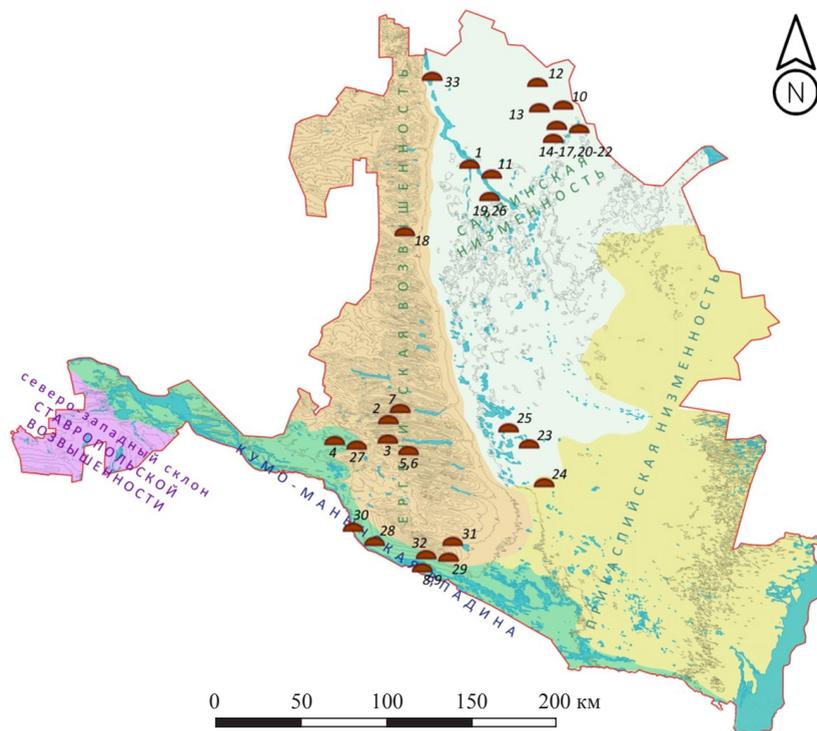

Рис. 1. Археологические памятники, исследованные на территории Республики Калмыкия

- 1 — Хурул Ханата-1929; 2 — Элиста-2-1931–1932; 3 — Три Брата-1934/1936; 4 — Цаган-Эльсин-1937; 5 — Архара-1962; 6 — Лола-2-1963; 7 — Элиста-1964; 8 — Восточный Маныч-1, 2, 3-1965; 9 — Чограйский-3, 4, 5, 6, 8-1986; 10 — Гува-2-1975; 11 — Заханата-1976; 12 — Большой Царын-1977; 13 — Зергента-1-1978; 14 — Кермен Толга-1979; 15 — Хар Нуурин Толга-1980; 16 — Иджил-2-1981; 17 — Джангар-1981; 18 — Ергенинский-1981–1982; 19 — Эвдык-1-1982–1983; 20 — Улан Толга-1985; 21 — Шолмун Толга-1984; 22 — Ики-Зегиста-1986; 23 — Яшкуль-1986; 24 — Цаган-Усн-3, 4, 5, 7, 8, 10-1987; 25 — Канал Волга – Чограй-259, 37, 53, 56-1985/1988; 26 — Цаган-Нур-1989; 27 — Хар-Зуха-1991; 28 — Зунда Толга-1994–1995; 29 — Манджикины-1-1998; 30 — Островной-2000; 31 — Кевюды-1-2001; 32 — Му-Шарет-1-1998–1999; 33 — Малые Дербеты-2-2007

[Fig. 1. Archaeological sites investigated in Kalmykia

1—*Khurul Khanata-1929*; 2—*Elista-2-1931–1932*; 3—*Tri Brata-1934/1936*; 4—*Tsagan-Elsin-1937*; 5—*Arkhara-1962*; 6—*Lola-2-1963*; 7—*Elista-1964*; 8 — *Vostochny Manych-1, 2, 3-1965*; 9 — *Chograysky-3, 4, 5, 6, 8-1986*; 10 — *Guva-2-1975*; 11 — *Zakhanata-1976*; 12 — *Bolshoi Tsaryn-1977*; 13 — *Zergenta-1-1978*; 14 — *Kermen Tolga-1979*; 15 — *Khar Nuurin Tolga-1980*; 16 — *Idzhil-2-1981*; 17 — *Dzhangar-1981*; 18 — *Yergeninsky-1981–1982*; 19 — *Evdyk-1-1982–1983*; 20 — *Ulan Tolga-1985*; 21 — *Sholmun Tolga-1984*; 22 — *Iki-Zegista-1986*; 23 — *Yashkul-1986*; 24 — *Tsagan-Usn-3, 4, 5, 7, 8, 10-1987*; 25 — *Volga–Chogray Canal-259, 37, 53, 56-1985/1988*; 26 — *Tsagan-Nur-1989*; 27 — *Khar-Zukha-1991*; 28 — *Zunda Tolga-1994–1995*; 29 — *Mandzhikiny-1-1998*; 30 — *Ostrovnoy-2000*; 31 — *Kevyudy-1-2001*; 32 — *Mu-Sharet-1-1998–1999*; 33 — *Malye Derbety-2-2007*

краниологических материалов, а также собственные исследования материалов с территории Калмыкии, наряду с антропологическими источниками из других регионов, легли в основу монографии А. А. Казарницкого [Казарницкий 2012]. Современный период в археологических исследованиях (1998–2009 гг.) характерен комплексным подходом в изучении археологических памятников, когда, помимо традиционного описания раскопок, исследуются материалы антропологических, палеозоологических, почвенных коллекций. Новый метод в исследованиях позволил ознакомиться с антропологическими материалами в полном объеме в работах антропологов А. А. Хохлова [Хохлов 2001: 94–99; Хохлов 2006: 136–146], М. А. Балабановой, А. А. Хохлова [Балабанова, Хохлов 2002: 245–258], М. А. Балабановой, Е. В. Перервы [Балабанова, Перерва 2017: 34–43].

Анализ научных публикаций выявил еще одну особенность: почти все исследования проводились на палеоантропологических материалах бронзового века. Несмотря на уникальную сохранность костных останков из древних захоронений, в трудах отечественных антропологов не отмечено¹ серьезной аналитической обработки данных, основанной на большом объеме накопленных

¹ Исключением являются труды А. В. Шевченко [Шевченко 1974; Шевченко 1986] и А. А. Казарницкого [Казарницкий 2012].

антропологических материалов из курганных могильников Калмыкии. В то же время в соседних областях Нижнего Поволжья такая работа проводилась довольно интенсивно, что было отражено в трудах антропологов: Г. Ф. Дебеца [Дебеч 1936: 65–80], Л. Г. Вуича [Вуич 1958: 418–425], В. В. Гинзбурга [Гинзбург 1959: 324–394], Н. М. Глазковой, В. П. Чтецова [Глазкова, Чтецов 1960: 285–292] и др. Возможно, сказывался дефицит специалистов этого профиля или отсутствовала заинтересованность археологов в подробном анализе антропологических материалов. Этим можно объяснить сравнительно небольшое количество публикаций о физических особенностях и происхождении популяций, заселявших в древности территорию современной Калмыкии. Тем не менее антропологические исследования, пусть и отложенные по времени, проводились и хронологически, в основном, были связаны с этапами археологических исследований.

Что касается выводов, к которым пришли ученые-антропологи, то их можно обобщить следующим образом:

— отмечено значительное разнообразие морфологических типов населения калмыцких степей в эпоху бронзы. Это обусловлено тем, что развитие населения происходило как на основе местных компонентов, так и под воздействием мигрантных групп со стороны Кавказского и Волго-Уральского очагов культурогенеза [Шевченко 1986; Казарницкий 2012];

— выявлено доминирование в изучении антропологических материалов в работах советских, а также российских антропологов индивидуально-типологических характеристик, которые базируются в основном на краниологических материалах;

— отмечено активное привлечение в антропологических исследованиях современных антропологов костей посткраниально-го скелета наряду с краниологическими материалами. Это в свою очередь повлияло на оценку морфологического облика древнего человека и особенностей его телосложения. Изучение болезней и патологий, а также маркеров стресса, оставивших свой след на костях скелета в целом, дает общую картину качества жизни исследуемой общности;

— комплексный подход к анализу антропологических источников, характерный для исследований современных антропологов, позволил по-новому взглянуть на характер физической эволюции населения. Применение в исследованиях различных методов естественно-научных направлений (статистики, генетики, палеопатологии и т. д.) позволило выявить неизвестные ранее особенности образа жизни, проводить реконструкции социально-демографических отношений в процессе формирования населения.

Литература

- Алексеев 1969 — *Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 328 с.
- Алексеев 1972 — *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР // Советская археология. Вып. 1. М.: Наука, 1972. С. 3–21.
- Балабанова, Хохлов 2002 — *Балабанова М. А., Хохлов А. А.* Краниологические материалы из погребений эпохи бронзы – раннего железного века в Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия / отв. ред. Е. В. Цуцкин, Н. И. Шишлина. Элиста; М.: ГИМ, КИСЭПИ, 2002. С. 245–258.
- Балабанова, Перерва 2017 — *Балабанова М. А., Перерва Е. В.* Результаты изучения антропологического материала // Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 34–43.
- Бембеева 2020 — *Бембеева Л. А.* Первые шаги по созданию фондохранилища антропологического и археозоологического материала КалмНЦ РАН // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 29–48. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-29-48.
- Бембеева 2020a — *Бембеева Л. А.* Анализ распределения антропологических материалов (костей посткраниального скелета) по курганным группам // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 10–25. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-10-25
- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — *Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-8-53
- Бембеева 2021a — *Бембеева Л. А.* Краниологические материалы, хранящиеся в фондах Калмыцкого научного центра РАН // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 182–203. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-182-203

- Бембеева, Лиджикова 2022 — *Бембеева Л. А., Лиджикова Т. В.* Половозрастная структура населения катакомбной культуры Сарпинской низменности (по материалам археологических раскопок на территории Республики Калмыкия) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 1077–1093. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1077-1093
- Бужилова 1995 — *Бужилова А. П.* Древнее население: (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.
- Бужилова 2005 — *Бужилова А. П.* Homo sapiens: История болезни. М.: Яз. слав. культур, 2005. 320 с.
- Виноградов 2016 — *Виноградов А. В.* История антропологических исследований // *Научное обозрение. Биологические науки*. № 1. М.: Научно-издательский центр «Академия Естествознания», 2016. С. 24–39.
- Вуич 1958 — *Вуич Л. Г.* Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1958. № 62. С. 418–425.
- Гинзбург 1959 — *Гинзбург В. В.* Этнические связи древнего населения // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1959. № 60. С. 324–394.
- Глазкова, Чтецов 1960 — *Глазкова Н. М., Чтецов В. П.* Палеоантропологические материалы нижеволжского отряда сталинградской экспедиции // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1960. № 78. С. 285–292.
- Городцов 1916 — *Городцов В. А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отдельный оттиск из «Отчета Императорского Российского Исторического музея в Москве за 1914 год». М., 1916. 106 с.
- Дебец 1936 — *Дебец Г. Ф.* Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // *Антропологический журнал*. 1936. № 1. С. 65–80.
- Казарницкий 2012 — *Казарницкий А. А.* Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.
- Корневский 2004 — *Корневский С. Н.* Древние земледельцы и скотоводы Предкавказья: майкопско-новосвободненская общность. М.: Наука, 2004. 243 с.
- Марковин 1960 — *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М.: АН СССР, 1960. 152 с.
- Медникова 1995 — *Медникова М. Б.* Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: Ин-т археологии РАН, 1995. 216 с.
- Мимоход 2002 — *Мимоход Р. А.* Погребения финала средней – поздней бронзы могильника Островной // *Могильник Островной. Итоги ком-*

- плексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия / отв. ред. Е.В. Цуцкин, Н.И. Шишлина. Элиста; М.: ГИМ, КИСЭПИ, 2002. С. 228–244.
- Мимоход 2007 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // *Российская археология*. 2007. № 4. С. 143–154.
- Мунчаев 1994 — *Мунчаев Р. М.* Майкопская культура // *Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза*. М.: Наука, 1994. С. 158–225.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.) Элиста: Герел, 2008. 298 с.: илл.
- Перерва, Дьяченко 2019 — *Перерва Е. В., Дьяченко А. Н.* Население бронзового века Нижнего Поволжья в трудах отечественных антропологов // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 3. С. 205–223.
- Сафронов 1974 — *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // *Сообщения Научно-методического Совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР*. Вып. 7. М.: Знание, 1974. С. 23–173.
- Фирштейн 1967 — *Фирштейн Б. В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // *Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР*. Киев: Наукова думка, 1967. С. 100–140.
- Хохлов 1999 — *Хохлов А. А.* Краниологические материалы могильника Манджикины-1 // *Могильник Манджикины-1 — памятник эпохи бронзы — раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования)*. М.; Элиста: ГИМ, КИСЭПИ, 1999. С. 32–38.
- Хохлов 2001 — *Хохлов А. А.* Краниологические материалы из погребений могильников Му-Шарет-1 и Му-Шарет-4 // *Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование*. М.; Элиста: ГИМ, КИСЭПИ, 2001. С. 94–99.
- Хохлов, Боруцкая 2004 — *Хохлов А. А., Боруцкая С. Б.* Палеоантропологический анализ погребений эпохи бронзы курганного могильника Манджикины // *Экология и демография человека в прошлом и настоящем: Тр. Третьих антропол. чтений к 75-летию со дня рождения акад. В. П. Алексеева*. М.: Энциклопедия рос. деревень, 2004. С. 218–219

- Хохлов 2006 — *Хохлов А. А.* О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-западного Прикаспия // Вестник антропологии. 2006. Вып. 14. С. 136–146.
- Хохлов, Мимоход 2008 — *Хохлов А. А., Мимоход Р. А.* Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестник антропологии. Вып. 16. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2008. С. 44–69.
- Шевченко 1974 — *Шевченко А. В.* Антропологическая характеристика населения Калмыкии в эпоху бронзы // Сообщения Научно-методического Совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. 7. М.: Знание, 1974. С. 199–205.
- Шевченко 1986 — *Шевченко А. В.* Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.
- Шевченко 2009 — *Шевченко А. В.* Краниологические материалы из могильников эпохи бронзы Калмыкии // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 235–267.
- Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы // Труды Государственного исторического музея. Вып. 165. М.: Государственный исторический музей, 2007. С. 164–173.

Жанровое своеобразие калмыцкой поэзии конца XX – начала XXI в.: тема картофеля в сибирской ссылке

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ханинова Р. М., 2023

Аннотация. *Предметом* исследования стала тема картофеля в сибирской ссылке калмыцкого народа (1943–1957) *на материале* репрезентативных стихотворений калмыцких поэтов разных поколений, написанных на родном и русском языках. Созданные авторами, пережившими сибирскую ссылку, рожденными во время или после ссылки, эти тексты передают личную и коллективную память о народной трагедии XX в. *Цель статьи* — выявить жанровое своеобразие таких стихотворений конца XX — начала XXI в., рассмотреть синтез жанров, раскрыть трансформацию фольклорной традиции в жанрах гимна, слова, плача и др. Сравнительно-сопоставительный, сравнительно-типологический, историко-функциональный *методы* способствуют изучению заявленной темы в аспекте «задержанной» поэзии прошлого столетия, а также в контексте современного литературного процесса. *Актуальность* и новизна данной статьи обусловлены неизученностью указанной темы в ракурсе истории депортации и ссылки калмыков на примерах стихотворений избранных авторов. *Результаты.* Тема картофеля в сибирской ссылке на примерах репрезентативных стихотворений калмыцких поэтов разных поколений являет особый дискурс личной и коллективной памяти народа о трагических страницах истории XX в. Традиционная модель питания претерпевает изменения в условиях выживания спецпереселенцев, вытесняя привычную пищу. Мотив мерзлого картофеля превалирует в произведе-

ниях, становясь маркером голода, холода, нищеты, бесправия. Жанровое своеобразие произведений, созданных как гимн, слово, плач, послание, проявилось в трансформации фольклорной традиции в калмыцкой поэзии о сибирской ссылке. Включение элементов благопожелания (*йөрэл*), гимна (*частр*), слова (*үг*), плача (*эңслһн*), поучения (*сургаал*), сновидения (*зүүдн*) демонстрирует также синтез жанров, характерных для фольклора и литературы монголоязычных народов. Монологические и сюжетные формы определяют содержательный аспект стихотворений, обращенных к современникам и потомкам, прямо или в контексте призывающих не забывать о трагическом прошлом народа.

Ключевые слова: депортация, сибирская ссылка, картофель, калмыцкая поэзия, слово, гимн, плач, историческая память

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Жанровое своеобразие калмыцкой поэзии конца XX – начала XXI в.: тема картофеля в сибирской ссылке // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 170–199. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-170-199

Genre Originality of Kalmyk Poetry in the Late Twentieth and Early Twenty First Centuries: The Theme of Potatoes in Siberian Exile

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Khaninova R. M., 2023

Abstract. *Introduction.* The article deals with the theme of potatoes in the Siberian exile of Kalmyks (1943–1957) and focuses on representative poems by Kalmyk poets of different generations written in the native and Russian languages. The texts were created by authors who survived the Siberian exile (i.e. were born during or after the latter) to convey personal and collective memories of the twentieth-century tragedy of the ethnos. *Goals.* The paper seeks to reveal the genre originality of such poems from the late twentieth through the early twenty first centuries, consider syntheses of genres, articulate some transformations of the folklore tradition in the genres of anthem, word, lamentation, etc. *Methods.* The comparative, comparative-typological, and historical-functional methods prove instrumental in examining the mentioned theme in the aspect of somewhat ‘delayed’ poetry of the last century and in the context of present-day literary processes. In general, the theme remains understudied in terms of the history of Kalmyk Deportation and has never been viewed through the prism of poems by selected authors. *Results.* Potatoes and Siberian exile in representative poems by Kalmyk poets of different generations shape a special discourse of personal and collective memories about the dramatic pages of twentieth-century history. The struggle for survival and absence of usual food did transform the traditional eating patterns of special settlers. The motif of frozen potatoes starts prevailing in the works to become a marker of starvation, cold, poverty, rightlessness. In Kalmyk poems about the exile, the genre originality of texts created as anthems, words, laments, and messages was manifested in transformed patterns of the folklore tradition. The inclusions of elements inherent to well-wishes (Kalm. *yöräl*), anthems (*chast*), words (*üg*), laments (*enslyn*), teachings (*surgaal*), and dreams (*zүүдн*) also attest to syntheses of genres characteristic of Mongolic folklores and literatures. Monologic and storyline forms determine the content-related aspect of the poems addressed to contemporaries and descendants — directly or else insisting that the tragic past of the people never be forgotten.

Keywords: deportation, Siberian exile, potatoes, Kalmyk poetry, word, anthem, lamentation, historical memory

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Khaninova R. M. Genre Originality of Kalmyk Poetry in the Late Twentieth and Early Twenty First Centuries: The Theme of Potatoes in Siberian Exile. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2023; 1: 170–199. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-170-199

Введение

«Типы и особенности продуктов питания монгольских народов находились в прямой зависимости от географической среды, социально-экономических условий, в том числе таких факторов, как тип хозяйства, природная зона и т. д.» [Дамдинов 1989: 43]. Модель питания, считавшаяся ранее устойчивой стороной культуры народа, как известно, претерпевает изменения — от традиционной к современной, связанной с историческими и социальными переменами. Так, Э.-Б. Гучинова замечает, что «современное питание калмыков в значительной степени отличается от традиционного. Переход на оседлый образ жизни, появление городов, а затем и депортация — все эти факторы не могли не изменить их пищевой рацион. Если ранее он был сбалансирован на основе животноводческого хозяйства и его продукции, то со временем жители республики перешли на распространенную в СССР систему питания, ориентированную не на личное хозяйство, а на ассортимент местного продмага. Проживание рядом со славянским населением в республике, затем в условиях выселения — с сибиряками или с жителями Средней Азии в значительной степени разнообразило пищевой рацион калмыков» [Гучинова 2001: 231–232]. Приготовлению заимствованных кушаний «калмыки научились в основном в годы депортации» [Гучинова 2001: 232].

Картофель был одним из основных видов пищи, благодаря чему калмыцкий народ выжил в Сибири, особенно в первые годы ссылки (1943–1957 гг.). Об этом свидетельствуют воспоминания переживших депортацию и ссылку людей, в том числе писателей, отразивших эту тему в своем творчестве.

К теме сибирского картофеля в аспекте народной трагедии обратились как поэты старшего поколения, свидетели тех лет, так и поэты младшего поколения, рожденные после ссылки. Это, с одной стороны, Тимофей Бембеев — «Боднцгин туск частр» («Гимн картофелю», 1990), Лиджи Инджиев — «Боднцгин туск үг» («Слово о картофеле», 1994), Егор Буджалов — «1944-гч жилин хавр» («Весна 1944 года», 1998), Эрнест Тепкенкиев — «Түрүн иньгм — боднцг» («Мой первый друг — картошка», 2007), с другой — Эр-

дни Эльдышев — «Көрэ бодницт» («Мерзлой картошке», 1991), Раиса Шурганова — «Мукүүкн» («Мукукен», 2013).

В русскоязычной калмыцкой поэзии Жангр Насунов (Виктор Иванович Насунов, 1942–1979), младенцем оказавшийся вместе с семьей в сибирской ссылке, написал стихотворение «Картошка» (1966), а Римма Ханинова (г. р. 1955), родившаяся в Алтайском крае в канун возвращения из ссылки, отозвалась стихотворением «Плач по мерзлой картошке» (2023), в год 80-летия депортации народа. На калмыцкий язык оно переведено народным поэтом Республики Калмыкия Эрдни Антоновичем Эльдышевым.

Часть этих репрезентативных произведений в заглавии имеет жанровое обозначение, важное для авторов, поскольку эти жанры — гимн, слово, плач — акцентируют содержание и форму текстов, трансформируя фольклорную традицию.

«Бодницгин туск частр» («Гимн картофелю», 1990) Тимофей Бембева

Одним из первых Народный писатель Республики Калмыкия Тимофей Отельданович Бембеев (1930–2003) воздал должное сибирской еде в стихотворении, созданном в жанре гимна, «Бодницгин туск частр» («Гимн картофелю», 1990). *Бодницг* по-калмыцки — ‘картофель’, *частр* — ‘гимн’ [КРС 1977: 103, 646].

«Гимн (от греч. *hymnos* ‘хвала’) — торжественная песнь на стихи программного характера» [Шкаренков 2008: 45]. Гимнические хвалебные произведения, адресованные божествам, героям, историческим событиям, характерны и для фольклора, литературных памятников монголоязычных народов. «У калмыков же, как гласят предания, прежде существовали „частр дун“ — песни историко-религиозные, которые составляли цикл „Гимн ойратов“ („Өөрднн частр“), в настоящее время уже полузабытый» [Бадмаев 1984: 21].

Интересен авторский выбор жанра в стихотворениях о еде периода сибирской ссылки у калмыцких поэтов, обращенных к теме выживания народа в непривычных и суровых условиях существования.

Бембин Тимофей

Боднигин туск частр

Махн, захсн, өдмг
Магталд орхл зөвтә.
Элвг болтха, чидмг
Эдлвр ямр кергтә?..

Болв мини келхм,
Болһатн, бичә адһтн,
Өөрнһ теднлә тәвхм —
Өвәрц биш, соңстн:

Бодниг гидг хотас
Бодтань нанд уга!
Ховр, сенр хамгас
Хол дутш уга!

Булсн, шарсн, чансн —
Буйнтал бәәсн лавта.
Кедү әм аврсн —
Кен хальмг мартва?..

Харалта дәәнә уришгар
Хальмг таңһчм каарад,
Халта Сиврин туршар
Хальмгуд бииснһ
даарад,

Эк-эцкәсн хаһцжс,
Эңкр теегәсн холд
Өлсч, түржс, харһнжс,
Өширжс, чилжс йовхд,

Бодниг, чамас ахлсн
Бодтань уга билә.
Булсн, шарсн, чансн —
Буйнтал хот билә!..

Жилмүд давад, оңдан
Жирһл иржс, ясрад,
Тенжс, түржс йовсан
Теегин хальмг мартад,

Әдл зөвтә, хөвтә,
Әмтнлә тегш йослвчн,
Тав уух, идхтә,
Таварн бәәжс цорхавчн,

Боднигин ач-тусиг
Болһажс, бичә марттн.
Үүрмг, көлдсн болвчн,
Үкләс гетлгснһ сантн!

Элст, 16.XI.1990 ж.
[Бембин Т. 1992: 3].

Автор обозначил место и дату написания — Элст, 16.XI.1990 ж. (Элиста, 16.XI.1990 г.), подчеркивая тем самым возможность писать на запрещенные ранее темы, подтверждая в том числе собственное спасение-возвращение на родину. Тринадцатилетним подростком он был сослан в Омскую область Сибири в 1943 г. Несмотря на то, что жанры восхваления (*магтал*), благопожелания

(*йорал*) произносятся речитативом, все же поэт избрал жанр торжественного песнопения — гимн (*частр*). У него в пищевом ряду главенствуют мясо, рыба, хлеб, достойные восхваления: *Махн, захсн, өдмг / Магталд орхл зөвтэ* [Бембин Т. 1992: 3]. Упоминание рыбы связано с родиной автора, родившегося у Каспийского моря. Теперь пришел черед величания картофеля. *Бодниц гидг хотас / Бодтань нанд уга! / Ховр, сенр хамгас / Хол дүти уга!* ‘Для меня, действительно, нет лучше еды, чем картофель. Из всего редкого и интересного нет ничего питательнее его’. (Здесь и далее наш смысловой перевод. — Р. Х.) [Бембин Т. 1992: 3]. Использование эпитетов *ховр* ‘редкий’, *сенр* ‘интересный, любопытный’ указывает, что ранее калмыки, не занимавшиеся овощеводством, мало были знакомы с этим продуктом, как в конце XVII в. русские люди с заморской диковинкой из Нидерландов, а в середине XVIII в. повторно завезенной уже из Пруссии: крестьяне отказывались сажать «земляные яблоки», «чертову силу», устраивали «картофельные бунты», предпочитая репу и редьку.

Заслугу картофеля калмыцкий поэт видит в том, что тот спас народ от голодной смерти: *Кедү эм аврсн — / Кен хальмг мартва?..* ‘Сколько жизней спас — какой калмык забудет?..’ [Бембин Т. 1992: 3]. *Харалта дээнэ уршгар / Хальмг таңһчм каарад, / Халта Сиврин туршар / Хальмгуд бишнь / даарад, / Эк-эцкэсн хаһцж, / Эңкр теегэсн холд / Өлсч, түржэ, харһнжэ* ‘Из-за проклятой войны мою Калмыцкую республику ликвидировали, в суровой Сибири калмыки, замерзая, разлучаясь с родителями, вдалеке от любимой степи голодали, бедствовали’ [Бембин Т. 1992: 3]. Исторические ссылки на проклятую войну, на ликвидацию Калмыцкой АССР, на репрессии автор в контексте увязал с тогдашним государственным обвинением калмыков в предательстве, сотрудничестве их с немецкими фашистами, с позднейшей политической реабилитацией несправедливо сосланного народа. Эпитет в определении войны как проклятой включает в текст элемент фольклорного жанра — проклятия (*харал*).

Одним из конструирующих принципов гимнического жанра является обращение. У Т. Бембеева это и постоянное латентное

обращение к читателям. Это и конкретное обращение к пище: *Боднцг, чамас ахлсн, / Бодтань уга билэ. / Булсн, шарсн, чансн — / Буйнтал хот билэ!..* ‘Картофель — главное тебя не было еды. Запеченная, жареная, вареная — благодетельная еда была!’ [Бембин Т. 1992: 3]. Дважды повторенное определение *буйнтал* ‘благодетельная’ характеризует пищу и в религиозном ракурсе (*буйнч* ‘благодетель’ [КРС 1977: 117]), присущем для данного жанра. Перечисление разных видов приготовления картофеля подтверждают освоение степняками новой пищи, ставшей теперь привычной.

Поэт, предостерегая современников-земляков от забвения, напомнил: *Боднцгин ач-тусиг / Болһаж, бичэ марттн. / Үүрмг, көлдсн болвчн, / Үклэс гетлгсинь сантн!* ‘Пользу картофеля не забывайте. Хоть был мелким и мерзлым, помните, что спас от смерти!’ [Бембин Т. 1992: 3]. Казалось бы, снижение славословия: мелкий, мерзлый картофель. Но и в этой реалистической детали — исторические факты, которые манифестируют в своих произведениях и другие калмыцкие поэты. Эмоциональность данного стихотворения поддерживается также частыми риторическими фигурами, прежде всего восклицаниями.

Гимн Т. Бембеева — это и личная память, и наказ потомкам: знать уроки прошлого, историю репрессированных народов, ценить старшие поколения, сохранившие родной язык, культуру, верования, обычаи, честь и достоинство, несмотря на все испытания и невзгоды. Трансформация калмыцким поэтом гимнического жанра свидетельствует о попытке совместить историю и современность с автобиографическим дискурсом, пафос — с будничной действительностью, славословие — с поучением.

Перевод на русский язык, осуществленный самим автором, опубликован позднее в его посмертной поэтической книге «На уровне сердца» в 2005 г. [Бембеев 2005: 36–37]. Неудачный перевод значительно разнится с оригиналом, во многом не совпадая по содержанию и форме, стихотворному размеру и ритму. Так, поэт в названии использовал разговорное «картошка», столкнув, таким образом, высокий стиль и просторечие: «Гимн картошке». Просторечные выражения встречаются и в самом тексте, например: «не

гоже» (не следует), «тужить» (горевать), «катышка» (катыш — маленький круглый комок, скатанный из чего-нибудь мягкого), «потреба» (потребность). Подобные стилевые несовпадения есть в вербальных формулах: «Когда беззакония порок / Калмыкию растоптал, / А нас самих, как горох, / По всей Сибири раскидал...», «Давно позабыты, как бред, / Те страданья поры лихой», «Есть и выпить, и закусить» и др.

Ср. авторский перевод «Гимн картошке»: «Без чая, мяса и хлеба / Тяжело ведь калмыкам прожить. / Пусть вдоволь будет потреба — / Какой еще недостаток просить? // Однако не спешите, друзья, / На смех меня поднимать, / Если скажу: нам нельзя / Картошку забвенью предать. // Когда беззакония порок / Калмыкию растоптал, / А нас самих, как горох, / По всей Сибири раскидал... // Тосковали по степи родимой, / В снегах дрожали от холода, / Посреди глухомани таежной / Столько погибло от голода! // Картошка и хлебом, и мясом была, / Не было еды вкусней: / Вареная, жареная, печеная — / Что могло сравниться с ней? // Прошли года, десятки лет, / И жизнь стала совсем иной. / Давно позабыты, как бред, / Те страданья поры лихой. // И правами никто не обделен, / Каждый по достоинству возведен. / Есть и выпить, и закусить, / Чего же нам еще тужить? // Но нам, калмыкам, не гоже / Не воздавать должное картошке, / Ей, / Мелкой, мороженой катышке — / Мы жизнью обязаны своей!» [Бембеев 2005: 36–37].

«Боднцгин туск үг» («Слово о картофеле», 1994) Лиджи Инджиева

В ином жанре создано стихотворение Народного поэта Калмыцкой АССР Лиджи Очировича Инджиева (1913–1995) «Боднцгин туск үг» («Слово о картофеле», 1994), опубликованное в журнале «Теегин герл» («Свет в степи») [Инжин Л. 1994: 5]. Позже оно без изменений вошло в его посмертный сборник стихотворений и переводов «Санан» («Размышления») в 2005 г. [Инжин Л. 2005: 46–47].

Текст не был переведен на русский язык.

Бодниггин туск үг

*Хальмгүд Сиврт харһнэсахдан
Бодниггин чинр медицхэлэ.
Харһнлһнас эмд үлдцхэснь
Боднигт ханлт өргэцхэнэ.*

*Түрү цагтан терүг
Үснд чанэж эдллэвидн.
Түрлһн невчк айдахла,
Үснд нүддг боллавидн.*

*Тенд бидн эврэн
Терүг урһадг даславидн.
Бодниггин алдр чинриг
Бидн мартэж чадишговидн.*

*Харһнлһн тоньлсна хөөн
Хорһнд терүг хуурлавидн.
Манахс ода терүгэр
Мах хатьлдг болвидн.*

*Бодниггин туслмэжиг мартхла,
Буру кемэц болх.
Бидн кемр тиигхлэ,
Бурхн чигн цухлэх.*

*Эн урһмлын күчиг
Эртэр эс медсндэн
Хальмг улс эндрчн
Харм төрэж һундрхна.*

*Тегэд хальмгүд ода
Бодниг тэрэж урһацхана.
Терүнэ эвртэ чидлинь
Батлэж манахс оошацхана.*

*Хальмгүд Сиврт харһнэсахдан
Бодниггин чинр медицхэлэ.
Харһнлһнас эмд үлдцхэснь
Боднигт ханлт өргэцхэнэ.*

[Инэжин Л. 2005: 46–47].

«Слово» в первом значении — в Древней Руси «название произведения, относящегося к эпидиктическому (торжественному) красноречию», во втором значении — лексема, используемая в названии ряда древнерусских литературных памятников, «но не являющаяся жестко закрепленным жанровым определением (что можно допустить в случае со „Словом о полку Игореве“ и „Словом о гибели русской земли...“, которые исследователи относят к одному жанру), в основном употребляемая в жанрово-нейтральном значении „произведение“ или „сочинение“» [Гладкова 2001: 1002].

Үг — калмыцкая лексема, означающая: 1) слово, 2) речь, разговор, 3) изречение, афоризм [КРС 1977: 544–545]. В отношении

стихотворения Л. Инджиева можно сказать, что в нем совмещены два первых значения с доминантой первого из них. Во-первых, это слово в плане торжественного красноречия, воздающего хвалебную дань искомому объекту, во-вторых, это речь, обращенная к воображаемому читателю-современнику, о прошлом. Неслучайно автор использовал лексему *үг*, а не *күүндөр* (1. разговор, беседа, 2. переговоры, 3. интервью) [КРС 1977: 330].

Исследователи фольклора и литературы монголоязычных народов считали, что *үг* «возник в далекой древности, когда не было письменности и люди запоминали слышанное наизусть. С появлением письменности „үг“ не исчез, его традиция сохранялась, существовали „үг“ и об этом и о том» [Герасимович 2006: 213–214].

Л. Инджиев сразу связывает полюса жизни и смерти посредством картофеля: *Хальмгуд Сиврт харһнжэхдан / Боднигин чинр медүхэлэ* ‘Когда калмыки голодали в Сибири, тогда они узнали значение картофеля’ [Инжин Л. 2005: 46]. Поэтому уцелевшие после голода воздают благодарность картофелю: *Харһнлһнас эмд үлдүхэснь / Боднигт ханлт өргүхэнэ* [Инжин Л. 2005: 46]. Такое обобщение (от имени народа) носит и личностный, автобиографический, характер: участник Великой Отечественной войны, демобилизованный из Советской Армии по национальному признаку, разделил с народом тяготы сибирской ссылки в Алтайском крае. Категория времени в тексте латентно указывает на длительность пребывания калмыков в ссылке: за это время степняки сами научились выращивать корнеплод: *Тенд бидн эврэн / Терүг урһадг даславидн* [Инжин Л. 2005: 46]. В этой же строфе вновь повторяется местоимение *бидн* ‘мы’: *Боднигин алдр чинриг / Бидн мартэж чадшговидн* ‘Мы никогда не сможем забыть великое значение картофеля’ [Инжин Л. 2005: 46]. Автор предупреждает о том, что если забудем такую помощь, то будем неправы. Если так поступим, то даже бог отступится от нас: *Бидн кемр тишгэлэ, / Бурхн чигн цүхлдх* [Инжин Л. 2005: 46]. Упоминание божества (*бурхн*) в таком смысловом ряду актуализирует спасительную функцию пищи. Продолжая свою речь, поэт вновь сближает временную дистанцию (тогда — теперь, прошлое — современность): *Тегэд хальмгуд ода /*

Бодниц тэржэ урһацхана ‘Поэтому калмыки теперь картофель, сажая, выращивают’ [Инжин Л. 2005: 46]. Таким образом, подчеркивает автор, закрепляя значимую силу картофеля, наши уделяют ему много внимания: *Терунэ эвртэ чидлинь / Батлжэ манахс оошацхана* [Инжин Л. 2005: 46]. Притяжательное местоимение-прилагательное *наши* ‘манахс’ находится в одном ряду с личным местоимением множественного числа *бидн* ‘мы’, подразумевается «свои» — «другие». На градацию в изменении условий существования в Сибири указывают в тексте способы приготовления пищи: вначале картошка, сваренная в воде, затем толченая с молоком, наконец, жаренная на жире. Теперь же картофель становится гарниром для мяса. Такая перемена — от основного блюда к дополнению — передает косвенным образом модель питания в ссылке и в родном краю при возвращении. Воздавая должное этой пище, поэт обобщает сказанное: *Эн урһмын күчиг / Эртэр эс медсндэн, / Хальмг улс эндрчн / Харм төржэ һундрхна* ‘О том, что раньше не знали о силе такого растения, калмыки до сих пор сожалеют’ [Инжин Л. 2005: 46]. Кольцевая композиция (повтор первого катрена) закрепляет основную тему стихотворения по законам дидактики и риторики.

«1944-гч жилин хавр» («Весна 1944 года», 1998) Егора Буджалова

В одном из интервью Народный поэт Республики Калмыкия Егор Андреевич Буджалов (1929–2009), депортированный в возрасте 14 лет в Красноярский край, сказал, что особенно тяжелыми были первые зимние месяцы 1944 г., когда умирали от голода и недоедания прежде всего дети и старики в соседних семьях. «Даже сейчас, шесть десятилетий спустя, как будто это было вчера, я помню, как наша мама делит единственный кусочек хлеба и картофелину между братиком и мной. А когда я спрашивал, ела ли она сама, она отвечала, что кушать не хочет. <...> После войны мы уже могли свободно ходить на базар, украдкой могли сходить в соседнее село, выменять каких-нибудь продуктов, в основном картошку. Основной нашей пищей был картофель. Это второй хлеб. Только за счет него мы и жили. Мяса мы не видели, вплоть

до 1950-х гг., ели картошку, брюкву, капусту, свеклу» (цит. по: [Гучинова 2019: 250–251, 260]).

Стихотворение Е. Буджалава о сибирском картофеле под названием «1944 жилин хаврар...» («Весной 1944 года...») впервые появилось в газете «Хальмг үнн» 8 декабря 1998 г. [Буджала Е. 1998: 1]. Под несколько измененным названием «1944-гч жилин хавр» («Весна 1944 года») вошло в авторскую книгу 2008 г., в целом текст остался прежним за исключением одной строки (вместо *Өрэ, эрэ герлтнэ* ‘Чуть-чуть светло’ — *Өрэ эрэ герлтнэ* ‘Комната едва освещена’).

Буджала Егор

1944-гч жилин хавр

Тежэл некэж дүүнрм

Теслтэн барэж уульдм.

«Басң, арһлыч», — гисэр

Баава нанур эргдм.

Хамхрха иштэ күрзэн,

Хаһрха суулһан авдув.

Хайг олж авхар,

Хальмгудан дахад һардув.

Күцц хээлэд уга

Көрэ һазр чавчдув.

Кишнэс харлад үмисн

Көрэ боднцг олдув.

Хээсэр амрар олдхи,

Харадан һазр чичнэв.

Кемр харһсн цагт

Кишгт тоолэж байснав.

Будта кишн өдр

Буйсхдан өөрдэд ирдм.

Хайг олсн хальмгуд

Хөвтэ, байрта хэрдм.

Би бас байртав.

Бичкн дүүнрм цадх.

Халун цө деерэс

Хар боднцг шүүрлдх...

Бешин өөр күрзм,

Буурха суулһм зогсчана,

Хар өрлэ босч

Хайгт йовхим медэжэнэ.

Хааһул уга терзэр

Харһу сө шаһана,

Үүдн уга бешэс

Өрэ эрэ герлтнэ.

Даарсн, цуцрсн цогцм

Девскр деер амрна,

Халун цө деер

Харлэж, зүркм шаргдна.

[Буджала Е. 2008: 381–382].

Воспоминания сурового детства нашли отражение в стихотворении о том, как калмыки выживали в первый год на чужбине. Несмотря на то, что в его названии нет ключевого слова *бодниц* ‘картофель’, как у других калмыцких поэтов, основная тема связана с поиском и добыванием вместе с земляками мерзлых корнеплодов в поле. Сюжет произведения воссоздает один из весенних дней калмыцкой семьи, когда плакал от голода младший братишка, а мать просительно оборачивалась к старшему сыну, как бы говоря: «Помоги, Басанг». Повествование ведется от первого лица, подростка Басанга, молча берущего лопату со сломанным черенком, дырявое ведро и идущего вслед за земляками. Подробно описан тяжелый труд, когда земля еще не оттаяла, но надо ее копать, найти почерневшую от холода, испорченную, мерзлую картошку: *Күцц хээлэд уга / Көрэ һазр чавчдув. / Киитнэс харлад үмисн / Көрэ бодниц олдув* [Буджала Е. 2008: 381]. Рефрен мерзлоты почвы и оставшихся в ней корнеплодов поддерживается определениями, характеризующими непригодность картошки для пищи. Поиск ее нелегок, много земли приходится перекопать впустую. *Кемр харһсн цагт / Киитгт тоолжс байснав* ‘Когда же попадается [картошка], почитаю за счастье, радуюсь’ [Буджала Е. 2008: 381]. Подходит к концу туманный холодный день, нашедшие отбросы (*хайг* ‘утиль, отбросы, очистки’ [КРС 1977: 568]) калмыки радостно возвращаются с поля. *Би бас байртав. / Бичкн дүүнрм цадх. / Халун цө деерэс / Хар бодниц шүүрлдх...* ‘Я тоже рад. Мой младший братишка наестся. С горячей плиты черную картошку будет хватать...’ [Буджала Е. 2008: 381]. Описание лопаты и дырявого ведра у печи переходит в прием олицетворения: вещи знают, что спозаранку отправятся собирать отбросы. Отсутствие занавесок на окне, в которое заглядывает черная ночь, отсутствие дверцы в печи, откуда слабый свет в комнате, рефрен разбитой лопаты и дырявого ведра, бросовой картошки, холода — все это воссоздает картину нищеты, голода спецпереселенцев. В заключительном четверостишии возникает пронзительный метафорический образ страданий подростка. *Даарсн, цуирсн цоцм / Девскр деер амрна, / Халун цө деер / Харлжс, зүркм шаргдна* ‘Продрогшее, усталое мое

тело отдыхает в постели. На горячей плите, чернея, мое сердце поджаривается? [Буджала Е. 2008: 382].

Ср. в нашем переводе: «Весна 1944 года.

Плачет надрывно братишка: / Голоден он, нет еды. / Плачет подолгу, все тише... / Что можем сделать все мы?.. / Мама ко мне повернулась, / Молча сказала: «Иди...». / Я понял, поднялся, сутулясь / От холода. «Сын, помоги». / Я в сенях нашарил лопату, / Хоть треснут ее черенок, / Ведро захватил я из хаты, / Дырявое. Ну так что ж... / Пошел за калмыками в поле / Картошку там поискать — / Землю долбить надо ломом, / Иначе ее не достать. // Лопатой тыкаюсь в почву — / Промерзла она насквозь. / Черные клубни, как ночи, / Найду как-нибудь авось. / Сразу ее не видно, / Копаю лопатой — все зря, / Даже порой обидно, / Где же картошка моя? / Зато, наконец, отрою, / Счастью предела нет. / И я все рою и рою — / Будет что на обед. // День холодный, туманный, / Ближится он к концу. / Иду я усталый к маме, / Ведро картошки несу. / Я радостный, как те калмыки, / Братишка насытится всласть. / С плиты будет он, горемыка, / Горячие клубни хватать... // У печки лопата ютится, / Дырявое рядом ведро, / Им завтра с утра торопиться / На поле то — знают давно. // В окошко без занавески / Глядит, не скрываясь, ночь: / Из печки нашей без дверцы / Светит огонь ей помочь. // Тело мое на кровати / Теплеет, уже не дрожит. / А на печи горячей / Сердце мое горит» [Буджалов 2023].

«Түрүн иньгм — бодницг» («Мой первый друг — картофель», 2007) Эрнеста Тепкенкиева

Эрнест Иванович Тепкенкиев (1931–2017), в двенадцать лет депортированный вместе с родными, с тринадцати лет трудился на лесных разработках в Томской области. Его стихотворение имеет необычное название «Түрүн иньгм — бодницг» («Мой первый друг — картофель»): тогда первым другом для подростка стал корнеплод. Такое первенство для автора определяется тем местом, которое картофель занял в его жизни на чужбине, а затем на родине.

Эрнест Тепкенкиев

Түүрүн иньгм — бодницг

Шарад, булад иддг
Шар, оошк бодницг.
Чидл күүнд өгдг
Чинрнь иктэ бодницг.

Көрсн, илжрсн бодницгас
Көгэжин үнр харла.
Көйәһим дүүргсн целвгүд
Көөр, сергмж урһала.

Чанх юм хээхлэ,
Чавас, түрүнкнь — бодницг.
Нүдэд бийинь идхлэ,
Нүдим таалсн бодницг.

Өлссн, түрсн цагла
Олн хальмгүдт тусслагч.
Чамаһан уга болхла,
Чавас, иньгм, сангднач!

Әмдрл мини утдулсн
Әвртә хот—бодницг.
Үкләс бийим гетлүлсн,
Үснд нүддг бодницг.

Бодницг мөңкинд бээтхә,
Болһмжән әмтнд өгтхә!
Эн — жирһлин түлг,
Эңкр хотдын булг!

Халун өдмг сольсн,
Хәэртә эдлвр — бодницг.
Хальмгиг үкләс гетлүлсн,
Хәәмнь, көөрк бодницг.

Дәәнә уйн цагт,
Дәрк, бодницг туссла.
Хот-хол хатярт
«Хойрдгч өдмг» дөңнлә.

Сиврин киит даалһсн
Сишвр күчтә урһц.
Түрүд бийим дөңнсн
Түрүн иньгм — бодницг.

Энүнә тусинь мартхшив,
Эңкрлж неринь келнәв.
Өдмг уга болхла,
Оньдин бодницг эдлнәв.

Шар бодницган идэд,
Шар харһа тәэрләв.
Күүнә ээмд күрәд,
Күчән һарһж көдлләв.

Неринь өөдән бәрнәв,
Нөөртән зәрмдән үзнәв.
Иньг мини — бодницг,
Ижлдсн, дассн хот.

[Тепкенкиев 2007: 84–85].

Помимо названия, ключевое слово «бодницг» в тексте повторяется пятнадцать раз. В первых трех катренах при этом используется перекрестная рифма-рефрен. В каждой строфе, за исключе-

нием одной, седьмой, упоминается слово «картофель» преимущественно в именительном падеже. В седьмой же строфе дана замена именования корнеплода притяжательным местоимением *тебя* ‘чамаһан’ обращением *мой друг* ‘иньгм’.

В каждой строфе поэт воспевает главный объект своего произведения. Здесь уместно при переводе назвать корнеплод просторечным *картошка*, поскольку воспоминание относится прежде всего к детству, к своему другу. Отсюда такие эпитеты: *нудим таалсн бодниц* ‘картошка, приятная моим глазам’, *эвртэ бодниц* ‘отличная картошка’, *хээртэ бодниц* ‘любимая картошка’, *көөрк бодниц* ‘бедная картошка’, *шар бодниц* ‘золотистая картошка’. С дистанции времени следует характеристика: *чинрнь иктэ бодниц* ‘картошка, имеющая большое значение’, *чидл өгдг бодниц* ‘картошка, дающая силы’, *дөңсн бодниц* ‘картошка, которая помогла’.

Маркером сибирской пищи становится определение *мерзлого* картофеля — ‘көрсн’. Как и другие калмыцкие поэты, автор перечисляет разные способы его приготовления: *шарад иддг* ‘жарить’, *булад иддг* ‘запекать’, *чанх* ‘варить’, *нүдэд идх* ‘толченая’, *үснд нүддг* ‘толченая с молоком’. Он сразу актуализирует первенство картофеля в еде ссыльных калмыков: *Чанх юм хээхлэ, / Чавас, түрүнкнь — бодниц* ‘Когда ищешь, что сварить, ох, первым делом — картошка’ [Тепкенкиев 2007: 84]. Междометие *чавас* выражает жалость, сочувствие, сожаление, отчаяние [КРС 1977: 644]. Картошка как бы разделяет судьбу репрессированных народов, спасая их от смерти, отсюда такие ее определения: *Хээмнь, көөрк бодниц* ‘Милая, бедная картошка’ [Тепкенкиев 2007: 84]. *Хээмнь* в первом значении: ‘милый, любимый’, во втором переносном значении: ‘бедный, жалкий’, *көөрк*: 1. бедняга, 2. вызывающий жалость, достойный сожаления [КРС 1977: 586, 318]. Это, по сути, любовь-жалость. Поэт также заслугу картофеля видит в том, что тот спас калмыков от смерти (*Хальмгиг үклэс гетлүлсн*), в том числе и его, подростка (*Өмдрл мини утдулсн, букв.* ‘продлил мою жизнь’), помог ему вырасти (*Күүнэ ээмд күрэд, букв.* ‘достав до плеч человека’), способствуя в труде. Несмотря на то, что картошка была и мерзлой, и заплесневелой, она спасла в голодное время

нужды (*Өлссн, түрсн цагла*), радовала своими жареными лепешками. Во время войны, когда автор был молод, она помогла ему. Здесь междометие *дэрк* 'о, боже' выполняет функцию обращения к буддийскому божеству — Зеленой Таре («*Нoһан Дэрк Гегэн*»), хранительнице семейного благополучия. При скудной пище картошка стала для поэта вторым хлебом (*хойрдгч өдмг*), актуализирована русская поговорка «Картофель — второй хлеб». Когда нет хлеба, едят картошку. Эту подмогу лирический субъект никогда не забудет, с любовью повторяя имя корнеплода, который иногда ему снится (*Нөөртэн зармдэн үзнэв*). Поэтому картошка по-прежнему его друг, привычная уже еда.

Фольклорная традиция благопожелания *йөрэл* явлена не в завершении, а в середине текста: *Бодницг мөңкинд бээтхэ, / Болһмжсан амтнд өгтхэ! / Эн —жирһлин тулг, / Эңкр хотдын булг!* 'Пусть картошка будет вечно, пусть люди всегда ее используют! Это опора жизни, основа любимой еды!' [[Тепкенкиев 2007: 85](#)].

В русском переводе В. Н. Лиджиевой «Картошка» название стихотворения претерпело изменение: из ранга друзей картофель перешел в ранг пищи, чем, на наш взгляд, снизилась авторская интенция величания-восхваления, изначально заложенная в семантике дружества. Сорок восемь строк двенадцати четверостиший сократились до двадцати восьми строк единого текста. По содержанию перевод также беднее оригинала, не передавая авторской интонации, неточен в отдельных деталях.

Ср. «В горячей золе печется, / Румянится на плите... / Картошка хлебом зовется. / Но главное не в еде, / А в том, что на этом свете / Важнее продукта нет... / В голодные годы от смерти / Спасла она целый свет. / И хоть на воде варилась, / Была она так вкусна... / Картошка хлеб заменила, / Когда случилась война. / Опять же она — картошка — / Калмыков в Сибири спасла. / Картофельные лепешки — / Я помню — мне мать пекла. / На поле мерзлые клубни / Выкапывал я по весне. / Я помню, я помню, как трудно / Жилось на чужбине мне. / Картошка, тебя я славлю / За чудный запах и вкус... / Пусть это покажется странным, / Но издревле держится Русь / На этой румяной картошке, / На этом

хлебе втором... / Картофельные лепешки / Всегда на столе моем»
[Тепкенкиев 2007: 41].

«Көрә бодницт» («Мерзлой картошке», 1991) Эрдни Эльдышева

На странице журнала «Теегин герл» в 1991 г. было напечатано стихотворение тридцатидвухлетнего Эрдни Антоновича Эльдышева (г. р. 1959) «Көрә бодницт» («Мерзлой картошке»). В названии также есть адресат, придающий произведению жанровый план послания.

В отличие от других поэтов Э. Эльдышев не привносит автобиографический компонент, поскольку не имел личного опыта выживания в сибирской ссылке, но, тем не менее, биографический элемент присутствует на уровне семейной памяти.

*Эльдшә Эрднә
Көрә бодницт*

*Хальмг домгт төөнрсн
Харлсн көрә бодницг,
Халун зүркнәсн чамд
Ханлтан би өргнәв.*

*Хальмгудт әм залһсн
Хәәртә нилчичн соңсхлам:*

*Даарч, өлсч йовсн
Дөөгләдсн әмтән саннав.
Хәәртә элгн улсан
Хәәһәд, нердинь сергәнәв.*

*Халун нульмста эәжм,
Хәәмнь, чамаг малтла.*

*«Үрңкә болвчн, бодницг
Үкләс гетлгх», — гилә...*

*Эәжм терүгән келхлә.
Эгзңнәж дунь чичрнә.*

*Хар санатлын зовасн
Харалта цаг сангдна:*

*«Көрә бодницгин амтынь
Кезә чигн мартишгов.
Үкләс намаг гетлгсн
Үүнә нилчинь мартишгов».*

[Эльдшә Э. 1991: 84].

Стихотворение, состоящее из двадцати двух строк, включает пять катренов и одно двустишие. Такая структура определена тем,

что после авторского вступления основное слово передается старой женщине, бабушке поэта, через прямую речь.

В первых строках звучит обращение к героине стихотворения: *Хальмг домгт төөнрсн / Харлсн көрэ бодницг, / Халун зуркнэсн чамд / Ханлтан би өргнэв* ‘Запечатленная в калмыцких легендах почерневшая, мерзлая картошка, от горячего сердца воздаю тебе благодарность’ [Эльдшэ Э. 1991: 84]. Эпитеты, передающие реалии суровой поры сибирской ссылки (*Харлсн көрэ бодницг* ‘Почерневшая, мерзлая картошка’), на первый взгляд, в семантическом дискурсе являют контраст со словами благодарности. Вторая строфа-двустипшие поясняет смысл сказанного: *Хальмгудт ам залһсн / Хээртэ нилчичн соңсхлам* ‘Я слышал о твоей благотворительной пользе — калмыкам жизнь сохранила’ [Эльдшэ Э. 1991: 84]. Если Т. Бембеев использовал религиозное определение *буйнтал* ‘благотворительная’, то Э. Эльдышев — прилагательное *хээртэ*, образованное от существительного *хээр* в значении ‘милость, благотворитель’ [КРС 1977: 587]. Эта конкретизация (слышал) поддерживается рассказом бабушки о пережитом. *Халун нульмста ээжм, / Хээмнь, чамаг малтла. / «Үрцкэ болвчн, бодницг / Үклэс гетлгх», — гилэ...* ‘Моя бабушка, бедная, с горячими слезами выкапывала тебя. «Хоть и испорченная, картошка от смерти спасет», — говорила...’ [Эльдшэ Э. 1991: 84]. И когда она рассказывала о том проклятом времени (*харалта цаг*), ее голос дрожал: *Ээжм терүгэн келхлэ. / Эгзңнэж дунь чичрнэ* [Эльдшэ Э. 1991: 84]. Старая женщина говорила: *Көрэ бодницгин амтынь / Кезэ чигн мартшигов. / Үклэс намаг гетлгсн / Үүнэ нилчинь мартшигов* ‘Вкус мерзлой картошки никогда не забуду. От смерти меня спасла, пользы ее не забуду’ [Эльдшэ Э. 1991: 84]. Рефрен личной памяти (дважды повторенное *мартшигов* — ‘не забуду’) передает опосредованно мотив коллективной памяти о сибирской ссылке. *Харлсн көрэ бодницг* ‘почерневшая, мерзлая картошка’, *үрцкэ бодницг* ‘испорченная картошка’ — ключевые маркеры в тексте. Здесь нет, как у Т. Бембеева, Л. Инджиева, Э. Тепкенкиева, перечисления блюд из картофеля, все внимание уделено жесткой необходимости выживания при употреблении негодной в иное время пищи.

В переводе Л. Петровой название «Мерзлой картошке» сохранено, текст дан без строфики, с увеличением на три строки. Здесь, как и в переводе В. Лиджиевой, есть неточности, отступления от первоисточника. Прямолинейность («когда палач народов их душил», сравнения с судьбой ссыльного, с памятью о родной земле), неудачное противопоставление с помощью метафоры (суровая народная беда глазами бабушки), тогда как переживания старого человека переданы через упоминание дрожащего голоса; обращение к Богу при упоминании, что такой гнилой картошкой теперь не кормят и свиней; нет авторской детали (горючие слезы как следствие отчаяния, сожаления, бессилия), есть взамен иная (скрюченные пальцы). Трагический лаконизм авторского высказывания заменен переводчиком и в утверждении («А я хочу сказать высоким слогом»), которого нет в тексте. Ср. «Картошка, что сгнила наполовину, / Спасением дымилась на столе — / Черным-черна, как ссыльного судьбина, / Сладка, как память о родной земле. / Картошка из-под снега... Слава Богу, / Не кормят нынче ею и свиней. / А я хочу сказать высоким слогом / О той картошке... Именно о ней. / Я имена родных перебираю, / Что ссыльными остались навсегда, / И мне в лицо сурово, не мигая, / Тогда глядит народная беда / Глазами моей бабушки... / Бывало, / Чтобы чужбина всех не погребла, / Она руками землю ковыряла / И скрюченными пальцами гребла. / Мерзла картошка, но поддержит силы, / Ей благодарны были от души, / Когда калмыков голодом косило, / Когда палач народов их душил. / Жива в легендах и в стихах воспета — / О прошлом память мой народ хранит. / „Мне вкус не позабыть картошки этой“, — / Волнуясь, моя бабушка твердит» [[Эльдышев 1996: 30](#)].

«Мукуүкн» («Мукукен», 2013) Раисы Шургановой

Стихотворение «Мукуүкн» («Мукукен», 2013) Раисы Басановны Шургановой (г. р. 1987) написано на основе воспоминаний своего отца, вместе с семьей ребенком проживавшего в сибирской ссылке в Новосибирской области. Из семи детей тогда выжил только он. Его память о младшей сестренке Мукукен (*калм.* Мукуүкн, ‘плохая девочка’), которую не спас оберег имени, визуализирована в стихотворении с помощью приема сновидения.

Шуурһна Рауса

Мукуүкн

*Зүүсн зүүдндм өдр өнжэд,
Зүркм зовлцгта дүрэд хатхад,
Бичкн Мукуүкн ирнэ,
Бүшмүднь Сиврин цасар гилвкнэ.
Өлсэд бээвүч — хот хээхи,
Өөлсн болуч — өшдэһэн көөхи.
Килнц уга бичкндэн өңгрсн,
Киитн Сиврт эмэсн хаһцсн.*

*Бичкн Мукуүкн зүүдндм,
Бийм догднулад, седклм нашуурһна.
Көрсн бодниггар хувалцхар седнэ,
Кесг зовлцгин унгинь сергэнэ.
Зүүсн зүүдндм өдр өнжэд,
Зовлцтан даагдсн улс ирнэ.
Хувиңь Сиврин цасар гилвкнэ,
Хөөткэн сантн, — гижэ келжэнэ.*

[Шурганова 2013: 50].

Мотив мерзлой картошки в тексте связан с маленькой девочкой, делящейся едой со старшим братом. *Көрсн бодниггар хувалцхар седнэ* ‘Хочет поделиться мерзлой картошкой’ [Шурганова 2013: 50]. Ср. в рассказе «Бүлэн боднигг» («Теплая картошка», 2013) автор вспоминает теплую еду: сестренка встречает брата из школы вареной картошкой [Шуурһна Р. 2014: 80–82]. Речь в обоих произведениях идет о мерзлой картошке, из которой готовится кушанье.

В переводе В. Б. Чонгонова строки о девочке переданы по-своему, с добавлением избыточного сравнения: «И разделить со мною поровну пытаешься, / Как будто ценный дар, свою картошку мерзлую» [Шурганова 2013: 51].

«Картошка» (1966) Джангра Насунова

В русскоязычной калмыцкой поэзии тема картофеля в сибирской ссылке впервые раскрыта в 1966 г. Джангром Насуновым (1942–1979). «В первые годы ссылки калмыков спасала картошка, которую они покупали или обменивали у местных жителей на свои нехитрые пожитки. В день на семью из нескольких человек уходило два-три казанка картошки. Разумеется, не все имели возможность ее купить или обменивать. Многие шли на колхозное

поле и под снегом искали мерзлую картошку, что не успели осенью убрать. Порой клубни, скованные морозом, приходилось вырубать ломом. Именно об этом рассказывается в стихотворении «Картошка». Дети знали, что мерзлую картошку удобней всего испечь на горячей плите» [Церенов 2017: 15–16].

Джангр Насунов

Картошка

*Мир тосковал сильнее и сильнее
По тишине, по мирной суете.
Я ничего не пробовал вкуснее
Картошки, испеченной на плите.
Той, что росла сама собою в поле,
Что не успел, не смог убрать колхоз,
Что посадили все ж, но не пололи,
И вот с землей сковал ее мороз.
И разрубить ничем ее не в силах,
Бросаю клубень прямо на плиту.
Я не забуду, люди, до могилы
Пьянящий, чудный запах на версту.*

*Картошка — праздник в праздники и в будни —
Шершавая, как мамина ладонь.
Я не бросал в огонь ни разу клубни,
Чтоб не гасить чуть тлеющий огонь.
Она тверда, как пахаря мозоли.
Не убранная вовремя с полей,
Ее ломами вырубали в поле —
Я ничего не пробовал вкусней.*

1966

[Насунов 2017: 28].

Стихотворение Д. Насунова, написанное в период так называемой «оттепели», когда ослабили цензурные ограничения на запрещенные ранее темы, тем не менее латентно передает авторские

воспоминания о сибирском детстве в Новосибирской области. Первые строки в контексте отсылают к военной поре, к первым годам ссылки, о которых прямо не сказано. Мотивы мерзлой земли и мерзлой картошки, испеченной на горячей плите, перекликаются с теми же мотивами из стихотворения Е. Буджалова «Весна 1944 года», но без жестких деталей. И если у Е. Буджалова отсутствуют воспоминания о вкусе такой еды, то у Д. Насунова, позднее у Т. Бембеева, Л. Инджиева, Э. Тепкенкиева, Э. Эльдышева вкусовая категория доминирует, актуализируя смещение качественной характеристики пищи в условиях выживания. К осязательному (*шершавая, твердая картошка*) компоненту в тексте добавляется ольфакторный компонент — запах еды (*пьянящий, чудный*), ставшей праздником в праздник и в будни.

«Плач по мерзлой картошке» (2023) Риммы Ханиновой

«На протяжении всего традиционалистского периода существования и функционирования жанра тематика плача определяла его стилевую диапозон, и эта риторическая конвенция между ними обеспечивала сочинителю и потребителю произведения коммуникативное партнерство. По мере же постепенной «индивидуализации лирики» (Л. Гинзбург), в особенности в постклассицистическую эпоху, доминирующую ответственность за художественное единство плача берет на себя автор, тем самым иницируя содержательное разнообразие не только объекта, но и субъекта оплакивания как стилиобразующего фактора жанра» [[Иванюк 2015: 26](#)].

Римма Ханинова

Плач по мерзлой картошке

*Зима. Сибирь. Картошка мерзнет в поле,
Та, что осталась в мертвой борозде:
Она мелка, черна, тверда, но вволю
Собрать в ведро можно в декабре.*

*И детские ручонки торопливо
Таскают клубни, пачкая пальто,
И мерзнут пальцы даже в рукавицах —
Зато картошкой полнится ведро.*

*Как тяжело нести картошку с поля...
Как краток отдых... Как крепчал мороз!
Как будто ветру помогал он, что ли,
Детишек в снег валить — в большой сугроб.*

*Ну вот уже барак калмыцкий ближе.
Вот комната, ютится там семья.
Огонь дрова в печи так жадно лижет,
И так тепло сидится у огня!*

*Картошку чистят детские ручонки,
Из-под ножа струится кожура...
Стараются сестренки, две девчонки:
В обед — картошка так же, как вчера.*

*А за спиной отец стоит... С работы
Пришел он, ссыльный, бывший партизан.
Как на войне, и тут свои заботы.
Он плачет тихо, чтоб никто не знал...*

26.02.2023

Ханина Римма

Көрә бодницин туст эцслһн

*Увл. Сивр. Тэрэнэ һазрт
Улдсн бодницг хаһларт көрнә.
Үүрмг, хар, хату энүг
Увләр суулһд цугдулж болна.*

*Бичкн күүкдин һарнь шулуһар
Бодницин уңгинь әрвәлж зөөнә.*

*Беелэтэ болвчи, хурһднь даарна,
Болв суулһ боднцгар дүүрнэ.*

*Боднциг тэрэнэс зөөхд күчр,
Ахр амрһн...Кишн тачкина!
Бичкдиг цаснд унһахд салькнд
Азд кишн нөкд болна.*

*Хальмгудын муухн бээрн өөрднэ.
Хорад өрк-бүлнь хавчгдна.
Бешт һал өрвкжэ асна.
Бичкд һувчилдэд, духуцжэ амрна.*

*Күүкд боднциг чадмгар цеврлнэ,
Көрэ боднцгин хальсн унна.
Хойр дү күүкн чирмэлднэ:
Хэрү үдин хотнь — боднцг.*

*Арднь көдлмиэсн ирсн эцкнь...
Алдр партизан, туугдсн эн
Арһан, дээнд мет, хээнэ.
Аярһн, тагчгар эн уульна.*

Орчулсь Эльдшэ Эрднь.

В фольклоре и письменных памятниках монголоязычных народов жанр плача (монг. *гашиудал*, калм. *эңслһн* [КРС 1977: 700]) входит как фрагмент в другие крупные жанры, а также функционирует в составе обрядовой погребальной поэзии [Борджанова 2007: 260–266; Герасимович 2006]. «Предполагалось, что плач был обязателен для человека, который должен преодолеть все препятствия: „Ууля, ууля бээж күн болдг“ — Плача становятся человеком» (курсив автора. — Р. Х.) [Борджанова 2007: 266].

Доминирующий пафос в «Плаче по мерзлой картошке» — трагический. Персонажным субъектом произведения стала мерзлая картошка. Как и стихотворение Е. Буджалова, «Плач...» также являет биографический семейный сюжет: две маленькие дочери,

отец. Рефрен плача, начиная с заглавия, продолжая плачем оттаившей в тепле картошки (*струится кожа*), заканчивая тихим мужским плачем бывшего партизанского командира, а ныне спецпоселенца, подтверждает функционально-семантический потенциал архетипичного жанра.

Заключение

«Пища — это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике, и в то же время он легче и быстрее других поддается заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям» [Арутюнов 2001: 10].

В этом плане, как замечено, «процессы приспособления всегда имеют двустороннюю направленность, почему в них можно различать собственно адаптацию (слово можно перевести как приспособливание, приноравливание) и адаптирование (прилаживание, переиначивание)» [Липинская 2001: 19].

Тема картофеля в сибирской ссылке (1943–1957) на примерах репрезентативных стихотворений калмыцких поэтов разных поколений являет особый дискурс личной и коллективной памяти народа о трагических страницах истории XX в. Традиционная модель питания претерпевает изменения в условиях выживания спецпереселенцев, вытесняя привычную пищу, особенно в первые годы на чужбине. Мотив мерзлого картофеля, добытого из мерзлой земли, превалирует в этих произведениях, становясь маркерами голода, холода, нищеты, бесправия. Мелкий, твердый, почерневший, испорченный корнеплод — рефрен в воспоминаниях, автобиографических и биографических, о том времени — спас жизнь старым и малым в военные и послевоенные годы. Жанровое своеобразие произведений, созданных как гимн, слово, плач, послание, проявилось в трансформации фольклорной традиции в калмыцкой поэзии о сибирской ссылке. Включение таких элементов, как *благопожелание* ‘йөрэл’, *гимн* ‘частр’, *слово* ‘үг’, *плач* ‘эңселһн’, *поучение* ‘сургаал’, *проклятие* ‘харал’, *сновидение* ‘зүүдн’, демонстрирует

также синтез жанров, характерных для фольклора и литературы монголоязычных народов. Монологические и сюжетные формы определяют содержательный аспект стихотворений, обращенных к современникам и потомкам, прямо или в контексте призывающих не забывать о трагическом прошлом народа. В некоторых произведениях упоминание божества *бурхн*, использование междометия *дарк* 'о, боже' манифестируют, с одной стороны, возможность говорить о верованиях, а с другой — подтверждают приверженность калмыков старшего поколения к буддизму, не утраченному и в ссылке. Колористика черного и белого в этих текстах, осязательный, обонятельный ракурс, ключевые концепты жизни и смерти, мороза и тепла, зимы и весны, света и темноты, еды и голода, радости и плача, своего и чужого — все это воссоздает общую картину размышлений и переживаний калмыцких поэтов как связанных с сибирской ссылкой, так и родившихся после нее. Не все произведения, созданные на родном языке, имеют русский перевод, передающий своеобразие оригинала. Из двух стихотворений, созданных русскоязычными авторами, на калмыцкий язык переведено лишь одно Э. А. Эльдышевым. Написанные в конце XX и в начале XXI вв. репрезентативные стихотворения калмыцких поэтов свидетельствуют об исторической и личной памяти.

Источники

- Буджалов 2023 — *Буджалов Е.* Весна 1944 года / пер. Р. Ханиновой. Из личного архива.
- Ханина Р. 2023 — *Ханина Р.* Көрэ боднцгин туст энцлһн / пер. Э. Эльдышева. Из личного архива.
- Ханинова 2023 — *Ханинова Р.* Плач по мерзлой картошке. Из личного архива.

Литература

- Арутюнов 2001 — *Арутюнов С. А.* Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 10–17.
- Бадмаев 1984 — *Бадмаев А. В.* Калмыцкая дореволюционная литература. Изд. 2-е, испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 168 с.

- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2997. 592 с.
- Бембин Т. 1992 — *Бембин Т.* Боднцгин туск частр // Хальмг үнн. 1992. Хулһн сарин 20. X. 3.
- Бембеев 2005 — *Бембеев Т.* Гимн картошке // Бембеев Т. О. На уровне сердца. Стихи и поэма. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 36–37.
- Буджала Е. 1998 — *Буджала Е.* 1944 жилин хаврар... // Хальмг үнн. 1998. Бар сарин 8. X. 1.
- Буджала Е. 2008 — *Буджала Е.* 1944-гч жилин хавр // Буджала Е. Дурн делкэг залтха: шүлглж бичсн түүк, поэмс, шүлгүд. Элст: Барин гер «Герл», 2008. X. 381–382.
- Герасимович 2006 — *Герасимович Л. К.* Монгольская литература XIII — начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 362 с.
- Гладкова 2001 — *Гладкова О. В.* Слово // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 1002.
- Гучинова 2001 — *Гучинова Э.-Б. М.* Пища калмыков в России и в США: опыт сравнительного анализа // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 231–249.
- Гучинова 2019 — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь. Биографическое интервью с Е. А. Буджаловым // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 1. С. 222–269.
- Дамдинов 1989 — *Дамдинов Д. П.* О растительной пище монгольских народов // Цыбиковские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ: [б. и.], 1989. С. 43–45.
- Иванюк 2015 — *Иванюк Б. П.* Плач. Словарная презентация жанра // ФИЛОЛОГОС. 2015. № 24(1). С. 23–29.
- Инжин Л. 1994 — *Инжин Л.* Боднцгин туск үг // Теегин герл. 1994. № 2. X. 5.
- Инжин Л. 2005 — *Инжин Л.* Боднцгин туск үг // Инжин Л. Санан: шүлгүд болн орчуллһс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 2005. X. 46–47.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Липинская 2001 — *Липинская В. А.* Адаптивно-адаптационные процессы в народной культуре питания русских // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 18–249.
- Насунов 2017 — *Насунов Д.* Картошка // Насунов Д. Избранное. Стихи, рассказы, литературные портреты, эссе / сост. А. Д. Далаев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 28.

- Тепкенкиев 2007 — *Тепкенкиев Э. Түрүн иньгм — бодницг* // Тепкенкиев Э. И. Цаһан Сар. Стихи на рус. и калм. яз. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. X. 84–86.
- Тепкенкиев 2007 — *Тепкенкиев Э. Картошка* // *Тепкенкиев Э. И. Цаһан Сар. Стихи на рус. и калм. яз.* Элиста: НПП «Джангар», 2007. С. 41.
- Церенов 2017 — *Церенов В. Неброская красота* // Насунов Д. Избранное. Стихи, рассказы, литературные портреты, эссе / сост. А. Д. Далаев. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 3–26.
- Шкаренков 2008 — *Шкаренков П. П. Гимн* // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий.* М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 45–48.
- Шурганова 2013 — *Шурганова Р. Б. Глоток степного воздуха. Стихотворения на калм. и рус. яз.* Элиста: НПП «Джангар», 2013. 128 с.
- Шуурһна Р. 2014 — *Шуурһна Р. Бүлэн бодницг* // Теегин герл. 2014. № 5. X. 80–82.
- Эльдшэ Э. 1991 — *Эльдшэ Э. Көрэ бодницгт* // Теегин герл. 1991. № 1. X. 84.
- Эльдышев 1996 — *Эльдышев Э. Мерзлой картошке* // *Эльдышев Э. А. Ночное небо: стихотворения и поэмы.* Элиста: АПП «Джангар», 1996. С. 30.

Художественная антропология Расула Гамзатова (на примере книги «Мой Дагестан»)

Бэла Зауровна Мхце¹

¹ Ставропольский государственный педагогический институт гуманитарных исследований (д. 417 А, ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

кандидат филологических наук

 0009-0008-4746-4669. E-mail: mxze79[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Мхце Б. З., 2023

Аннотация. В настоящей статье затрагивается вопрос художественного освоения феномена человека в творчестве советского поэта, прозаика, публициста, советского и российского общественного и политического деятеля, переводчика Расула Гамзатова. *Цель* исследования — анализ произведения Расула Гамзатова «Мой Дагестан» в аспекте художественной антропологии. *Результаты.* Особый интерес к художественной антропологии в творчестве Расула Гамзатова продиктован культурологическими, общественными, социальными изменениями, произошедшими в XX–XXI вв. Глобальная маргинализация общества, информационные войны, отступление от духовных и культурных ценностей народа могут привести к потере идентичности и полному исчезновению этнокультурной общности. Творчество писателя — это уникальное явление, которое позволит читателю осмыслить внутренний мир человеческой души, осознать место человека в мире и его предназначение. Создавая собственную концепцию человека с помощью художественных средств, Расул Гамзатов отвечает на глобальные вопросы бытия.

Ключевые слова: художественная антропология, поэзия, литература, культура, духовно-нравственные ценности, человек

Для цитирования: Мхце Б. З. Художественная антропология Расула Гамзатова (на примере книги «Мой Дагестан») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 200–211. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-200-211

Rasul Gamzatov's Anthropology of Literature: A Case Study of *My Dagestan*

Bela Z. Mkhitse¹

¹ Stavropol State Pedagogical Institute for Humanities Research
(417 A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology)

 0009-0008-4746-4669. E-mail: mxze79[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Mkhitse B. Z., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines literary endeavors into the phenomenon of man in a work by the Soviet poet, novelist, publicist, Soviet and Russian public and political figure, translator Rasul G. Gamzatov. *Goals.* The paper aims to analyze R. Gamzatov's *My Dagestan* from the perspective of anthropology of literature. *Results.* Our interest in the anthropology of R. Gamzatov's literature arises from cultural, social, and nation-wide changes of the twentieth and early twenty first centuries. The global marginalization of society, information wars, deviations from ethnic spiritual and cultural values can lead to identity loss and complete disappearance of any ethnocultural community. The writer's works constitute a unique phenomenon instrumental in comprehending the inner world of human soul, understanding an individual's place and cause in the world. R. Gamzatov employs literary tools to create his own concept of man and answer the universal questions.

Keywords: anthropology, poetry, literature, culture, spiritual and moral values, man

For citation: Mkhitse B. Z. Rasul Gamzatov's Anthropology of Literature: A Case Study of *My Dagestan*. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 1: 200–211. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-200-211

Введение

Объектом художественной антропологии является воссозданный в искусстве человек, который исследуется другим человеком — автором [Автухович 2013: 6]. В настоящей статье затрагивается вопрос художественного освоения феномена человека

в творчестве советского поэта, прозаика, публициста, советского и российского общественного и политического деятеля, переводчика Расула Гамзатовича Гамзатова (1923–2003). Особый интерес к художественной антропологии в творчестве Расула Гамзатова продиктован культурологическими изменениями, произошедшими в XX в. Расул Гамзатов — из тех художников слова, которые утверждают непреходящую ценность человеческой личности и в художественной форме исследуют отношения этой личности с миром. Творчество писателя — это уникальное явление, которое позволяет читателю осмыслить внутренний мир человеческой души, осознать место человека в мире и его предназначение. Создавая собственную концепцию человека с помощью художественных средств, Расул Гамзатов отвечает на глобальные вопросы бытия [Чуякова, Мхце 2022: 635].

Книга Расула Гамзатова «Мой Дагестан» — это произведение о человеке и главных человеческих ценностях, это произведение, которое в силах изменить человека, его отношение к миру и к людям, как частицам этого мира. «Мой Дагестан» — книга, которая позволяет приобрести бесценный жизненный опыт. В этом произведении автором выстроена стройная антропологическая концепция, включающая доминанты: человек, народ, дом, мать, отец, огонь, вода, мужество, правда, язык, слово, талант.

В настоящей статье рассматриваются ключевые категории художественной антропологии Р. Гамзатова — человек, народ, язык, дом, отец, мать.

Методология исследования

Изучению художественного пространства творчества Расула Гамзатова посвящено немало исследовательских работ. Значительный вклад в изучение наследия аварского писателя внесли Х. М. Алиева [Алиева 2012], Х. И. Алиева [Алиева 2010], Э. А. Абдулатипова [Абдулатипова 2008], П. С. Черкесова [Черкесова 2006], З. А. Агаева [Агаева 2004], А. М. Муртазалиев [Муртазалиев 1994] и др.

Внимание исследователей привлекли как поэзия, так и проза Р. Гамзатова в самых разных аспектах: жанровое своеобразие прозы Р. Гамзатова [Алиева 2010], художественное своеобразие поэзии Р. Гамзатова [Алиева 2012], философская и любовная лирика поэта [Черкесова 2006], пейзаж как атрибут национального мировосприятия и художественного своеобразия в творчестве Расула Гамзатова. Интересны исследования, посвященные этнографическому потенциалу поэзии Р. Гамзатова в духовно-нравственном и эстетическом воспитании школьников [Муртазалиев 1994], [Абдулатипова 2008].

Новым этапом в исследовании наследия Расула Гамзатова является изучение художественной антропологии поэта, в частности на примере книги «Мой Дагестан» в переводе на русский язык.

Выбор для исследования обусловлен недостаточной изученностью обозначенной литературоведческой проблемы в данном тексте. Выбор материала исследования также продиктован необходимостью введения произведения «Мой Дагестан» в программы изучения литературы народов России, литературы народов Северного Кавказа (для педагогических, лингвистических, литературоведческих специальностей вузов России), а также для обеспечения регионального компонента в школьном курсе литературы и родной литературы.

Материалы исследования

В настоящей статье исследуется восприятие текста «Мой Дагестан» русскоязычным читателем, не читающим это произведение в оригинале на аварском языке, поэтому материалом исследования явилось произведение «Мой Дагестан» Расула Гамзатова на русском языке, переведенное с аварского языка русским писателем и переводчиком В. Солоухиным

На аварском языке книга «Мой Дагестан» была опубликована в 1968 г. в дагестанском журнале «Дружба». Книжное издание на аварском языке вышло в свет в 1969 г. Вскоре произведение было переведено на русский язык в двух книгах. В журнале «Роман-газета» за 1968 г. (№ 14) была размещена первая книга [Гамзатов:

1968], в 1973 г. (№ 5) — вторая книга «Мой Дагестан» [Гамзатов: 1973]. Публикация вызвала большой резонанс, явилась предметом интереса как читателей, так и литературных критиков, а позже и ученых. Произведение «Мой Дагестан» переведено на многие языки мира, книга выдержала несколько переизданий.

В настоящей статье исследуется текст произведения, изданный в 1985 г. в Махачкале в издательстве «Дагучпедгиз».

Антропологизм прозы Расула Гамзатова («Мой Дагестан»)

Человек у Расула Гамзатова — это, прежде всего, свобода: «Человек и свобода на аварском языке называются одним и тем же словом. “Узден” — человек, “узденлыи” — свобода, поэтому, когда имеется в виду человек, имеется в виду, что он свободен» [Гамзатов 1985: 293]. Автор считает, что свобода — это способность человека творить самого себя и мир других людей, выбирать образ будущего мира. Поэтому два понятия — человек и свобода — идентичны. Человек, считает писатель, это первая необходимость, драгоценность и великое чудо.

Есть у Расула Гамзатова надписи на предметах, которые подчеркивают ценность человека, его значимость.

Например, надпись на могильном камне гласит:

Он мудрецом не слыл
И храбрецом не слыл,
Но поклонись ему:
Он человеком был [Гамзатов 1985: 293].

Надпись на кинжале:

Ну кто бы там ни встретился в пути,
Идя с враждой навстречу иль с приветом,
Он человек такой же, как и ты,
Нося кинжал, не забывай об этом [Гамзатов 1985: 293].

Поэт-гуманист считает, что все люди на земле должны быть равны. Мерилом человечности у него являются уважение, правдивость, любовь, мужество, отвага, храбрость, героизм... «Горец клянется: человеком родился — человеком умру! Правило горцев: продай поле и дом, потеряй все имущество, но не продавай и не теряй в себе человека» [Гамзатов 1985: 294].

Человек, свобода, честь, отвага сливаются у Р. Гамзатова в одно понятие: «Человек — это не просто название, но звание, притом звание высокое, и добиться его непросто» [Гамзатов 1985: 301]. В человеке не имеют места трусость, лицемерие, лживость, гордыня... «Когда начинают рассказывать о недостойном, мелком, подлом, горцы обрывают рассказ: не тратьте на него слов. Он не человек» [Гамзатов 1985: 294].

Идеал человека у Расула Гамзатова — это патриот, всецело любящий свою Родину — и большую, и малую. В произведении «Мой Дагестан» поэт пишет: «Мой отец — Дагестан, моя мать — Россия» (цит. по: [Чуякова, Мхце 2022: 637]).

Народ, по Р. Гамзатову, — это не население страны, не численность. Народ — это общность людей, какой численностью бы она ни была, способная объединиться ради свободы и мира. Это общность, которая не ведает страха и трусости, которая готова защищать идеалы, готова сохранить свой язык, традиции и обычаи: «Есть мой народ! Есть мой Дагестан! Есть народ, язык, имена, обычаи. Вот судьба Дагестана! Играются свадьбы, качаются колыбели, поднимаются тосты, поются песни» [Гамзатов 1985: 324].

Язык у Расула Гамзатова — основа жизни культурного человека. Язык надо ценить и беречь. Поэт считал, что именно язык объединяет людей разных поколений, национальностей, вероисповеданий.

Много писал о значении великого русского языка: «Если родной язык вызывает у меня образ колыбели, то русский язык — образ очага, собравшего вокруг себя многих людей. Родной язык — это великое наше наследие, передаваемое из поколения в поколение. Но на каком языке я буду говорить с эстонским другом, с грузинским другом, с туркменским другом? Как бы ни любил каждый из

нас свой язык, мы хорошо понимаем: ни одному из наших языков не под силу стать посредником в общей беседе» (цит. по: [Чуякова, Мхце 2022: 637]).

Расул Гамзатов — счастливый поэт и человек. Он познал всю силу, мощь, величие родного аварского языка. Поэт в полной мере испытал на себе живительную силу родного аварского языка:

И, смутно слыша звук родимой речи,
Я ожидал, и наступил тот миг,
Когда я понял, что меня излечит
Не врач, не знахарь, а родной язык (цит. по: [Чуякова, Мхце 2022: 638]).

Свое восхищение родным языком, любовь к нему поэт выражает лаконично, но емко: «Мой родной аварский язык! Ты моё богатство, сокровище, хранящееся про черный день, лекарство от всех недугов» (цит. по: [Чуякова, Мхце 2022: 638]).

У поэта одна мольба: «Я молю Аллаха не лишить меня моего языка. Я хотел бы писать так, чтобы мои стихи, и эта моя книга, и все, что я напишу, было понятно и дорого и матери, и сестре, и каждому горцу, и каждому человеку, в руки которого попадет моя книга. Я не хочу навевать скуку — я хочу приносить радость. Если же испортится мой язык, сделается холодным, непонятным и скучным — одним словом, если я испорчу мой язык, страшнее этого в жизни для меня ничего не будет» (цит. по: [Чуякова, Мхце 2022: 639]).

Поэт призывает людей бережно относиться к слову: «Разве слово похоже на орех, чтобы его грызть и дробить зубами? Или разве слово похоже на чеснок, чтобы его толочь в каменной ступе каменным пестиком? Или разве слово — это сухая каменистая земля, которую нужно пахать, что есть силы, налегая на соху? Произноси слова легко, без натуги, чтобы зубы твои не лязгали и не стучали» (цит. по: [Чуякова, Мхце 2022: 639]).

Расул Гамзатов уважительно относится и к другим языкам: «Для меня языки народов — как звезды на небе. Я не хотел бы,

чтобы все звезды слились в одну огромную, занимающую полнеба звезду. На то есть солнце. Но пусть сияют звезды. Пусть у каждого человека будет своя звезда», — пишет он. И тут же добавляет: «Я люблю свою звезду — мой родной аварский язык. Я верю тем геологам, которые говорят, что и в маленькой горе может оказаться много золота» (цит. по: [Чуякова, Мхце 2022: 640]).

Дом, по Расулу Гамзатову, — это его Родина. Поэт считает, что у каждого человека должен быть отчий дом, где его любят, растят, учат, воспитывают, где он с молоком матери впитывает культуру и менталитет своего народа. Дом кубинца — Куба, дом черкеса — Черкесия, дом европейца — Европа. Дом Расула Гамзатова — это Дагестан. Поэт пишет: «Аварское слово „ригъ“ имеет два значения: „дом“ и „возраст“. Эти два значения сливаются для меня в одно. Возраст-дом. Достиг возраста — должен иметь свой дом» [Гамзатов 1985: 265]. В буквальном смысле автор говорит о том, что если человек достиг определенного уровня, если он понимает ценность своего дома — Родины, если он готов ее любить, беречь, защищать, то он — истинный сын матери своей, хозяин своего «дома». Расул Гамзатов пишет, что нет смысла сравнивать свой дом — страну с другими странами. Например, Дагестану «...хорошо на своем месте. Крыша не течет, стены не покривились, двери не скрипят, в окна не дует. В горах тесно, зато в сердце широко» [Гамзатов 1985: 268].

Человек может смело смотреть на мир, если он чувствует под ногами родную землю. Когда человек рождается, он не выбирает себе дом, не выбирает Родину. Никто его не спрашивает, где бы он хотел родиться, но если спросят, что он должен ответить? На этот вопрос Р. Гамзатов дает простой ответ — Дагестан. Автор приводит интересное сравнение: мир — это большое блюдо, а человек — это маленькая ложка на этом блюде. Но и эта маленькая ложка способна сделать большое дело.

Люди, живущие в разных «домах», должны понимать друг друга и дружить. В книге «Мой Дагестан» Расул Гамзатов вспоминает встречу с лидером Кубы Фиделем Кастро. Он подарил команданте кавказскую бурку. Тот удивленно спросил у поэта: «Почему

нет пуговиц». Гамзатов ответил: «Чтобы в случае нужды быстрее сбросить и схватиться за саблю» [Гамзатов 1985: 268]. Кубинский лидер понял дагестанского поэта: «Настоящая партизанская одежда» [Гамзатов 1985: 268]. Этим воспоминанием поэт хочет сказать, что, где бы ни жили люди и на каком конце планеты не находились их дома, общий язык можно найти всегда.

Важнейшее место в художественной антропологии Расула Гамзатова отводится *матери* и *отцу*. В книге «Мой Дагестан» поэт посвящает целую главу осмыслению места отца и матери в жизни человека. Сравнивает родителей с важнейшими стихиями, которые позволяют человечеству жить на протяжении многих тысячелетий, — это огонь и вода. Мать — вода, отец — огонь. У Дагестана есть отец — огонь, мать его — вода.

Отцом Расула Гамзатова был известный дагестанский поэт и просветитель Гамзат Цадаса. Отец сыграл большую роль в становлении сына как поэта. Именно он вложил в сына любовь к поэтическому слову.

Сам Р. Гамзатов вспоминал: «Я уже напечатал много стихов, но люди знали меня не как поэта Расула Гамзатова, а как сына Гамзата Цадасы. Отец был первым наставником в поэтическом искусстве. Он сказал о моих первых стихах: „Если взять щипцы и попрыгаться в этой золе, то можно найти уголек хотя бы для того, чтобы прикурить папиросу“» (цит. по: [Чекалов 2003: 47]).

Отцу Расул Гамзатов посвятил более десяти стихотворений и поэму «Разговор с отцом». В книге «Мой Дагестан» отец поэта выступает в роли учителя и наставника. Он вкладывает в сына понятия о чести, мужестве, правде, любви к родине и народу. Поэт вспоминает слова отца: «Если совершить недостойный поступок, сколько бы потом не молился, сделанного не воротишь. Человек, совершивший позорный поступок, а потом через несколько лет начавший раскаиваться, подобен тому, кто хочет погасить долг старыми, дореформенными деньгами» [Гамзатов 1985: 87]. Глубоко поучительная мысль заключена в этих мудрых словах: если человек позволил злу свершиться, равнодушно глядя на это, потом бессмысленно что-то исправлять. Это о том, что человек не должен

быть равнодушным или трусливым, и позволять торжествовать злу. Мудрый отец учит сына, что нельзя смеяться над теми, кто не похож на тебя: «Запомни, сын мой: нельзя смеяться над бедностью и над теми, кто ищет воду» [Гамзатов 1985: 258].

Особое место в жизни человека занимает мать. Вот и у Расула Гамзатова мать — это центр семьи, это очаг, семейный уют, тепло, ласка и нежность. Нет ничего страшнее слез матери и дороже ее улыбки. Самые лучшие свои стихотворения поэт посвящает матери: «Мама», «Слово о матери», «Матери», «Изрек поэт» и другие.

Все то, что мной написано доселе,
Сегодня до строки готов отдать
За песню ту, что мне у колыбели
Вблизи вершин ты напевала, мать.

Там, где вознесся к небу сопредельный
Кавказ, достойный славы и любви,
Не из твоей ли песни колыбельной
Берут начало все стихи мои (цит. по: [Чекалов 2003: 48]).

Слова поэта о матери трогают до глубины души. Р. Гамзатов создает гимн матери. Он не стесняется своих чувств. В мире, где теперь все подчиняется законам разума, человек стесняется показаться сентиментальным, боится показать самое сокровенное чувство — любовь к матери:

Как бы ни манил вас бег событий,
Как ни влек бы в свой водоворот,
Пуще глаза маму берегите
От обид, от тягот и забот (цит. по: [Чекалов 2003: 50]).

Поэт призывает любить матерей и беречь их.

Памяти матери поэт посвятил поэму «Берегите матерей», написанную в 1976 г., через 11 лет после того, как ее не стало. А в книге «Мой Дагестан» образ матери является ключевым.

Заключение

Великий гуманист, посол мира, любви и красоты Расул Гамзатов создал антропологическое пространство, в котором доминантой является человек, наделенный высшими человеческими ценностями. Гамзатов был борцом за мир, и герои его произведений тоже живут ради мира на земле. Произведения Расула Гамзатова содержат высокий духовно нравственный потенциал. Художественная антропология поэта стремится изменить в лучшую сторону не только человека и общество, но и спасти весь мир.

Источники

- Гамзатов 1985 — *Гамзатов Р.* Мой Дагестан. Махачкала: Дагучпедгиз, 1985. 438 с.
- Гамзатов 1968 — *Гамзатов Р.* Мой Дагестан // Роман-газета. № 14 (612). М.: Худ. лит., 1968. С. 2–92.
- Гамзатов 1973 — *Гамзатов Р.* Мой Дагестан // Роман-газета. № 5 (723). М.: Худ. лит., 1973. С. 2–78.

Литература

- Абдулатипова 2008 — *Абдулатипова Э. А.* Духовно-нравственное воспитание школьников на этнокультурном потенциале произведений Расула Гамзатова: автореф. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2008. 24 с.
- Автухович 2013 — *Автухович Т. Е.* Литературная антропология, антропология литературы: обновление традиции или поиск новых подходов? // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы. Гродно: ГрГУ, 2013. С. 3–10.
- Агаева 2004 — *Агаева З. А.* Пейзаж как атрибут национального мировосприятия и художественного своеобразия в творчестве Расула Гамзатова: автореф. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. 21 с.
- Алиева 2010 — *Алиева Х. И.* Проза Расула Гамзатова: жанровые особенности: автореф. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010. 22 с.
- Алиева 2012 — *Алиева Х. М.* Художественное своеобразие поэзии Расула Гамзатова: аспект национально-русского взаимодействия: автореф. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012. 22 с.
- Муртазалиев 1994 — *Муртазалиев А. М.* Изучение поэзии Расула Гамзатова на уроках аварской литературы: автореф. ... канд. пед. наук. М., 1994 с. 23 с.

- Чекалов 2003 — *Чекалов П. К.* Литература народов Северного Кавказа: курс лекций. Ставрополь: СГУ, 2003. 119.
- Черкесова 2006 — *Черкесова П. С.* Философская и любовная лирика Расула Гамзатова: особенности мировосприятия лирического героя: автореф. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 20 с.
- Чуякова, Мхце 2022 — *Чуякова Н. М., Мхце Б. З.* Художественная антропология Расула Гамзатова: язык как основа жизни культурного человека // Антропологическая миссия российского учительства в современном мире: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. (дата, город). Ставрополь: Тимченко О. Г., 2022. С. 635–641.

Бурятские версии эпоса «Джангар»

Сэсэгма Дмитриевна Гымпилова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д.б, ул. Сахъяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация) кандидат филологических наук, научный сотрудник 0000-0002-4251-3379. E-mail: gumps70[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Гымпилова С. Д., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию бурятских версий эпоса «Джангар». Поскольку до настоящего времени тексты бурятских версий «Джангара», их структурные особенности практически не изучены и представляют особый интерес в устной традиции бурят, то их исследование является актуальным. *Цель* исследования — определение и выявление сходства и различия бурятской и калмыцкой версий «Джангара». *Материалом исследования* послужили варианты бурятских эпических произведений о Джангаре, записанные Д. С. Дугаровым в 1964 г. в Джидинском районе и А. Н. Степановым в 1941 г. в Селенгинском районе Республики Бурятия. Для сравнения был также изучен вариант улигера «Богдо Жангар туухэ», записанный у бурят Монголии в 1927 г. *Результаты.* Выявлено, что джидинская и селенгинская версии имеют много общих черт со 2 песней калмыцкого эпоса «Джангар» — Женитьба богатыря Хонгора. Исследование показало, что они, кроме общих черт, имеют и различия, отличаются отдельным сюжетом, персонажами. Бурятские версии эпоса «Джангар» не только сохранили свою первоначальную основу, но также подверглись некоторому влиянию хоринской улигерной традиции (особенно селенгинская), что, несомненно, требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: эпический жанр, эпос «Джангар», бурятские версии, поэтика, эпические герои, общие черты, различие

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания — проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер государственной регистрации: 121031000259-6).

Для цитирования: Гымпилова С. Д. Бурятские версии калмыцкого эпоса «Джангар» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 212–229. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-212-229

Buryat Versions of the Jangar

*Sesegma D. Gympilova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0002-4251-3379. E-mail: gymps70[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Gympilova S. D., 2023

Abstract. *Introduction.* The article deals with Buryat versions of the Epic of Jangar. Texts of the Buryat versions and their structural features have remained unstudied to date and are of particular interest within the Buryat oral tradition. *Goals.* The study aims to delineate and identify similarities and differences between the Buryat and Kalmyk versions of the Jangar. *Materials.* The paper focuses on variants of Buryat epic narratives about Jangar recorded by D. Dugarov in 1964 in Dzhidinsky District, and A.N. Stepanov in 1941 in Selenginsky District of Buryatia. The latter texts are compared to an uliger titled ‘Bogdo Zhangar Tuukhe’ and recorded from ethnic Buryats of Mongolia in 1927. *Results.* The work reveals that the Dzhida and Selenga versions have quite a number of common features with the second song of the Kalmyk Jangar — The Marriage of Baatar Khongor — while the former contain some certain distinguishing aspects, e.g., a differing plot element and a few characters. The Buryat versions of the Jangar have not only preserved their original basis but also been somewhat influenced by the Khori uliger tradition (especially the Selenga one), which undoubtedly requires further research.

Keywords: epic genre, epic of Jangar, Buryat versions, poetics, epic heroes, common features, differences

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000259-6 ‘Peoples of the Baikal Region: Exploring Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts’.

For citation: Gympilova S. D. Buryat Versions of the Jangar. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 1: 212–229. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-212-229

Введение

Произведения устной народной поэзии, в особенности героический эпос, служат своего рода сводом знаний, благодаря которому каждое новое поколение получает представление о предшественниках, их жизненных, духовных ориентирах, взаимоотношениях с окружающим миром.

В духовной культуре калмыков героический эпос «Джангар» как монументальный памятник устной традиции занимает особое место. Он включает в себя отдельные эпические песни, воспевающие героические подвиги богатырей во главе с Джангаром в борьбе за независимость и свободу народа, за мир и счастье людей.

Извечная мечта об идеальном общественном устройстве, ставшая лейтмотивом «Джангара» — одного из шедевров мировой эпической поэзии, постоянно привлекала к себе внимание ученых, собирателей фольклора, издателей, переводчиков. Изучение «Джангара» в России имеет двухсотлетнюю традицию.

Калмыцкий эпос состоит из отдельных песен с самостоятельным сюжетом, объединенных между собой героической фигурой Джангара и местом действия – эпической страной Бумбой. Но в процессе длительной эволюции архитектура эпоса менялась, эпос циклизовался.

По своему объему эпос «Джангар» не отличается особо от эпосов других народов, но, заметим, превышает объем «Илиады» (15 693 стихотворные строки) и «Одиссеи» (12 110 стихотворных строк), вместе взятых.

Известно, что одним из первых научных известий о «Джангаре» является историко-этнографический очерк Б. Бергмана, включающий прозаический пересказ на немецком языке эпической песни о поражении свирепого Хара Киняса из эпоса «Джангар» [[Бергман 1804–1805](#)].

Вслед за К. Ф. Голстунским [Голстунский 1864], многие выдающиеся монголоеды, внесшие большой вклад в исследование эпоса, называли его «дивной поэмой» [Бобровников 1864; Позднеев 1889; Козин 1940; Котвич 1958; Владимирцов 1967; Михайлов 1971; Очиров 1910].

Издание монографии А. Ш. Кичикова [Кичиков 1992] стало значительным событием в сравнительно-типологическом исследовании калмыцкого эпоса «Джангар»: автором рассмотрены и проанализированы все версии эпоса, затронуты вопросы их поэтических и жанрово-стилистических особенностей, которые бытовали в устном творчестве калмыков, ойратов Синьцзян-Уйгурской области КНР и Северо-Западной Монголии, халха-монголов, бурят.

Художественные особенности эпоса «Джангар» рассматривались в работах А. В. Кудиярова [Кудияров 1983; Кудияров 2002]. На богатом фактическом материале методом аналитического исследования автору удалось проследить закономерность и системность стилевого воплощения художественной темы, идей, мысли в народном эпосе монголоязычных и тюркских народов Сибири.

Необходимо отметить, что эпос «Джангар» также является предметом изучения зарубежных ученых, которые в своих исследованиях обращались и к вопросам художественно-поэтического содержания эпического памятника «Джангар» [Лёринц 1969; Хайссиг 1985; Борманшинов 1981; Загдарсурэн 1978; Дамринжав 2002; Ринчиндорж 2004; Джамцо 2005; Монхоо 2014; Таяя 2016].

Известно, что эпические сказания о Джангаре бытуют у всех ойратов Синьцзяна. «Исследователь Т. Джамцо сообщает о записи шестидесяти шести глав-песен и сорока вариантов к ним, несколько позже Ж. Ринчиндорж упоминает о записи семидесяти полнотекстовых глав-песен и ста пятидесяти вариантов» [Селеева 2020: 37]. Песни «Джангара» бытуют и в других регионах. Несколько небольших сюжетов о Джангаре было записано А. В. Бурдуковым у сарт-калмыков в Киргизии [Бурдуков 1935]; от алтайского сказителя Н. К. Ялатова был зафиксирован «Джангар» («Янгар») [Ялатов 1997; Ялатов 2002; Ялатов 2004]; записаны две бурятские версии о «Джангаре» [Үнчэн Жагар богдо хаан 2002], а в Туве

порядка тридцати лет назад была записана сказка о Джангаре [Загдарсүрэн 1978]. Эпические песни «Джангара» получили распространение в Монголии и у калмыков, откочевавших из России в 1771 г. и ныне проживающих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР [Дүгэрсүрэн 2000; Джангар 2005; Джангар 2006; Джангар 2008; Жангар 2010].

Изучению эпоса «Джангар» также посвящены работы таких современных калмыцких и бурятских исследователей, как Н. Ц. Биткеев [Биткеев 1990], Э. Б. Овалов [Овалов 2008], Б. Х. Тодаева [Тодаева 1976], Н. Б. Пюрвеева [Пюрвеева 2003], Т. Г. Борджанова [Борджанова 2004], Э. П. Бакаева [Бакаева 2011], Е. Э. Хабунова [Хабунова 2006], Ц. Б. Селеева [Селееева 2013; Селееева 2020], Г. Д. Санжеев [Санжеев 1940], Д. С. Дугаров [Дугаров 1978], С. Ш. Чагдуров [Чагдуров 1980], Б. Д. Цыбенкова [Цыбенкова 2000] и др. Исследователи обращают особое внимание на художественные особенности калмыцкого эпоса, описывают храбрость и отвагу эпических богатырей, их безграничную преданность своей родине, стране Бумба, Джангар Богдо-хану и своему народу.

К сожалению, работ, касающихся сравнительного исследования «Гэсэра» и «Джангара», выявления их общих и отличительных черт, особенностей их поэтики, практически нет. Наибольший интерес в плане сравнительного изучения бурятского и калмыцкого эпосов представляет диссертационное исследование Б. Д. Цыбенковой «Общности и различия бурятского эпоса «Гэсэр» и калмыцкого эпоса «Джангар» [Цыбенкова 2000]. В своем исследовании автор предпринял попытку комплексного исследования двух эпосов с учетом исторических, культурных, религиозных, социальных взглядов создателей этих эпических памятников, отражения в них основных этапов становления в развитии бурятского и калмыцкого этносов.

Новизна исследования обусловлена тем, что в настоящий период работ, посвященных изучению, выявлению характерных особенностей бурятских версий калмыцкого эпоса «Джангар», практически нет.

В настоящее время пока выявлены две бурятские версии калмыцкого эпоса «Джангар», записанные в Южном Забайкалье — Джидинском и Селенгинском районах Республики Бурятия.

Бурятская версия калмыцкого эпоса «Джангар» — «Ренчин богдо Джангаргай хаан» (В-1)

Эта версия была записана Д. С. Дугаровым в 1964 г. от Х. Д. Мариевой, 52 г., уроженки с. Верхний Торей Джидинского района. Приведем перевод краткого ее содержания: *Жил-был Ренчин богдо Джангаргай хаан, и был у него единственный сын восьмилетний Найдан Хонгор баатар. Джангаргай хан владел многотысячным скотом разных видов и, в том числе, десятитысячным табуном лошадей, за которыми присматривал лично сам, выезжая проводить их через каждые сорок девять дней. Однажды во время очередной проверки хан обнаружил, что лучшая в его табуне золотисто-саврасая кобыла родила голубого, с пятном на лбу жеребенка (Хухэ халзан). Хан решил, что это родился богатырский конь для его сына Хонгора. Следовательно, пришло время женить его. На вопрос хана: «Кто твоя, суженая?» — юный Хонгор, смущаясь, отвечает: «Слышал, у Наран Зулахана есть одна недурная девушка».*

По повелению Джангара Хонгор на своем голубом с пятном на лбу коне отправляется к своей суженой. Приехав в ставку Наран Зула хана, Хонгор узнает, что его суженую выдают за сына богача Баян Хуурайн Эрхэ Хара нюдэн. Через четыре дня после отъезда свадебного поезда Хонгор едет в ставку своего соперника, предварительно видоизменив себя и коня. Но противник догадывается, что перед ним не нищий пастух, а богатырь и вызывает Хонгора на единоборство. В богатырском поединке — в стрельбе из лука — Хонгор побеждает своего соперника и едет назад к его дворцу.

В пути он встречает множество подданных ханского сына, которые упрекают Хонгора в убийстве их хана. Хонгор уговаривает, успокаивает их и едет дальше. Навстречу идет и плачет молодая вдова хана. Хонгор говорит ей: «Ты моя суженая. Нам

с тобой ничего (чужого) не надо. Поедем вдвоем домой». Все движимое и недвижимое имущество хана Хонгор раздает его подданным, и, посадив свою суженую на своего коня Хухэ халзана, возвращаются домой. Приезжают и видят печальную картину. Златосеребряный дворец Джангара весь заржавел, из дымового отверстия его торчит ветка дерева. Конь его, привязанный к коновязи, выкапывает копытами железную коробку с письмом родителей. Из письма выясняется, что родителей разорил и увел в рабство девяностоголовый Большой Мангадхай в далекую западную страну.

Оставив молодую жену хозяйкой во дворце, Хонгор уезжает в страну Мангадхая спасти своих родителей. В пути он встречается старика на белом коне, от него узнает, что его единственную дочь увел тот Мангадхай, у которого она теперь живет в качестве наложницы. Старик на прощание дает Хонгору свою волшебную курительную трубку. Хонгор приезжает в ставку Мангадхая, снова видоизменив себя и коня. Здесь он встречается со своими родителями, которые настолько состарились, что не узнают сына.

Показав трубку отца, Хонгор договаривается с дочерью старика, чтобы та тайно выведала у Мангадхая, сколько у него душ и где они спрятаны. А сам нанимается в работники к Мангадхаю. Ночью, притворившись спящим в углу, подслушивает разговор Мангадхая с его наложницей и узнает, где спрятаны души Мангадхая. После этого он встает и уничтожает все восемь душ своего врага. Утром волшебной трубкой старика ударом в лоб убивает Мангадхая. После этого Хонгор забирает отца с матерью, дочь старика и отправляется назад. Доехав до юрты старика, возвращает ему его волшебную трубку и дочь. Также ему оставляет все богатство Мангадхая.

Едут дальше. Через некоторое время Хонгор, велев родителям следовать за ним, сам вперед уезжает. Подъезжая к своим кочевьям, встречает мальчика, пасущего телят. Поговорив с ним, Хонгор узнает, что это его сын и ему девять лет. Едет дальше и видит еще одного мальчика, пасущего ягнят. Он оказывается

тоже его сыном, и ему тоже девять лет. Тут он видит свой дворец. На этот раз золотосеребряный дворец Джангара и золотая коновязь излучали ослепительный блеск. А его жена ждала Хонгора дома [Дугаров 1978: 82–83].

Бурятская версия калмыцкого эпоса «Джангар» — «Үнчэн Жагар богдо хаан» (В-2)

Данная версия была записана А. Н. Степановым в 1941 г. в Селенгинском аймаке Бурятской АССР от Гармажапа Балданова. Больше никаких данных ни об исполнителе, ни о самом улигере не дается. Сама рукопись представляет собой 30 страниц машинописи. Стихотворный текст написан русским (кириллица) шрифтом на обычной стандартной писчей бумаге. Объем данной версии — 832 стихотворные строки. Данная версия опубликована на бурятском языке (селенгинский диалект) в сборнике «Сэлэнгын буряадуудай ульгэрнууд» (2002). Приведем перевод краткого ее содержания: *Жил-был Унчен Жагар богдо хаан. Был у него восьмилетний Найдан Хонгор тайжа. Жену Жагар богдо звали Шэлтэй Мэргэн хатун. Однажды, решив женить своего сына Найдан Хонгора, Жагар богдо навещает своего соседа, живущего у западной горы Туужээл Хара баатора. Тот рекомендует ему в невестки дочь Убгэн Буурал хана. Затем он с этим же вопросом обращается к другому своему соседу, к Хабшаалангын Хара батору, который живет в верховьях восточной реки. Хабшаалангын Хара батор рекомендует сватать для Хонгора дочь Гуулин хана, который живет в далекой восточной стране. Но Жагар богдо решает поехать к Убгэн Буурал хану.*

В это время лучшая в табуне беломордая темно-бурая кобыла ожеребилась. Оседлав этого богатырского жеребенка, Жагар богдо уезжает в страну Убгэн буурал хана. Убгэн Буурал хан, узнав о цели приезда гостя, просит отправить его будущего зятя через двадцать один день. Вернувшись домой, Жагар богдо в условленный срок отправляет сына к его будущему тестю. Но, приехав на место, Найдан Хонгор узнает, что его невесту выдали за сына Мангадхая. Рассерженный этим, он отсекает своей саблей

голову хана и отправляется вслед за невестой в страну Мангадхая. Здесь в богатырском поединке он убивает соперника Мангадхая, за что вдова последнего проклинает Найдан Хонгора, чтобы он вместе с конем своим погибли в пути. Тогда Найдан Хонгор убивает и ее.

Из рассеченной Найдан Хонгором утробы женщины выходит мальчик — мангадхай с чугунным луком и стрелой в руках, и предлагает Найдан Хонгору побороться. Три года и три месяца борются они. Наконец Найдан Хонгор побеждает и его. Затем, продолжая свой путь в северо-восточном направлении, Найдан Хонгор попадает в знойную, песчаную и безводную пустыню. Далее ему путь преграждает кипящее море, а затем и высокие, достигающие неба горы. Преодолев с трудом все эти препятствия, Найдан Хонгор едет дальше, но вскоре умирает вместе с конем от жажды и голода.

Об этом узнают его две сестры, они приезжают на место гибели Найдан Хонгора и оживляют его вместе с конем. Найдан Хонгор едет дальше, направляясь в страну Гуулин хаана. Недалеко от дворца Гуулин хаана он, видоизменяет себя и коня. Превратившись в грязного и оборванного нищего мальчика, останавливается он на квартире у бездетных стариков, слуг хана, которые усыновляют Хонгора. В это время в ханском дворце идут приготовления к свадьбе. Гуулин хаан выдает свою дочь замуж. На завтра с утра назначены состязания женихов. Восьмилетний Найдан Хонгор тайжи в образе нищего мальчика принимает участие в этих состязаниях и выходит победителем во всех трех видах состязания. Гуулин хаан догадался, что этот грязный нищий мальчик на самом деле могучий богатырь. По его просьбе восьмилетний Найдан Хонгор, приобретя свой истинный вид, женится на ханской дочери и вместе со своими приемными родителями, бывшими слугами хана, с молодой женой возвращаются домой.

Приехав домой, видят: стойбище Джангара заросло бурьяном. Из письма, извлеченного конем из-под коновязи, Найдан Хонгор узнает, что его родителей разорил и увел в рабство Долодой хан, живущий в далекой северо-восточной стране.

Хонгор отправляется за своими родителями. В пути к Долодой хану он встречается с одним стариком, который оказывается бывшим подданным его отца, Джангара. Он сообщает Найдан Хонгору, что Долодой хан увел его дочь и превратил ее в гигантского червя. Старик дает Найдан Хонгору перстень дочери. При помощи этого перстня он устанавливает контакт с дочерью старика. А родителей своих он находит в сennom балагане, но они не узнают сына. Наконец, узнав, что перед ними их сын, Джангар предлагает Найдан Хонгору наняться к Долодой хану в качестве пастуха и тайком уничтожить его четыре души, которые спрятааны в орле, березе, косуле и изюбре. За четыре дня Найдан Хонгор уничтожает все четыре души врага. После этого он убивает и самого хана и вместе с родителями благополучно возвращается на родину [Дугаров 1978: 83–85].

Как видим, эти версии очень близки друг к другу и, несомненно, являются вариантами одного и того же улигера о Джангаре. Здесь прежде всего необходимо выяснить, являются ли на самом деле рассматриваемые произведения бурятского фольклора самостоятельными и оригинальными версиями калмыцкого эпоса «Джангар»? Что же у них общего?

Калмыцкий эпос «Джангар» и бурятские версии. Общие черты

Исследование бурятских версий калмыцкого эпоса «Джангар» показало, что они имеют схожие черты со второй песней из большого цикла «Джангар» в записи от сказителя Ээлян Овла — «Женитьба богатыря Хонгора» [Джангар 1990: 206–240]. Например, в бурятских улигерах о Джангаре имена главных эпических героев — Джангар и Хонгор имеют более сложную формулировку. В селенгинской версии «Джангара» это — Родившийся в городе Узэм-Дари, сирота Жагар богдо хан Үзэмчин Үзэм — *Дари хотоноос уурсэжэ гарсан Үнчен Жагар Богдо хаан*, в версии, записанной у монгольских бурят — сын Эзэн Бухайр Богдо Жангар. На схожесть с эпосом «Джангар» указывают его эпитеты — *унчен* ‘сирота’, *богдо* ‘святейший’, титул *хаан* ‘хан’.

Имя же второго по значимости и популярности калмыцкого эпического богатыря Улаан Хонгора представлено в бурятских версиях как *Найман настай Найдан Хонгор баатар*, *Найдан Хонгор тайжа*. Кроме этого, также сближает бурятские версии с калмыцким эпосом и некоторые второстепенные образы. Например, образам Замбал-хана и его дочери Герел из калмыцкого эпоса «Джангар» соответствуют образы Наран Зула хана, его дочери (джидинская версия), Убгэн Буурал хана и его дочери (селенгинская версия). Также образу Хан Догшин Цаган Зуле и его дочери Герензал из эпоса «Джангар» близки образы Гуулин хана и его дочери. Трем лебедям, которые оживили умирающего Хонгора и его коня, соответствуют две сестры Хонгора, которые пришли ему на помощь (селенгинская версия).

Отметим, что отдельные элементы калмыцкого эпоса и бурятских версий (например, образы мангадхаев, мотив оборотничества, крылатые и говорящие кони) указывают на некое их общее архаичное происхождение. В свою очередь такой архаический элемент, как мифический образ «ломоклювой» старухи — *сарил уруутай эмгэн* имеет больше локальный бурятский характер. Как известно, образ «ломоклювой» старухи является пережитком древнейших представлений бурят. Позже, с развитием родового строя и религиозных представлений, связанных с патрилинейным родством, этот синкретичный образ старухи-злодейки появляется в бурятском эпосе в качестве отрицательного персонажа. Старуха как отрицательный персонаж встречается в селенгинской версии «Үнчэн Жагар богдо хаан»: она вредит главному герою — предательски усыпляет Хонгора перед самыми состязаниями. Известно, что мифические персонажи ведут борьбу с героями не богатырскими средствами, а при помощи черной магии, обмана, проклятия и т. д. Поэтому богатырь борется с ними их же средствами (зола, песок с галькой).

Калмыцкий эпос «Джангар» и бурятские версии. Отличия

Однако, несмотря на общие черты бурятской и калмыцкой версий «Джангара», имеются и отличительные особенности. В бу-

рятских версиях Хонгор является сыном Жангар богдо хана, в отличие от калмыцкого эпоса «Джангар», в котором Улан Хонгор является одним из главных баторов эпического героя.

Заметим, что вторая песнь из большого цикла калмыцкого эпоса «Джангар» заканчивается женитьбой богатыря Улан Хонгора, в бурятских же версиях после женитьбы Хонгора начинается вторая сюжетная линия, где он отправляется в страну Мангадхая и вызволяет своих престарелых родителей (Джангара и его жену) из рабства (селенгинская версия). Этот сюжет хотя и типичный для бурятской улигерной традиции, но, вероятнее, является более поздним добавлением в сюжетную канву калмыцкого эпоса «Джангар».

Если в калмыцком эпосе о Джангаре есть счастливая, обетованная страна Бумба, то в бурятских версиях, в частности в селенгинской версии, имеется лишь упоминание этой страны в качестве кочевий Джангара: *Бумба далай нутаг* 'Имеющий страну Бумба море' [Үнчэн Жагар богдо хаан 2002: 60].

Кроме этого, в калмыцком эпосе «Джангар» говорится, что поводом для женитьбы богатыря Хонгора послужило его совершеннолетие, то в бурятских версиях (селенгинской) — явилось рождение богатырского коня Хонгора в табуне Джангаргай хана, что является типичным мотивом завязки хоринской улигерной традиции.

Возможно, что эти отличительные признаки бурятских версий и самой Джангариады свидетельствует о том, что бурятские версии представляют собой более архаичные образцы эпоса о Джангаре [Кичиков 1992: 226].

Для сравнения приведем еще одну версию о Джангаре «Богдо Жангарай туухэ» (1992), записанную у Дугара Манзана, проживавшего в бурятском аймаке Монголии. В данной версии описание эпического времени больше схоже с описанием эпического времени хоринских улигеров. Здесь также упоминаются имена персонажей буддийского пантеона — Шакьямуни, Будда:

*Шэхэр далай нутагтай,
Шэгэмууниин шажантай.*

‘Имеющий родину Шэхэр море,
Веру Шакьямуни,

*Буйр далай нютагтай,
Бурхан Буддын шажантай.*

Имеющий родину Буйр море,
Веру Будды¹.

[Богдо Жангарай туухэ 1992]

В селенгинской версии упоминаний Будды нет.

Отметим, что имена баторов Жангара совсем другие — это Лайдан Хонгор, имеющий 100 000 поданных, Эрхии Мэргэн — хороший стрелок, поражающий цель с расстояния в 90 суток, имеющий 70 000 поданных, Ганхумай Мэргэн — исполин, телом в 30 саженой, имеющий бесчисленное множество поданных. В этой версии у Жангара есть 3 сестры дакини, в джидинской версии Найдан Хонгор тайжа имеет 2 сестры, а в селенгинской версии «Джангара» они вообще отсутствуют.

Заключение

Сравнительное исследование калмыцкого эпоса «Джангар» и его бурятских версий показало, что «калмыцкий эпос о Джангар-хане в процессе своего длительного эволюционного развития постоянно обогащался все новыми и новыми идеями, сюжетами, мотивами, образами и т. д., и, пройдя процесс циклизации, превратился в грандиозную народную эпопею...» [Дугаров 1978: 89]. Что касается бурятских версий (селенгинской и джидинской), то они, можно сказать, «законсервировались» в своем изначальном виде, поскольку локальное бытование их зафиксировалось сначала в северо-западной части Монголии, а с конца XVII в. — в Южном Забайкалье.

Можно отметить, что рассмотренные бурятские версии о Джангаре указывают на определенное генетическое родство с калмыцким эпосом.

Героический эпос монгольских народов представляет собой неиссякаемый источник для исследователей духовной культуры народов, заключающий в себе обширные пласты истории, религии, мифических верований, житейской мудрости, быта древних

---

¹ Перевод автора статьи.

людей. Исследование бурятских версий калмыцкого эпоса «Джангар» позволило выявить, что героическое повествование о Джангаре в результате длительного бытования в Забайкалье наполнилось элементами бурятской эпической традиции (хоринской), о чем свидетельствуют многочисленные параллели.

Мы согласны с мнением Д. С. Дугарова о том, что, несмотря на архаичность бурятских версий калмыцкого эпоса «Джангар», «они целиком восходят к ойратской основе, так как носителями их являются сартулы, которые перекочевали в Забайкалье во второй половине XVII в. из Северо-Западной Монголии» [Дугаров 1978: 97]. Бурятские версии эпоса «Джангар» в условиях определенной обсервации от остального ойратского мира на протяжении долгого времени не только сохранили свою первозданную основу, но и подверглись некоторому влиянию хоринской улигерной традиции (особенно селенгинская), что, несомненно, требует дальнейших исследований.

Источники

- Үнчэн Жагар богдо хаан 2002 — Үнчэн Жагар богдо хаан // Сэлэнгын буряад уудайульгэрнууд / сост. М. Н. Намжилова. Улаан-Үдэ: Изд-во Русско-азиатский колледж Бурятии, 2002. 78 с.
- Богдо Жангарай туухэ 1992 — Богдо Жангарай туухэ // Монголдохи буряадуудай ульгэрнууд [Улигеры бурят Монголии. Тексты]. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992. 94 с.

Литература

- Бакаева 2011 — Бакаева Э. П. Калмыцкий эпос «Джангар» и календарная обрядность // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 47–52.
- Бергман 1804–1805 — Бергман Б. Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах. Рига, 1804. Т. II. С. 205–221, Т. IV. 1805. С. 182–214.
- Биткеев 1990 — Биткеев Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 154 с.

- Бобровников 1864 — *Бобровников А. А.* Джангар // Вестник Императорского Русского Географического общества. Ч. XII. Кн. 5. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1854. С. 99–124.
- Борджанова 2004 — *Борджанова Т. Г.* О сюжетных функциях некоторых жанров обрядовой поэзии в эпосе «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста: Джангар, 2004. С. 310–312.
- Борманшинов 1981 — *Bormanshinov A.* The present State of Research in Jangyar Epic Studies / A. Bormanshinov // Fragen der mongolischen Heldendichtung: Teil I: Vorträge des 2; Epensymposiums des Sonderforschungsbereichs 12, Bonn 1979 / Herausgegeben von Walter Heissig. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1981. S. 273–339.
- Бурдуков 1935 — *Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки (сарт-калмаки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–79.
- Владимирцов 1967 — *Владимирцов Б. Я.* О «Джангаре»: ойратско-калмыцкий героический эпос / под ред. А. Ш. Кичикова, Г. И. Михайлова. Элиста: Калмгосиздат, 1967. 99 с.
- Голстунский 1864 — *Голстунский К. Ф.* Убаши хунтайджин тууджг. Народная калмыцкая поэма «Джангар» и Сиддиту Кюриин. Изд-е на калм. языке. СПб.: Лит. Иконникова, 1864. С. 8–74.
- Дамринжав 2002 — Хальмг Джангар / сост. Б. Дамринжав. Пекин: изд-во, 2002. 1337 х. (на ойр. письм.)
- Джамцо 2005 — *Джамцо Т.* Происхождение эпоса «Джангар» // Жаңһрин һурвн келнә кевлл. Урумчи: Синьцзянский ун-т, 2005–2010. 732 с.
- Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост.: Н. Ц. Биткеев, Э. Б. Овалов. М.: ИМЛИ, 1990. 473 с.
- Джангар 2005 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 856 с.
- Джангар 2006 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2006. 831 с.
- Джангар 2008 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: АПП «Джангар», 2008. 460 с.
- Жангар 2010 — Жангар. Жамца эркелен нээрүлва. Урумчи: Шинжийангин икэ сурһулин кэвлэлин хора, 2010. 993 х.
- Дугаров 1978 — *Дугаров Д. С.* Бурятские версии «Джангара» // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: КНИИЯЛИ, 1978. С. 81–98.
- Дүгэрсүрэн 2000 — *Дүгэрсүрэн Т.* Жангар. Улаанбаатар: Полиграф, 2000. 704 х.

- Загдарсүрэн 1978 — *Загдарсүрэн У.* Аман зохиол судлал. XI боть. Аянан Алдарт Аялган Хонгор. Удиртгал ба тайлбар ээлт үйлдэж хэвлэлд бэлтгэсэн = Серия фольклористика. XI том. Прославленный во вселенной Хонгор. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэл, 1978. С. 200–204.
- Кичиков 1992 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1992. 320 с.
- Козин 1940 — *Козин С. А.* Джангариада: героическая поэма калмыков: введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. Л.: АН СССР, 1940. 250 с.
- Котвич 1958 — *Котвич В. Л.* Джангариада и джангарчи // Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б. Я. Владимирцова. М.: АН СССР, 1958. С. 96–199.
- Кудияров 1983 — *Кудияров А. В.* Художественный стиль калмыцкого эпоса «Джангар» и вопросы его исторической интерпретации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 24 с.
- Кудияров 2002 — *Кудияров А. В.* Поэтико-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 329 с.
- Лёринц 1969 — *Lörincz, L.* Der Märchentyp 301 als tibetischen Element im Heldenlied des Dschangar / L. Lörincz // Acta Orient. Hungary. Budapest: 1969. Т. XXII, fasc. 3. S. 335–352.
- Михайлов 1971 — *Михайлов Г. И.* Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1971. 234 с.
- Мөнхөө 2014 — *Мөнхөө Б.* «Жангар» туулийн түүхэн сурвалж // Хэл бичгийн ухааны докторын зэрэг горилсон зохиол. Улаанбаатар: Соёмбо принт, 2014. 23 х.
- Очилов 1910 — *Очилов Н.* Отчёт о поездке Н. Очилова к Астраханским калмыкам летом 1909 года // Известия Русского Комитета Средней и Восточной Азии. № 10. Март 1910 г. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1910. С. 61–75.
- Овалов 2008 — *Овалов Э. Б.* Сюжетно-стилистические традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 303 с.
- Позднеев 1889 — *Позднеев А. М.* Калмыцкие сказки // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 4. Вып. 3–4. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1889. С. 307–364.

- Пюрвеева 2003 — *Пюрвеева Н. Б.* Поэтика героического эпоса «Джангар». Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.
- Ринчиндорж 2004 — *Ринчиндорж Ж.* О времени возникновения «Джангара» / Ж. Ринчиндорж // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 22–24 августа 1990 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 32–48.
- Санжеев 1940 — *Санжеев Г. Д.* Джангар // Литературный критик. 1940. № 4. С. 82–101.
- Селеева 2013 — *Селеева Ц. Б.* Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 275 с.
- Селеева 2020 — *Селеева Ц. Б.* Синьцзян-ойратская версия эпоса «Джангар»: корпус текстов и сюжетный состав // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 4. С. 35–53.
- Таяя 2016 — *Таяя Д.* Изучение проблем передачи устной традиции эпоса «Джангар» // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования: мат-лы III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 19–26.
- Тодаева 1976 — *Тодаева Б. Х.* Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.
- Тодаева 2006 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. В 3 тт. Т. 2 / пер. на соврем. калм. язык Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 831 с. (На калм. яз.).
- Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: Поэтические константы богатырского жизненного цикла (Сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Хайсиг 1985 — *Heissig W.* Zur Diffusion der Zangyar-Gesanges «Xan-Siir» // Zentralasiatische Studien. Wiesbaden, 1985. Bd. 18. S. 35–56.
- Цыбенова 2000 — *Цыбенова Б. Д.* Общности и различия бурятского эпоса «Гэсэр» и калмыцкого эпоса «Джангар»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 22 с.
- Чагдуров 1980 — *Чагдуров С. Ш.* Культ слова в эпосе монгольских народов // Джангар и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М.: Наука, 1980. С. 302–308.
- Ялатов 1997, 2002, 2004 — *Ялатов Н. К.* Янар / Янгар: Алтайский героический эпос. В 3 тт. Сказитель Н. К. Ялатов. Вступ. ст. и коммент.

И. Б. Шинжина. Горно-Алтайск: Ак-чечек, 1997. 319 с.; Т. 2. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2002. 320 с.; Т. 3. Горно-Алтайск: Ак-чечек, 2004. 351 с.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2023. № 1

Переводчик: *Джагрунов С. В.*

Компьютерная верстка: *Татнинов Д. В.*

Дата выхода 01.08.2023. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 14,37. Тираж 100 экз. Заказ 06-23.
Подписной индекс 33086. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8